МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Нестерова Елена Ростиславовна

Монгольская империя Юань в Китае в XIII в.

Аспекты цивилизационного взаимодействия

Раздел 07.00.00 — исторические науки

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (История средних веков)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор, академик РАН В.С. Мясников

Москва — 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…… 4

Глава 1. Обзор источников…… 16

1.1 Монгольские источники…….. 16

1.2 Китайские источники…….. 46

1.3 Персидские источники…… 69

1.4 Арабские источники…… 78

1.5 Европейские источники…….. 81

Глава 2. Обзор литературы…… 92

Глава 3. Монголы или татары…….. 119

3.1 Новые завоеватели……... 119

3.2 Монголы или татары…… 131

Глава 4. Представления о верховной власти…… 146

4.1 Вождь дочингисовой эпохи…… 149

4.2 Чингис-хан как реформатор…… 155

4.3 Семейные отношения и престолонаследование……... 162

4.4 Подводя итоги…….. 170

Глава 5. Монголы: «Образ другого»…… 172

5.1 Европейские легенды о монголах…….. 173

5.2 Сведения китайских и европейских путешественников…….. 177

5.3 Мусульманские сочинения……. 191

5.4 Подводя итоги…….. 212

Глава 6. Аспекты взаимодействия монголов и китайцев…… 214

6.1 Провозглашение династии Юань……... 227

6.2 Хан Хубилай и его советники……. 238

6.3 Методы управления китайскими землями Монгольской империи…… 245

6.4 Монголы и китайская культура…….. 250

6.5 Военное дело побежденных — вклад в новые победы…… 253

6.6 Подводя итоги…….. 257

Глава 7. Некоторые аспекты евразийской торговли накануне и в ранний период монгольского владычества в Китае…… 260

7.1 Положение купцов при монголах и в Китае……. 263

7.2 Структура сочинений Чжао Жугуа и Марко Поло……... 267

7.3 Сравнение цен и стоимости товаров…….. 282

7.4 Степень развития товарно-денежных отношений в различных регионах…….. 287

7.5 Китайская торговля по материалам Чжао Жугуа и Марко Поло…… 290

7.6 Подводя итоги…….. 294

Заключение…… 296

Список сокращений…… 302

Список источников…….. 303

Список использованной литературы……... 308

Литература на русском языке……... 308

Литература на иностранных языках……. 319

Введение

Содержание научной проблемы. В настоящем диссертационном исследовании представлено комплексное изучение феномена Монгольской империи как государственного образования, включившего в себя представителей целого ряда народов, находящихся на различных этапах общественного развития и вынужденных взаимодействовать между собой в самых разных сферах жизни. Исследование фокусируется на особенностях взаимодействия монголов и китайцев XIII–XIV вв. как образчиков традиционно кочевой и древней земледельческой культур. Монголы, в дочингисовскую эпоху упоминавшиеся в исторических сочинениях только эпизодически, за несколько десятков лет (1206–1271 гг.) сумели создать государство, превосходившее по своим размерам все империи древности и средневековья и простиравшееся от Тихого океана до Черного моря. Наследники Чингиса на несколько поколений взяли в свои руки власть над бóльшей частью Евразии, а в отдельных регионах правили до средины XVII в., что свидетельствует о достаточно высокой жизнеспособности Монгольской империи, особенно, если учесть, что большинство схожих с ней по истории возникновения кочевых империй либо распадались вскоре после смерти создателя, либо сохраняли контроль над куда менее обширными территориями. Таким образом, не вызывает сомнений, что держава Чингис-хана заслуживает самого тщательного изучения.

При этом необходимо отметить, что огромную роль в судьбе монгольского государства сыграл покоренный во второй половине XIII в. Китай. Двусторонний процесс культурного взаимодействия имел важные последствия для народа завоевателей, для китайского населения, а также для всего Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Актуальность темы диссертационного исследования «Монгольская империя Юань в Китае в XIII в. Аспекты цивилизационного взаимодействия» диктуется современными реалиями и направлением развития исторической науки. Вопросы комплексного изучения регионов и межцивилизационной интеграции все

чаще выходят на первый план, преобладая над исследованием отдельно взятых сюжетов, персонажей, государств. В связи с этим анализ сосуществования монголов и китайцев в XIII в. с точки зрения взаимных влияний, заимствований, последствий для обоих народов, представляется темой, которой пришло время оказаться в фокусе. Необходимо учесть, что во многом именно благодаря завоеваниям Чингис-хана активизировался обмен идеями и технологиями между Западом и Востоком, а процесс становления монгольской империи послужил одним из факторов определивших современный облик Китая и Монголии. В первую очередь, это касается границ и конфессиональной картины — при монгольской династии Юань Китай впервые занял всю свою нынешнюю территорию, а религиозная карта стала значительно разнообразнее. Наконец, контакты Китая и монголов способствовали их дальнейшим завоевательным успехам, оказавшим определяющее влияние на последующую историю всей Евразии. Необходимость изучить судьбы столь несхожих между собой народов потребовала привлечения большого пласта различных источников для сравнительного анализа, что также является актуальной тенденцией в современной историографии. Многие из этих источников прежде в комплексе не анализировались.

Степень разработанности темы неравномерна. Ряд затрагиваемых в исследовании сюжетов изучен весьма подробно. Другим на протяжении истории изучения Монгольской империи внимания уделялось не в пример меньше. Некоторые вопросы, рассматриваемые в настоящей работе, в указанных формулировках не поднимались вовсе.

Степень достоверности и обоснованности диссертационного исследования высока благодаря использованию большого количества письменных источников, составленных в разных регионах авторами разной этнической принадлежности. Сравнительный анализ сочинений, которые в таком ракурсе и таком объеме прежде в историографии не сопоставлялись, позволил выявить сходства в описаниях целого ряда явлений и процессов, что подтверждает точность сообщений

средневековых авторов. Также были досконально изучены работы отечественных и зарубежных авторов, начиная с XVIII в. Кроме того, для повышения результативности исследования привлекались материалы по нумизматике, филологии, исторической метрологии.

Источниковая база. При работе над столь разносторонней темой нами были использованы источники европейских, монгольских, китайских, персидских и арабских авторов. По жанрам их можно разделить на следующие группы: официальное историописание — «Джами ат-Таварих» (Сборник летописей) Рашид ад-Дина, «Табакат-и Насири» (Насировы разряды) Джузджани, «Тарих-и Джахангушай» (История завоевателя мира) Джувейни, «Сират ас-султан Джелал ад-Дин Манкбурны» (Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны) ан-Насави, «Ал-Камил фи-т-та’рих» (Полный свод истории) Ибн ал-Асира, «Юань ши» (История династии Юань), «Алтан-тобчи» (Золотое сказание) Лубсан Данзана; путевые заметки — «Мэнда бэйлу» Чжао Хуна, «Хэйда шилюе» Пэн Дая и Сюй Тина, «Чанчунь чжэньжэнь си ю цзи» Ли Чжичана, записки Чжан Дэхуэя, Плано Карпини и Гильома Рубрука; к отдельной категории можно отнести работы системно-аналитического характера — «Книга о разнообразии мира» Марко Поло и «Чжу фань чжи» (Описание дальних земель) Чжао Жугуа, поскольку в обоих случаях текст составлялся с привлечением дополнительных материалов, однако при этом не посвящен общему описанию мест, выделяя лишь отдельные характеристики, представлявшие для авторов специальный интерес; особняком стоят надпись на могиле Елюй Чуцая как панегирический текст, и «Юаньчао биши» (Тайная история династии Юань) как эпическое сказание.

Большинство источников использовалось в переводе на русский язык, поскольку в ряде случаев это — единственный существующий перевод, а иногда, при наличии прочих переводов, — признанный наилучшим с научной и лингвистической точки зрения. Далеко не все оригинальные тексты на сегодняшний день изданы, однако по мере необходимости мы обращались к доступным оригинальным изданиям. Часть исторических источников

использовалась в переводе на европейские языки (английский, немецкий, французский). «Юань ши» на сегодняшний день целиком ни на один европейский языке не переведена, а оригинальный текст давно стал библиографической редкостью, так что приходится опираться на те фрагменты, которые переводили для своих узко специализированных работ такие востоковеды, как Н.Ц. Мункуев, Р.П. Храпачевский, Г. Франке, Г. Шурман.

Из всего перечисленного многообразия источников мы старались выделить информацию, касающуюся особенностей культурологических процессов, имевших место после возникновения империи Чингис-хана, а также специфических обстоятельств, касающихся самого акта образования монгольского государства.

Таким образом, **объект настоящего исследования** — межцивилизационное взаимодействие в Монгольской империи в период ее возникновения и последующего обособления Китая с сопредельными территорий в империю Юань; особенности становления монгольского общества рассматриваемого периода; специфика восприятия его соседними народами.

Предметом исследования в настоящей работе стало взаимное влияние монгольского и китайского народов, особые обстоятельства их сближения, а также образ монголов в глазах тех народов, которые вступали с ними в наиболее тесный контакт.

Целью данного исследования является изучение процессов воздействия китайской культуры на монгольское общество, монгольских традиций на китайское общество, изучение образа монголов в сочинениях китайских, арабских, персидских и европейских авторов, изучение изменений в жизни общества, к которым привело установление монгольской гегемонии в Китае и сопредельных областях.

Для достижения заявленных целей в ходе написания работы решались следующие **задачи: первая** — выяснить, что представляли из себя монголы рассматриваемого периода, правомерно ли называть их татарами, на каком уровне

общественного развития они находились, имелись ли в монгольской среде предпосылки к формированию межнационального государства; **вторая** — рассмотреть, как формировалась у монголов идеология верховной власти, необходимая для создания империи, и в чем выражалось влияние на эту идеологию со стороны ближайших оседлых цивилизаций, в первую очередь, китайской; **третья** — проанализировать, какие представления о монголах формировались у тех народов, которые активно контактировали с ними на протяжении XIII–XIV вв., имелись ли подтверждения межкультурного взаимодействия; **четвертая** — выяснить, каким образом и в каких условиях проходило взаимодействие монгольского и китайского культурного пространств, что нового привнесло монгольское завоевание в жизнь региона и что было позаимствовано монголами у завоеванного населения.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период от начала XIII в., с момента преодоления Чингис-ханом раздробленности в Степи, поскольку именно в этот период закладывались основные принципы государственного устройства, идеологии, культуры, и до конца XIII в., времени правления Хубилая — первого императора династии Юань, при которой взаимодействие монголов и китайцев вышло на принципиально новый уровень после окончательного разгрома империи Южной Сун в 1279 г.

Теоретические и методологические основы исследования включают в себя основные принципы исторической науки: историзм, объективность, системность. В ходе работы применялись такие общенаучные методы, как индукция, дедукция, анализ, синтез. Работа над источниками осуществлялась с помощью сравнительно-исторического анализа. В случае необходимости для написания некоторых разделов применялись также конкретно-исторические методы нумизматики, исторической метрологии и исторической географии.

Научная новизна работы заключается в том, что, хотя некоторые из поднимаемых в работе проблемы и становились объектами отдельных

исследований, однако комплексное сравнение по такому перечню признаков прежде не проводилось. Так, впервые восприятие монголов современниками анализируется на столь широком круге источников — китайских, арабских, персидских, европейских. Также впервые осуществляется анализ процессов культурного взаимодействия монголов и Китая по столь многим параметрам, от изменений, привнесенных в развитие изобразительного искусства, до перемен в региональной торговле. Последняя тема впервые рассматривается на материале сравнительного анализа источников разного времени, описывающих одни и те же сюжеты, что позволяет наблюдать эволюционирование товарно-денежных отношений, структуры экспорта и импорта, цен и спроса. Помимо этого, предпринята попытка структурировать имеющиеся знания по проблеме именования народа Чингис-хана, в частности, найти логичное объяснение использованию китайскими авторами названия «черные татары». Что касается вопросов, которые уже поднимались востоковедами ранее, такие как развитие монгольской государственной идеологии, процесс прихода к власти Чингис-хана или его внука Хубилая, роль Хубилая в возникновении империи Юань, то они, будучи совершенно необходимы для понимания общего контекста интересующих нас проблем, представлены с помощью комплексного анализа максимально доступного объема существующей историографии, как отечественной, так и зарубежной.

Теоретическая значимость. Настоящая работа важна для понимания процессов культурного синтеза между Китаем и монголами XIII–XIV вв., особенностей взаимодействия кочевого и древнего оседло-земледельческого общества, для расширения представлений о монголах как создателях величайшей империи средневековья через призму восприятия их другими народами. Разработка поднятых в работе проблем позволит глубже проанализировать различные аспекты цивилизационного взаимодействия и его последствия для обеих сторон.

Практическая значимость. Материалы настоящей работы могут быть использованы для подготовки лекционных курсов и семинарских занятий по

средневековой истории Китая и периоду возникновения Монгольской империи. Также они могут использоваться для изучения проблемы восприятия монголов как «образа другого» в сочинениях их современников. Кроме того, их можно использовать при работе над комплексными историческими исследованиями региона.

Структура работы. Цели и задачи исследования во многом определили его структуру: оно состоит из введения, обзора источников и литературы, пяти глав основной части, заключения и библиографии. Каждая из глав направлена на разработку одной из затрагиваемых в исследовании проблем.

Первая глава основной части имеет вводно-обобщающий характер. Первая ее часть посвящена краткому обзору процесса возникновения Монгольской империи, военным кампаниям Чингис-хана и расширению подконтрольных монголам территорий. Именно эти события побуждают историков снова и снова возвращаться к изучению монгольского феномена. Вторая часть посвящена анализу понятий «монголы», «татары», и «черные татары», в разных комбинациях встречающихся в используемых нами источниках. Это чрезвычайно важная тема, поскольку атрибутация необходима для правильного толкования исторических данных в дальнейшем. Кроме того, в главе разбираются вопросы географического расселения и этнических особенностей рассматриваемого народа.

Вторая глава содержит разбор основных представлений, существовавших в монгольской среде XIII в. касательно значения и функций верховной власти. Рассматриваются обстоятельства прихода к власти Чингис-хана и те изменения, которые он привнес во властные институты после провозглашения его великим ханом. Также в главе проводится сравнительный анализ этих представлений с официальной китайской идеологией, что позволяет сделать выводы о значительном влиянии Китая на своих северных кочевых соседей и о характере этого влияния.

В **третьей главе** исследуется восприятие монголов их современниками — представителями других народов. Для этого осуществлен сравнительно-

исторический анализ ряда китайских, арабских, персидских и европейских сочинений, проводившийся с учетом политической ориентированности авторов, степени их хронологической приближенности к описываемым событиям и целей, с которыми составлялись рассматриваемые тексты.

Четвертая глава посвящена всестороннему анализу взаимодействия монгольской и китайской культуры на протяжении существования Великой Монгольской империи и последующего обособления империи Юань. В первом разделе главы уделено внимание проблеме оценки деятельности первого юаньского императора Хубилая, чью роль в выстраивании межцивилизационного диалога трудно переоценить. Во втором разделе анализируются приемы управления, которыми пользовались юаньские императоры, проводится разграничение между традиционно монгольскими методами и заимствованиями из китайской культуры. В третьем разделе акцент сделан на сфере искусства, на тех изменениях, которые стали следствием монгольского завоевания. В четвертом анализу подвергается влияние Китая на военное дело и уровень развития техники монголов. Глава написана с опорой на широкий круг современной и классической отечественной и зарубежной историографии для наиболее полного отображения существующих в востоковедении точек зрения.

Пятая глава концентрирует внимание на более конкретном сюжете — изменениях в региональной торговле, произошедших в результате монгольских завоеваний. Эта тема была выбрана за свою малую разработанность в современной историографии и хорошо заметную двойственность в отношении оценок влияния прихода монголов к власти: общепризнанных отрицательных последствий завоевания, таких как подрыв экономики из-за многочисленных человеческих жертв и нарушений традиционной формы ведения хозяйства, никто отрицать не станет, но вместе с тем, имели место и позитивные моменты, которым следует отдать должное. Из сравнения двух источников, «Книги» Марко Поло и «Описания дальних земель» Чжао Жугуа, видно, что торговля в регионе с установлением монгольского владычества заметно оживилась. Первый раздел главы посвящен

анализу данных источников по странам-участницам торгового обмена и товарам, которые циркулировали в регионе. Второй — эволюции цен на протяжении пятидесяти лет, с привязкой к соотношению драгоценных металлов. В третьем рассматривается изменение товарно-денежных отношений в регионе. В четвертом — особенности китайской торговли, импортируемые и экспортируемые Китаем товары и изменения, произошедшие с установлением монгольского владычества.

Основные положения научно-квалификационной работы, выносимые на защиту:

1. В исторических сочинениях XIII–XIV вв. монголы Чингис-хана фигурируют под именами *монголов*, *татар*, а также *черных татар*. Каждый способ наименования имеет под собой собственное обоснование, среди которых можно выделить следующие концепции: стремление монголов упрочить свой международный авторитет отсылкой к славному и могучему татарскому племени, различить родственные между собой кочевые племена, использование заимствованного названия из других языков, упоминание монгольского самоназвания. Мы предлагаем еще одну версию: намерение китайцев оценить степень вовлеченности монгольских племен в сферу влияния китайской культуры.

2. В канун великих завоеваний Чингис-хана монгольские племена пребывали в состоянии политической раздробленности, следствием чего была их относительная слабость, частые поражения от татар и постепенно осознаваемая потребность в сильном лидере. Эта потребность нашла свое выражение в избрании Чингиса великим ханом и в его последующей поддержке со стороны большинства простого монгольского населения. Немаловажное значение при этом имели как личные качества самого Чингис-хана, так и те нововведения, которые он привнес в процесс управления и распределения обязанностей внутри нового государства. Мы хотим доказать, что важную роль в становлении монгольской империи сыграли идеи сакральности верховной власти, общие для кочевников и земледельцев рассматриваемого нами региона, выражавшиеся для монголов в понятии ханской

харизмы, а для тесно соседствовавших с ними китайцев — в концепции получения императором небесного мандата на управление страной.

3. Монголы, пошатнувшие устои многих государств евразийского континента, удостоились весьма разнообразного описания со стороны своих современников. При том, что среди авторов, так или иначе писавших о монголах, встречались как их явные противники, так и те, кто служил их правителям, палитра характеристик чрезвычайно обширна. Не все авторы единодушны в рассказах о юности и взрослении Чингиса, о ходе его военных походов, об оценке итогов его завоеваний. Однако на этом фоне имеется целый ряд утверждений, общий для всех источников. К этим утверждениям относятся сведения о низком уровне образованности монголов, их высоких моральных и боевых качествах, хорошей военной организации. Мы анализируем ту неоднозначность, которой наделе образ монголов во всех выбранных нами текстах.

4. Завоевание монголами Китая и формирование государства, в границах которого сосуществовало кочевое и оседлое население, привело к активному цивилизационному обмену между монгольской и китайской культурой. И этот процесс носил обоюдный характер. Последствия монгольской экспансии следует оценивать многозначно, поскольку наряду с безусловно отрицательными итогами, такими как огромные человеческие жертвы, разрушение хозяйства, выстраивание стратифицированного общества, в котором коренному населению Китая отводилась низшая ступень, обремененная множеством ограничений, имелись позитивные результаты — развитие изобразительного искусства и театра, совершенствование официальной идеологии, расширение торговли, интенсификация обмена идеями на Востоке и выход этих идей на Запад. В структурах монгольского государства имелись явные заимствования из китайской управленческой традиции, что особенно ярко проявлялось в годы правления династии Юань. При этом сохранялись некоторые элементы, традиционные для монгольских кочевников. Мы предлагаем свои наблюдения за процессом симбиоза и анализируем его основные направления.

Апробация исследования. Основные положения научно-квалификационной работы были изложены в одиннадцати публикациях, общим объемом 13,5 а.л. Четыре из них вышли в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положение о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендованных ученым советом для защиты диссертации по специальности 07.00.03 – Всеобщая история. Среди публикаций — историографические обзоры, аналитические статьи, посвященные различным аспектам становления монгольской империи и взаимодействию монголов с населением Китая, а также развернутый комментарий к переводу на русский язык китайского сочинения «Хэй-да ши-люе», одного из важнейших источников по истории монголов XIII в.

1. Хэйда шилюе. Источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. Перевод под ред. Е.Р. Нестеровой, комментарий, вводная и сопроводительная статья Е.Р. Нестеровой. М., 2016;

2. Нестерова Е.Р. Монголы, татары, черные татары — кто есть кто в истории монгольских завоеваний // Хэйда шилюе. С. 7–19;

3. Нестерова Е.Р. Комментарий к переводу «Хэйда шилюэ» // Хэйда шилюе. С. 56–98;

4. Нестерова Е.Р. Монгольская империя в Китае — стили и методы управления и духовная конвергенция // Хэйда шилюе. С. 111–133

5. Нестерова Е.Р. Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы / Восток-Запад / Отв. ред. акад. В.С. Мясников. 2011–2012. М., 2013. С. 37–60;

6. Нестерова Е.Р. Образ монголов в записках иностранных путешественников // Mongolica XIII. СПб., 2014. С. 22–29;

7. Нестерова Е.Р. Особенности культурного взаимодействия монголов и китайцев в XIII–XIV вв. // Вестник СПБГУКИ. 2015. 4(25). С. 55–59;

8. Нестерова Е.Р. Представления о роли хана и характере верховной власти у монголов в начале XIII в. // Восток. 2016. №3. С. 74–84;

9. Нестерова Е.Р. Некоторые особенности взаимодействия монголов и китайцев в правление Хубилай-хана (1260–1294) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. №4 (34). С. 377–385;

10. Нестерова Е.Р. Личность и деятельность Чингис-хана в историографии / Scripta Antiqua. Альманах. Т. 5. М., 2016. С. 214–232;

11. Нестерова Е.Р. Некоторые аспекты евразийской торговли накануне и в ранний период установления монгольского владычества в Китае (по данным «Описания всех дальних земель» Чжао Жугуа и «Книги о разнообразии мира» Марко Поло) // Средние века. М., 2018. Вып. 79(3). С. 148–179;

12. Нестерова Е.Р. Некоторые размышления о связи понятий «монголы» и «татары» в мировой историографии // Человеческий капитал. 2019. №6 (126). С. 23–30.

Глава 1. Обзор источников

1.1 Монгольские источники

Рассмотрим основные источники, использовавшиеся при написании данной работы.

Один из важнейших источников по истории монголов XIII в. — «Юаньчао биши» (Тайная история монголов). В нем подробно излагается история рода Чингис-хана от самых далеких легендарных предков. Приводится биография Темучжина (с самого рождения), описание его походов, монгольская система организации войска и личной ханской гвардии. Рассказывается о родичах Чингис-хана, его сыновьях, правлении Угэдэя, расширении монгольской империи. Большое внимание уделено описанию быта монголов этого периода. Кроме того, в тексте содержится много так называемых поучений Чингис-хана преемникам, из которых можно почерпнуть немало ценного для понимания политических воззрений основателя империи. Здесь освещается история создания монгольской государственности.

Литература, посвященная изучению этого памятника, чрезвычайно обширна. В рамках нашего исследования нет возможности, как, впрочем, и необходимости, охватить ее полностью, так что напомним лишь наиболее значимые работы.

В первую очередь, это фундаментальное исследование Шагдарына Биры «Монгольская историография (XIII–XVII вв.)»[1]. Подробный разбор «Юаньчао биши» как образца монгольского историописания XIII в., детальное изложение истории его изучения в отечественном и зарубежном востоковедении, анализ процессов формирования и осмысления исторических знаний монголов времен империи Чингис-хана, исследование более позднего источника «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана делают эту монографию чрезвычайно полезной для осмысления всего комплекса письменных источников рассматриваемого периода, для

[1] *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978.

понимания общей ситуации в историческом сознании монголов, что ведет к созданию более четких представлений об уровне их культурного развития в целом. Но самое главное, конечно, что без «Монгольской историографии» невозможно составить себе целостное представление об истории изучения «Тайной истории монголов», которая является краеугольным камнем в любом исследовании монгольской истории XIII в.

Основоположниками изучения «Тайной истории» по праву можно считать П.И. Кафарова и А.М. Позднеева. Глава Русской духовной миссии в Китае, Петр Иванович Кафаров (о. Палладий) был в числе первых отечественных востоковедов, которые заинтересовались процессом формирования государства Чингис-хана, его перу принадлежит несколько важных переводов на эту тему с китайского языка[2]. Именно он впервые ввел в научный оборот «Юаньчао биши», переведя китайский вариант текста[3].

Алексей Михайлович Позднеев[4] — знаток монгольского, маньчжурского, тибетского и китайского языков, первый директор Восточного института во Владивостоке[5] — жил и работал несколько позже П.И. Кафарова, однако прекрасно его знал и высоко оценивал его научные достижения. Из обширного творчества А.М. Позднеева, посвященного, в основном, более позднему периоду истории монголов, хотелось бы выделить статью, напрямую связанную с трудом о. Палладия — «О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юаньчао миши»[6] (Юаньчао миши — то же самое, что и Юаньчао биши, «Тайная история монголов», разница только в чтении иероглифа).

---

[2] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 176.

[3] Старинное монгольское сказание о Чингис-хане / Перевод П.И. Кафарова // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 1–258.

[4] Перечень трудов см. в: *Шастина Н.П.* А.М. Позднеев // Mongolica-VI: сборник статей к 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб., 2003. С. 7.

[5] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 477.

[6] *Позднеев А.М.* О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юаньчао миши // Сочинения. СПб., 1883. С. 480–501.

В этой статье автор дал высокую оценку переводу П.И. Кафарова, а также подробно описал рукопись памятника, попавшую трудами Палладия в библиотеку Императорского Санкт-Петербургского университета. Этот источник, едва попав в поле зрение ученых, немедленно завоевал всеобщее внимание и был поставлен на первое место в ряду памятников XIII в., как предоставляющий необыкновенно полную информацию о возвышении Чингис-хана[7]. Кроме того, А.М. Позднеев отмечал, что он имеет большую ценность для монгольского языкознания, поскольку являет собой произведение, написанное на «коренном» языке, не подвергшемся ещё влиянию китайского и тибетского[8].

Огромный вклад в изучение «Юаньчао биши» сделал Борис Иванович Панкратов, начавший заниматься этим памятником ещё в 1920-е гг. В его планы входило издание оригинального текста и перевода с комментариями, полного индекса записанных китайскими иероглифами монгольских слов, реконструкции монгольского текста и его транскрипции[9]. К большому сожалению, в полном объеме этот замысел реализовать не удалось. В Архиве востоковедов ЛО ИВАН сохранилось девятнадцать школьных тетрадей, в которых записана русская транслитерация китайских иероглифов, транскрибирующих монгольский текст «Юаньчао биши» и часть монголизированной научной транскрипции текста, а также словарь — четыре коробки с карточками, на которых записаны монгольские слова, транскрибированные китайскими иероглифами, и их китайский перевод[10]. Сам перевод пропал во время Великой Отечественной войны.

Как писал крупный отечественный китаевед Юрий Львович Кроль, «панкратовская транскрипция монгольского текста «Юаньчао биши» была по счету четвертой или пятой в мире и совершенно независимой от других»[11] (к 1921 г.

[7] Там же. С. 481.

[8] Там же. С. 501.

[9] Юаньчао биши. С. 18.

[10] *Панкратов Б.И.* Образцы переводов из «Юаньчао биши» / Подготовка к печати и предисловие Ю.Л. Кроля // Mongolica. К 750-летию Сокровенного сказания. М., 1993. С. 103–104.

[11] Там же. С. 105.

в неопубликованном виде существовали рукописные транскрипции памятника, выполненные П.И. Кафаровым, Нака Митиё, П. Пеллио и, вероятно, Цэнд-Гуном[12]).

Перевод полного текста памятника, подготовленный Б.И. Панкратовым, по времени создания стал вторым в мире (после перевода Нака Митиё 1907 г.) и первым в Европе. С.А. Козин перевел «Юаньчао биши» значительно позднее. При этом из сохранившихся статей и архивных документов становится ясно, что подход к переводу у этих двоих ученых принципиально различался. Б.И. Панкратов указывал, что переводчик такого источника должен «не допускать в труде никаких поэтических вольностей… поэтических шалостей», избегать «вольно литературного» перевода[13]. В то же время, как уже было замечено выше, С.А. Козин приоритетное внимание уделял именно поэтическим вставкам, стараясь, по возможности, сохранить их стихотворную форму и образность изложения. Ю.Л. Кроль отмечает, что при сопоставлении перевода С.А. Козина и записанных на карточках примеров для статьи, сохранившихся от перевода Б.И. Панкратова, обнаруживается расхождение в нескольких десятках параграфов[14].

В 1920-е гг. Б.И. Панкратов переводил текст, состоявший из 12 *цзюаней*. В 1957–1960 гг. он подготовил издание рукописи из 15 *цзюаней*, приобретенной П.И. Кафаровым, и планировал выполнить новый перевод. Эта работа так и не вышла в свет — ученый постоянно проверял её, продолжал редактировать, унифицировать написание имен, названий и специальных терминов[15]. В итоге сейчас в Архиве востоковедов ЛО ИВАН хранится частично рукописный и частично машинописный перевод двух третей «Юаньчао биши» (около 200 параграфов из 282)[16]. Ю.Л. Кроль опубликовал сорок параграфов, что, вне всякого сомнения, слишком мало для каких-либо научных изысканий, однако дает

[12] См. *Успенский В.Л.* О переводе «Сокровенного сказания» Цэнд-Гуна // Mongolica. С. 99–103.

[13] См. *Панкратов Б.И.* Образцы переводов из «Юаньчао биши» // Mongolica. С. 106–107.

[14] Там же. С. 107.

[15] Там же С. 109.

[16] Там же. С. 110.

представление о высочайшем уровне проработки текста и заставляет лишний раз пожалеть о том, что весь перевод Б.И. Панкратова так и не стал достоянием широкого круга исследователей.

Хотелось бы упомянуть замечательный по своей полноте и информативности сборник статей, посвященный условному 750-летнему юбилею «Тайной истории»[17]. В нем освещается история комплексного изучения этого памятника отечественными[18], монгольскими[19] и китайскими[20] специалистами; приводятся данные лингвистического анализа текста[21]. Именно из этого издания можно почерпнуть бесценную информацию по неизданному переводу «Юаньчао биши», подготовленному Б.И. Панкратовым[22], и получить комплексное представление об истории переводов этого памятника на различные языки[23]. Таким образом, сборник позволяет познакомиться со всей обширной традицией изучения монгольской летописи, накопившейся к концу XX в. Это тем более ценно, ибо дискуссия вокруг памятника не утихает, поскольку на главные вопросы — кто, когда и с какой целью написал сочинение, до сих пор однозначных, признаваемых всеми исследователями ответов нет.

Еще один сборник, также приуроченный к этой же знаменательной дате, — «Тайная история монголов. Источниковедение, филология, история»[24]. Представленные там статьи освещают историю изучения памятника отечественными востоковедами[25], дискуссию о наиболее подходящем переводе его

---

[17] Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания» / Отв. ред. В.М. Солнцев. М., 1993.

[18] *Яхонтова Н.С.* История изучения «Юаньчао биши» в России и СССР // Mongolica. С. 7–39.

[19] *Цендина А.Д.* Изучение «Сокровенного сказания» в МНР / Там же. С. 54–86.

[20] *Булаг.* Изучение «Сокровенного сказания» в Китае // Там же. С. 87–98.

[21] Лингвистическое изучение «Сокровенного сказания» // Там же. С. 249–340.

[22] *Панкратов Б.И.* Образцы переводов из «Юаньчао биши» // Там же. С. 103–125.

[23] *Таубе М.* К реконструкции и переводам // Там же. С. 40–53.

[24] Тайная история монголов. Источниковедение, история, филология / Отв. ред. Б.З. Базарова, П.Б. Коновалов. Новосибирск, 1995.

[25] *Улымжиев Д.Б.* Изучение «Сокровенного сказания монголов» в России и СССР // Тайная история монголов. С. 6–14.

названия[26], особенности социально-политической организации монголов в канун их возвышения[27].

Если говорить о зарубежной литературе, посвященной «Тайной истории», то не следует забывать о множестве переводов, среди которых подготовленные Эрихом Хенишем, Игорем де Рахевильцем, Ургунджем Ононом и многими другими выдающимися специалистами. Что касается более специализированных исследований — вспомним пространную статью Вильяма Хуна «Распространение книги, известной как «Тайная история монголов»[28], вышедшею в «Гарвардском журнале азиатских исследований» в середине прошлого столетия. Акцент в статье сделан на судьбах различных списков «Юаньчао биши» и текстологическом анализе, однако представлены рассуждения и об авторстве источника[29], и о проблеме перевода текста на китайский язык[30], и о точности заглавия[31].

Еще одним значительным исследованием можно назвать монографию Майкла Холлидея, посвященную лингвистическому изучению «Тайной истории»[32]. Анализу подверглись стиль написания, лексика, диакритические знаки, грамматика, используемые слова, с точки зрения фонетики и морфологии, структура предложений, употребление имен собственных и географических названий[33].

---

[26] *Базарова Б.З.* О русских переводах названия «Юаньчао миши» // Тайная история монголов. С. 15–25.

[27] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII–XIII вв. // Тайная история монголов. С. 48–65.

[28] *Hung W.* The transmission of the book known as The secret History of the Mongols // HJAS. 1951. Vol. 14. Pt. 3–4. P. 433–492.

[29] Ibid. P. 491–492.

[30] Ibid. P. 459.

[31] Ibid. P. 485.

[32] *Halliday M.* The Language of the Chinese “Secret History of the Mongols”. Oxford, 1959.

[33] Ibid. P. 13–125.

Из более современных материалов назовем статью Т. Баррета «Тайная история монголов. Некоторые новые открытия»[34], которая уделяет основное внимание текстологическому анализу китайского варианта текста, дате его создания, а также упоминаниям о «Юаньчао биши» в китайских сочинениях эпохи Мин. В 2007 г. вышла еще одна любопытная статья, посвященная «Тайной истории» — «Дата создания «Тайной истории монголов» пересмотрена» Кристофера Этвуда[35]. Автор убежден, что сочинение было написано в 1252 г. и явилось своего рода программным манифестом тех соратников Мункэ-хана, которые были настроены против сближения династии с местной элитой немонгольского происхождения и хотели вдохнуть новую жизнь в культ Чингис-хана и в свои национальные традиции[36].

Время написания «Тайной истории монголов» до сих пор является предметом оживленной научной дискуссии[37]. В колофоне сказано, что данный текст был составлен в год мыши. Наиболее вероятной датой считается 1240 г., в частности, именно его называет один из первых исследователей «Юаньчао биши», П.И. Кафаров (о. Палладий)[38]. Однако многие современные исследователи ставят эту дату под сомнение[39]. Как отметил видный отечественный монголовед Николай Цырендоржиевич Мункуев, японские исследователи первой половины XX в. считали, что памятник был написан ещё при Чингис-хане, а в 1240 г. его лишь дополнили сведениями о правлении Угэдэя[40].

---

[34] *Barret T.H.* The Secret History of Mongols. Some fresh revelations // Muslims, Mongols and Crusaders / Compiled and introduced by G.R. Hawting. NY., 2007. P. 115–119.

[35] *Atwood Ch.P.* The Date of the “Secret History of the Mongols” Reconsidered // JSYS. 2007. Vol. 37. P. 1–48.

[36] Ibid. P. 44.

[37] Юаньчао биши (Секретная история монголов) / Издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. [Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. Вып. 8. Т. 1]. М., 1962. С. 5.

[38] Старинное монгольское сказание. С. 16.

[39] См. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 152.

[40] Там же. С. 152.

В то же время французский историк Рене Груссе выдвинул гипотезу, что это сочинение было написано в 1252 г.[41]. По его мнению, одна из приведенных речей Чингис-хана звучит так, словно хан предвидел переход престола от рода Угэдэя к роду Толуя (сын Толуя Мункэ стал ханом в 1251 г.). При этом заключительный параграф напоминает посмертную оценку деятельности Угэдэя, пусть и вложенную в уста самого хана[42]. Эту же датировку принимает Кристофер Этвуд, который полагал, что «Тайная история» была написана человеком, глубоко вовлеченном в политические и религиозные реалии монгольского общества того времени, и сравнивал ее с «Энеидой» Вергилия[43].

В свою очередь, сторонники гипотезы, утверждающей датой создания этого сочинения 1264 год (В. Хун, Дж. Ледьярд), опираются на то, что в китайской транскрипции имеется географическое название, появившееся только в 1263 г. Кроме того, в одном из параграфов сообщается о походе в Корею, случившемся, по данным корейских источников, в 1254–1258 гг.[44]

Действительный член Академии наук МНР Ш. Бира, подробно описывая эту дискуссию, приводил контраргументы против этих новых вариантов датировки. Точку зрения Р. Груссе опровергли французский ученый Поль Пеллио и английский ученый Игор де Рахевильц. По их словам, притязания рода Толуя на престол были известны задолго до смерти Угэдэя. Кроме того, в «Юань ши» не упомянут курултай 1252 г., и если применительно к 1240 г. такая небрежность допустима (главы, посвященные Угэдэю, носят несколько отрывочный характер), то для более позднего периода это совершенно не характерно[45].

С точкой зрения В. Хуна и Дж. Ледьярда не согласны бельгийский китаевед Антуан Мостэрт и уже упомянутый Игор де Рахевильц. Они ссылаются на то, что в

---

[41] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 42.

[42] Там же.

[43] *Atwood Ch.P.* The Date of the “Secret History of the Mongols” Reconsidered. P. 3–4.

[44] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 43–44.

[45] Там же. С. 42.

«Сокровенном сказании» ни слова не сказано о важнейших событиях, имевших место до 1264 г., таких как завоевание Персии, возобновление войны с династией Южных Сунов, борьба Хубилая за престол и его окончательное воцарение. А географическое название, по их мнению, существовало уже в 1230-е гг., хотя тогда ещё не было оформлено официально. Кроме того, упомянутый поход на Корею мог остаться не зафиксированным придворными хрониками корейских правителей, а может быть, здесь имеет место небрежность, с которой иногда приходится сталкиваться во многих источниках, не только по этому периоду[46]. По мнению Игоря де Рахевильца, «Юаньчао биши» было написано в канун избрания великим ханом Угэдэя и должно было напомнить участникам *курултая* о важности традиционных ценностей, предостерегая от излишнего заигрывания с оседлыми культурами[47].

По мнению Ш. Биры, хотя вопрос с датировкой корейского похода нуждается в дальнейшем исследовании и уточнении, одного этого аргумента недостаточно, чтобы полностью пересмотреть датировку «Сокровенного сказания»[48]. Сам он высказывался в поддержку версии 1240 г. как даты создания памятника. Один из аргументов — тот факт, что год мыши в колофоне не конкретизирован циклическим знаком. Однако ни одна дата в сочинении не обладает этими циклическими знаками. Кроме того, события в тексте излагаются в рамках одного шестидесятилетнего цикла, к которому относится и 1240 г.[49] Отсутствие в источниках упоминания о *курултае* 1240 г. ещё не значит, что этого собрания не было. Известно, что Угэдэй проводил *курултаи* довольно часто, по самым различным поводам[50]. Более того, Ш. Бира считал, что целью *курултая* была именно письменная фиксация истории рода Чингис-хана. Он предлагал свой

[46] Там же. С. 44.

[47] The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Trans. by I. de Rachewiltz. Shorter version. Madison, 2015. P. IX.

[48] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 48.

[49] Там же. С. 38.

[50] Там же. С. 39.

перевод текста колофона, в котором получается, что запись памятника закончена не просто во время Великого собрания, а в результате[51].

М. Холлидей подчеркнул, что оригинальный текст и перевод на китайский вполне могли быть выполнены в разное время, и писал, что последний мог появиться в промежуток между 1367 г. и 1404 г., вскоре после свержения династии Юань[52].

Японский исследователь Окада Хидехиро высказал даже предположение, что «Тайная история» — это историческая новелла, написанная в 1324 г.[53] Впрочем, эта теория была встречена мировым научным сообществом весьма скептически[54].

Из всего выше сказанного очевидно, что пока точная датировка «Юаньчао биши» — дело будущего. Мы же в своей работе не ставили перед собой задачу подробного источниковедческого анализа, так что будем следовать наиболее широкораспространенному мнению, согласно которому сочинение было написано в 1240 г.

Открытым остается так же вопрос об авторстве памятника. Очевидно, что точно установить имя создателя «Сокровенного сказания» не представляется возможным, однако ведутся оживленные споры о том, к каким слоям общества он принадлежал, с какой целью написал своё сочинение, работал ли он один, или авторов было несколько. Хотя эта проблема несколько выходит за рамки темы нашего исследования, отметить основные точки зрения представляется необходимым для формирования более полной картины изученности памятника.

---

[51] Там же. С. 39–40.

[52] *Halliday M.* The Language… P. 1.

[53] *Okada Hidehiro*. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel // Ajia Afurika gengo bunka kenkyù 5 (1972). P. 61–67; *Okada Hidehiro.* The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols // Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers / Ed. by K. Sagaster and H. Einer. Weisbaden, 1989. P. 284–292.

[54] *Atwood Ch.P.* The Date of the “Secret History of the Mongols” Reconsidered. P. 3

П.И. Кафаров написал: «по-видимому, люди, бывшие свидетелями самых событий, или жившие не далеко от времен Чингис-хана, слагали, каждый, свои живые предания в общую сумму, которая и излагаема была систематически кистью какого-нибудь грамотного монгола»[55]. М. Халлидей же задался вопросом, было ли первичным устное предание, или текст сочинялся в процессе написания[56]. И если касаемо монгольской версии, исследователь склоняется к первой версии, то китайский сокращенный текст представляется ему сочиненным во время написания, поскольку, во-первых, его автор должен был творчески перерабатывать текст на иностранном языке, а во-вторых, китайский язык имел к тому времени слишком долгую литературную традицию, чтобы сохранить особенности устного повествования. Так что в итоге с точки зрения стилистики, грамматики и остальных особенностей лингвистики монгольский и китайский тексты различаются между собой самым коренным образом, хотя и объединены общим содержанием[57].

Н.Ц. Мункуев в статье «Обзор основных китайских источников по истории монголов XIII в.» писал, что в научных кругах в середине – второй половине XX в. была большая дискуссия по вопросу авторства «Тайной истории»[58]. Сам он предполагал, что памятник представляет собой рассказ «всеми уважаемого старца, человека, очень близко связанного с семьей Чингис-хана. Может быть, одного из его слуг»[59]. В противном случае было бы трудно объяснить, откуда могут быть известны многочисленные подробности детства Темучжина и жизни его семьи.

Ш. Бира подчеркивал роль Великого собрания в создании памятника. Он считал, что основу сочинения составили рассказы всех сподвижников и родичей Чингис-хана, собравшихся на *курултай* и вспоминавших важнейшие события в

---

[55] Старинное монгольское сказание. С. 15–16.

[56] *Halliday M.* The Language… P. 15.

[57] Ibid. P. 16.

[58] См. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 151–152.

[59] Там же. С. 154.

жизни основателя империи[60]. В этом принимали участие и народные сказители, чем объясняется большое разнообразие форм речи в тексте и наличие множества стихотворных фрагментов. Однако существует «вероятность того, что вся запись прошла через тщательное литературное редактирование человека, умело владеющего пером» [61]. То есть, по мнению Ш. Биры, мы имеем дело с коллективным трудом, направленным на поучение потомков.

Эрик Хэниш, напротив, считал, что данный текст был предназначен исключительно для правящего дома, что и нашло отражение в наименовании («тайная», «скрытая» история), а автором её был Шиги-Хутуху — приемный сын Оэлун из племени татар, один из ближайших сподвижников Чингис-хана [62]. Примерно так же оценивала памятник и Маргарет Ким, писавшая, что, вероятно, при монголах этот текст предполагалось хранить в тайне от китайских подданных, но при этом не обязательно в тайне от остального мира[63],

Говоря об идеологической цели написания «Тайной истории», Ш. Бира не склонен ограничивать ее запросами феодализирующейся аристократии[64]. По его мнению, интерес к прошлому был близок и простому народу. Творчество масс и получило в сочинении весьма яркое отражение [65]. Текст пронизан идеей закономерности объединения разобщенных монгольских владений и правомерности установления единодержавия, основанного на преданности подданных господам и верности вассалов сеньорам (зрелая феодальная идеология)[66].

---

[60] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 41.

[61] Там же. С. 41.

[62] *Haenisch E.* Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1948. S. III.

[63] *Kim M.* Globalizing Imperium: Thirteenth-Century Perspectives on the Mongols // Literature Compass. 11/7 (2014). P. 474.

[64] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 65.

[65] Там же. С. 66.

[66] Там же.

Собственную точку зрения на цель создания сочинения высказывал Лев Николаевич Гумилев в статье «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв.»[67]. Он писал, что это «литературное произведение, против кого-то направленное»[68], то есть в своём сочинении неизвестный автор стремился провести собственную идеологическую линию. По мнению Л.Н.Гумилева, автор сочинения подчеркивает отрицательные черты характера Темучжина, при этом стараясь придать ему возможно более антипатичный облик[69]. Автор сочинения — патриот, который гордится славой монгольского оружия; Чингис-хан как полководец и организатор войска получает у него гораздо более положительную оценку, чем Темучжин как человек, до своего возвышения.

Однако Л.Н. Гумилев отмечал, что даже в образе полководца автор описывает Чингис-хана с меньшим почтением, чем его соратников, *нойонов*, военачальников[70]. «Положительная трактовка Чингис-хана связана, в глазах автора, с последовательным служением собственному войску» [71] . Жанр сочинения Л.Н. Гумилев определил как политический памфлет с патриотической и монархической окраской[72]. Основанием для его создания он считал борьбу двух тенденций при дворе монгольских правителей[73]: «прогрессивной», сторонники которой отстаивали идею упорядоченной эксплуатации покорённых территорий и самым ярким выразителем идеологии которой был Елюй Чуцай, и «кочевой», представители которой, старая монгольская кочевая знать, стремились сохранить традиционный для кочевников способ хищнического выкачивания ресурсов из

---

[67] *Гумилев Л.Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. С. 484–502.

[68] Там же. С. 490.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 492.

[71] Там же. С. 493.

[72] Там же. С. 495.

[73] Подробнее об этих тенденциях см.: *Мункуев Н.Ц.* О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Труды БКНИИ СО АН СССР. 8. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1962. С. 49–67.

завоеванных стран. Достаточно вспомнить идеи искоренение местных жителей и превращение полей в пастбища. На таких позициях, свойственных походам прошлого, стояли Субэдэй-багатур или Тэмугэ-отчигин. При этом автора памятника Л.Н. Гумилев на основании текстологического анализа отнес именно ко второй партии[74]. В продолжение своей концепции Л.Н. Гумилев подчеркнул, что правильным переводом «Юаньчао биши» следует считать не «Сокровенное сказание», а именно «Тайная история», поскольку это «протест против официальной традиции, идеализировавшей личность Чингис-хана»[75].

Отсутствие в тексте идеализации образа Чингис-хана отмечал и Е.И. Кычанов. Он считал это положительной чертой памятника, поскольку позднейшие источники утратили объективность, замалчивая все факты, которые могли бросить хоть малейшую тень на обожествленную фигуру основателя империи. «Сокровенное сказание», напротив, исследователь назвал сборником «достоверных исторических данных, хотя и приукрашенных временами фантазией»[76].

Существует также мнение, что непосредственно по воспоминаниям очевидцев были написаны только первые десять глав «Тайной истории», которые заканчиваются описанием убийства шамана Теб-Тэнгри, а последующие завоевания, как и царствование Угэдэя, добавлены позднее. Сторонники этой теории датируют сочинение 1228 г.[77]

Отдельно стоит вопрос о языке оригинала «Сокровенного сказания», и обойти молчанием развернувшуюся вокруг него дискуссию не представляется возможным. Ш. Бира признавал наличие монгольского оригинала, однако не задавался вопросом относительно письма, которым он был написан[78]. По мнению

---

[74] *Гумилев Л.Н.* «Тайная» и «явная» история монголов… С. 496–498.

[75] Там же. С. 499.

[76] *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 4–5.

[77] *Atwood Ch.P.* The Date of the ”Secret History” Reconsidered. P. 5.

[78] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 37.

П.И. Кафарова, текст был составлен на монгольском языке уйгурским алфавитом[79]. Этой же точки зрения придерживалась монголовед Нина Павловна Шастина[80].

В 1940-е гг. академик Сергей Андреевич Козин во введении к своему переводу «Юаньчао биши» выдвинул гипотезу, согласно которой китайская транскрипция и является исходным текстом памятника[81]. О его аргументации будет сказано ниже. Но такие выдающиеся отечественные исследователи, как Б.И. Панкратов и Н.Ц. Мункуев, разделяли точку зрения о. Палладия[82].

При этом Борис Иванович Панкратов ссылался на указ первого императора династии Мин от 1382 г. о создании тематического китайско-монгольского словаря; а в тексте самого источника говорится о транскрибировании «Юаньчао биши» китайскими иероглифами[83].

Н.Ц. Мункуев, в свою очередь, опроверг точку зрения С.А. Козина, ссылаясь на работу Чэнь Юаня, опубликованную в 1934 г. В этой работе китайский исследователь предпринял попытку точно датировать китайскую транскрипцию, основываясь на её текстологических особенностях. Его выводы таковы: многие иероглифы, примененные в качестве транскрипционных знаков, вошли в употребление только при династии Мин. Подстрочный перевод текста на китайский язык выполнялся спустя длительное время после написания монгольского оригинала. Поскольку некоторые монгольские слова оставлены без перевода, то можно сделать вывод о непонимании их значения переводчиками[84]. Следовательно, китайский подстрочный перевод, краткий связный перевод и одновременно с ними появившаяся китайская транскрипция могут быть

[79] Старинное монгольское сказание. С. 3–5.

[80] Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Пер., введ., ком. и прил. Н.П. Шастиной [ППВ 10]. М., 1973. С. 22. Далее — Алтан Тобчи.

[81] Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. / Введ., пер., словари С.А. Козина Т. 1. Л., 1941. С. 18.

[82] См. Юаньчао биши. С. 6; *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 149.

[83] Юаньчао биши. С. 12.

[84] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 156.

датированы только началом правления династии Мин. Исходный текст, вне всякого сомнения, появился гораздо раньше. Следовательно, оригинал был написан уйгурским письмом, которое было принято монголами в 1204 г.[85]

Крупный российский монголовед и маньчжурист конца XIX в. А.М. Позднеев не делал каких-либо однозначных выводов о языке оригинала, а ограничился замечанием, что изначальный текст мог быть написан или уйгурским, или китайским письмом, поскольку квадратное монгольское письмо было изобретено только в 1269 г.[86]

Еще в 1872 г. о. Палладий смог получить один из двух экземпляров рукописи, известных в то время. Этот экземпляр был передан ему ученым по фамилии Хань из дворцовой библиотеки в Пекине, после чего о. Палладий через А.М. Позднеева переправил рукопись в Библиотеку Императорского С.–Петербургского университета[87]. Эта рукопись состоит из 15 *цзюаней* и 280 параграфов.

А.М. Позднеев привел подробное описание хранящейся в Петербурге рукописи[88]. Она, как и все известные на сегодняшний день рукописи, содержит три текста. Первый — монгольский, написанный китайскими иероглифами, специально приспособленными для этой цели и используемыми исключительно как тонические знаки для передачи слогов монгольской речи[89]. Каждое монгольское слово отчеркивается красной линией, что позволяет различать группы иероглифов, относящиеся к разным словам. При этом, так как набор звуков, употребляемых в китайском и в монгольском языках, различен, для добавления недостающих звуков некоторые иероглифы чертятся по-особому, с изменением черт или дополнительными элементами. Такие иероглифы уже не имеют никакого значения в китайском языке, зато более точно передают звучание монгольских

[85] Там же. С. 155.

[86] *Позднеев А.М.* О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юаньчао миши. С. 12–13.

[87] Там же. С. 3.

[88] Там же С. 4–7.

[89] См. Там же. С. 6–10.

слогов. Некоторые иероглифы приписаны сбоку, более мелким шрифтом, что тоже представляет собой способ передачи монгольских слов, в которых, в отличие от китайских, несколько согласных подряд могут не разделяться гласными или же вообще стоять отдельно, не образуя слог [90] . Второй текст — китайский подстрочный перевод каждого монгольского слова. Третий — краткий перевод каждого параграфа на китайский в виде нормального литературного текста. Этот текст, по словам А.М. Позднеева, «выписанный в отдельную брошюру, был неоднократно издаваем и потому значительно распространен в Китае»[91].

А.М. Позднеев, как и многие другие исследователи, полагал, что китайский подстрочный перевод был составлен в период 1382–1388 гг., при династии Мин, «чтобы изучить и иметь запас монгольских выражений на случай сношений с изгнанными из Китая монголами»[92].

Он писал, что, хотя в это время имел место императорский манифест, повелевавший отпечатать текст «Юаньчао биши», однако «отец Палладий замечает, что он нигде не нашел известия о том, чтобы «Юаньчао» было действительно отпечатано. Экземпляр этого сочинения, хранящийся до ныне в Ханьлиньюане (Императорской Академии – Е.Н.), рукописный, таковым же представляется и наш, принадлежавший в былое время дворцовой библиотеке»[93]. Таким образом, можно предположить, что этот памятник не пользовался известностью в широких кругах китайского общества.

По мнению А.М. Позднеева, «Юаньчао биши» — очень ценный источник не только по истории возвышения Чингис-хана, «по истории монголов вообще», по их этнографии, но, и это, с его точки зрения, самое главное, — по монгольскому языку. Объем сочинения дает простор для изучения монгольской речи самого различного характера — повествовательного, разговорного, поэтического,

[90] Там же. С. 5–7.

[91] Там же. С. 11.

[92] Там же. С. 10.

[93] Там же. С. 14.

наполненного философскими рассуждениями и пословицами[94]. Наличие большого количества татарских слов «доказывает связь и даже единство древнего татарского языка с монгольским»[95]. Особенно же ценным А.М. Позднеев считает тот факт, что это сочинение было написано прежде, чем монгольский язык, по итогам завоеваний новых территорий, подвергся сильному влиянию китайского и тибетского языков. Так что теперь есть возможность выяснить, какие именно изменения произошли в языке в результате этого влияния[96].

Высоко оценивал значение памятника Ш. Бира, который отмечал, что, несмотря на долгую историю изучения данного текста, он, как явление историографическое, исследован ещё далеко не полностью. По его словам, это крупнейший и единственный сохранившийся образец монгольской историографии XIII в., на который не оказывали влияние историографические традиции покорённых монголами народов[97].

Б.И. Панкратов большое внимание уделял проблеме наименования этого сочинения. Он писал, что название «Юаньчао биши» впервые появилось в рукописи в 1805 г., а в печати — в 1848 г., при издании краткого китайского перевода этого произведения[98]. Первое же заглавие памятника было «Юань биши».

Существует два разных по объему оригинала текста: из 12 и из 15 глав — *цзюаней*. Б.И. Панкратов отмечал, что текст, поделенный на 12 *цзюаней*, был введен в научный оборот только китайским ученым-текстологом Гу Гуанци в 1805 г.[99] При этом Гу Гуанци обратил внимание на то, что в списке из 12 *цзюаней* под заглавием в самом начале есть две строчки, отсутствующие в списке из 15 *цзюаней*.

---

[94] Там же. С. 20–21.

[95] Там же. С. 22.

[96] Там же.

[97] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 37.

[98] Юаньчао биши. С. 6.

[99] Там же. С. 7.

Он счел эти строки чином и именем автора. На самом деле, эти строки значат «секретная история монголов» — по-китайски *юань биши*[100].

Б.И. Панкратов писал, что эти строки выпадают из общего тона текста и его оформления, так что возникает вопрос о времени появлении их и настоящем названии текста[101]. Он предполагал, что ответ на второй вопрос стоит искать в конфигурации монгольского текста. Первая фраза во всех списках памятника стоит отдельной строкой и не имеет грамматической связи с последующей. Так что есть все основания предполагать, что в уйгурском оригинале эти слова были заглавием[102]. С.А. Козин следующим образом перевел первую фразу памятника: «Предком Чингис-хана был Бортэ-Чино, родившийся по изволению Вышнего неба» [103] . Б.И. Панкратов предлагал свой вариант перевода: «Происхождение Чингис-хана. Был Бортэ-Чино, родившийся по велению Верховного Неба» [104] . Таким образом, по его мнению, именно «Происхождение Чингис-хана» является подлинным названием сочинения. Из зарубежных исследователей этой же версии придерживается А. Мостэрт[105].

Касаясь вопроса о времени появления названия «Юань биши», Б.И. Панкратов отметил, что передающие его иероглифы были «приписаны позднее, а именно, при разборе дворцового архива юаньских императоров, после свержения китайцами власти монголов»[106]. По версии Б.И. Панкратова, рукопись была найдена в той части архива, куда при монголах доступ имели далеко не все сановники, поэтому при регистрации чиновники записали её как «Юань биши» —

[100] Там же. С. 9.

[101] Там же. С. 10.

[102] Там же.

[103] Сокровенное сказание. С. 79.

[104] Юаньчао биши. С. 11.

[105] *Бира Ш.* Монгольская историография. С. 285.

[106] Юаньчао биши. С. 11.

«Секретная история монголов»[107]. Стоит отметить, что эту точку зрения разделял и Н.Ц. Мункуев[108].

С.А. Козин выдвинул свою гипотезу решения проблемы заглавия. Он назвал мнение П.И. Кафарова о присвоении тексту его названия китайскими переводчиками «недостаточно обоснованным» [109] и, в свою очередь, обратил внимание на несвойственность монгольской летописной литературе употребленных терминов: в названии *Mongγoł-un niγuča tobčiyan* слово «*niγuča»* переводится только как «секретный, скрываемый от всех, келейный, потайной». Однако никаких тайн в тексте нет, поэтому, писал С.А. Козин, «быть может, было бы правильнее понимать это слово в одном из тех значений, какие могут быть даны соответственным словам китайского перевода — *биши* т.е. «неофициальная история, неофициальный исторический изборник»[110].

В конечном итоге, С.А. Козин отнес вопрос о заглавии памятника к второстепенным, поскольку оно не характеризует в полной мере содержание памятника. По его мнению, сочинение является кратким извлечением, составленным «не для официального применения, а для удовлетворения обыденных потребностей в чтении для возможно широких масс народа»[111].

П.И. Кафаров озаглавил свой перевод «Старинное Монгольское сказание о Чингис-хане». О значении творчества П.И. Кафарова для китаеведения Петр Емельянович Скачков в «Очерках истории русского китаеведения» писал: «статьи и переводы Кафарова по истории монголов до сих пор привлекают внимание историков. Он ограничил свои исследования в этой области временем возникновения монгольской династии — историей Чингис-хана — и сделал на эту

---

[107] Там же. С. 11.

[108] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 150–151.

[109] Сокровенное сказание. С. 29.

[110] Там же. С. 29–30.

[111] Там же. С. 30.

тему четыре прекрасных перевода с китайского языка»[112]. Так что именно от П.И. Кафарова пошла традиция называть «Юаньчао биши» сказанием.

Илья Николаевич Березин назвал памятник «Монголо-китайской летописью», однако это название академик Василий Владимирович Бартольд называл не совсем удачным, относя упомянутое сочинение к сказаниям, произведениям героического богатырского эпоса[113]. Академик Борис Яковлевич Владимирцов, выдающийся отечественный монголовед, считал наиболее подходящим заглавие «Сокровенное сказание»[114], которое со временем принял и С.А. Козин.

Проблеме адекватного перевода названия источника на русский язык посвящена специальная статья Б.З. Базаровой «О русских переводах Юань-чао ми-ши»[115], в рамках которой автор задался вопросом, насколько совпадает с действительностью принятое в отечественном монголоведении наименование «Сокровенное сказание». Отмечая, что именно так называли источник основоположники его изучения, Б.Я. Владимирцов и Ц. Жамцарано, автор статьи писала о печальной небрежности, из-за которой оба исследователя переводили заглавие не дословно, опираясь исключительно на авторитет предшественников[116]. Одним из следствий такого выбора названия Б.З. Базарова считает не совсем верное отношение в памятнику со стороны как В.В. Бартольда и Б.Я. Владимирцова, так и работавшего несколько позднее С.А. Козина, которые подходили к «Тайной истории монголов», в первую очередь, как к сказке или былине, и только потом как к историческому сочинению[117]. Также критике со

---

[112] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 176.

[113] См. *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 255.

[114] Сокровенное сказание. С. 31.

[115] *Базарова Б.З.* О русских переводах названия «Юаньчао миши» // Тайная история монголов. С. 15–25.

[116] Там же. С. 20.

[117] Там же. С. 20–21.

стороны автора статьи подвергается попытка заменить слово «тайная» при переводе на «секретная» из-за французского происхождения слова «секрет»[118].

«Юаньчао биши» входила в состав обширной компиляции «Юнлэ дадянь» 永乐大典 (Важнейшие сочинения периода правления Юнлэ)[119], составленной в 1403–1408 гг. в Нанкине из сочинений различных древних и средневековых авторов по распоряжению третьего императора династии Мин. «Юнлэ дадянь» в единственном, неполном экземпляре хранилась в академии Ханьлиньюань 翰林院. Однако в 1900 г. при подавлении европейскими державами восстания *ихэтуаней* академия была разграблена, главы «Юнлэ дадянь», содержавшие «Юаньчао биши», оказались утрачены. Таким образом, памятник сохранился только в издании 1848 г. (в него входил лишь сокращенный китайский перевод, без транскрипции и подстрочного перевода; именно с него делал свой перевод П.И. Кафаров[120]) и нескольких списках[121], о которых речь пойдет ниже[122].

На рубеже XVIII–XIX вв. китайские ученые обращались к рукописным экземплярам рассматриваемого сочинения. Тот вариант, который восходил к «Юнлэ дадянь», состоял из 15 *цзюаней*, а тот, который восходил к оригиналу времен династии Мин, — из 12 *цзюаней*. О. Палладий в 1872 г. приобрел для С.-Петербургского университета экземпляр из 15 *цзюаней*. В 1805 г. ученый Гу

---

[118] Там же. С. 23.

[119] Более подробно о ней см. в: *Hung W.* The Transmission of the Book Known as the Secret History of the Mongols // HJAS. Vol. 14. 1951. P. 434–436; Духовная культура Китая. Т. 4. С. 831–832.

[120] В “Трудах” миссии был опубликован перевод “Юаньчао миши” (“Секретной истории династии монголов”) из “Юнлэ дадянь”. Кроме замечательного по точности и литературной обработке самого перевода, труд П.И. Кафарова содержит большое предисловие, посвященное истории “Юнлэ дадянь”, и шестьсот примечаний к переводу. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 176. См. так же: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 1–258.

[121] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 157.

[122] Подробнее о различных списках «Юаньчао биши» и судьбе его китаеязычной версии см. в: *Hung W.* The transmission of the Book… P. 433–492; *Barret T.H.* The Secret History of Mongols. Some fresh revelations // Muslims, Mongols and Crusaders / Compiled and introduced by G.R. Hawting. NY., 2007. P. 115–119.

Гуанци обнаружил в частной коллекции полный сохранившийся список «Юаньчао биши» из 12 *цзюаней* и снял с него тщательную копию. По словам Н.Ц. Мункуева, этот список «вероятно, воспроизводил без изменений текст первого издания памятника»[123] и в дальнейшем лег в основу китайских публикаций «Юаньчао биши».

Широкой публике полный текст оказался доступен только в 1908 г., когда весь памятник был издан ксилографическим способом со списка Гу Гуанци. В 1942 г. в Японии была опубликована латинская транскрипция монгольского текста, благодаря чему доступ к ней получил широкий круг специалистов всего мира[124].

В 1962 г. Б.И. Панкратов опубликовал факсимиле с рукописи, переданной в С.-Петербургский университет о. Палладием. Этот текст, как уже упоминалось, состоял из 15 *цзюаней*.

Отдельно следует уделить внимание истории переводов «Юаньчао биши» на европейские языки. Первый перевод был сделан П.И. Кафаровым в 1866 г., однако, как уже говорилось, за основу был взят сокращенный китайский текст, а не полный монгольский. Так же о. Палладий первым предпринял попытку транскрибировать монгольский текст кириллицей[125]. Этот труд не был издан и после смерти о. Палладия перешёл к А.М. Позднееву, который продолжил работу по транскрипции и опубликовал результаты в рамках «Лекций по истории монгольской литературы»[126].

В 1907 г. один из крупнейших японских востоковедов Нака Митиё выпустил свой перевод «Юаньчао биши» с обширными комментариями. В 1941 г. талантливый монголовед и китаевед, знаток маньчжурского, тибетского,

---

[123] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 159.

[124] Там же. С. 160.

[125] *Таубе М.* К реконструкции и переводам Mongγoł-un niγuča tobčiyan на европейские языки // Mongolica. С. 42.

[126] См. Там же.

китайского, монгольского языков[127], Эрих Хэниш перевел «Юаньчао биши» на немецкий, перед этим в 1935 г. была издана его реконструкция текста, а в 1939 г. — словарь к памятнику. Тираж полностью погиб при бомбардировке Лейпцига в 1943 г., и только в 1948 г. свет увидело второе издание перевода. Реконструкция же текста и словарь были переизданы лишь в 1962 г.[128]

В 1949 г. были изданы реконструкция текста и перевод первых шести глав «Юаньчао биши», выполненные французским ученым Полем Пеллио. В 1957 г. крупный монгольский исследователь Цендийн Дамдинсурэн опубликовал «Юаньчао биши» на современном монгольском языке в основанной на кириллице графике. В 1962 г. Лайош Лигети перевел «Юаньчао биши» на венгерский, а в 1970 г. Станислав Калужиньски — на польский. В 1971–1985 гг. был опубликован английский перевод памятника, подготовленный И. де Рахевильцем, выдающимся исследователем китайской и монгольской истории и филологии; он же в 1972 г. издал индекс, в котором собрал все словоформы из текста. В 1982 г. вышел в свет английский перевод, выполненный Ф.В. Кливзом. Тумэнбаярын Дашцэдэн в 1985 г. опубликовал реконструкцию текста в латинской транскрипции[129].

М. Таубе писал, что большое количество публикаций текста и переводов, появившиеся за пятьдесят лет независимо друг от друга, свидетельствует о том, что «наступило время для исследования этого самого старого монгольского сочинения»[130]. И, судя по всему, это время продолжается, потому что новые работы продолжают появляться.

Особо хотелось бы поговорить о переводах «Юаньчао биши» на русский язык. Первый, как уже говорилось, был выполнен П.И. Кафаровым и опубликован в

---

[127] *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. М., 1988. С. 62.

[128] *Таубе М.* К реконструкции и переводам… С. 43.

[129] Там же. С. 43–44.

[130] Там же. С. 44.

1866 г.[131] Однако основой для этого труда послужил не текст на монгольском языке, а только китайский литературный перевод, который является далеко не полным.

В 1941 г. был опубликован полный перевод памятника, подготовленный С.А. Козиным[132]. Как писал автор в предисловии к изданию, его интерес в отношении текста лежит в области литературоведения. И первоначально он планировал ограничиться исследованием многочисленных стихотворных фрагментов, которым прежде не уделялось должного внимания[133]. В самом русском тексте все поэтические фрагменты переданы по возможности стихами. Впрочем, после каждой стихотворной вставки С.А. Козин добавил и прозаический буквальный перевод.

С.А. Козин склонен считать, что «Юаньчао биши» с самого начала была написана китайскими иероглифами — так называемой китайско-монгольской системой письма, а никакого оригинала, затранскрибированного позднее, не существовало вовсе[134]. В поддержку этой версии он выдвинул несколько аргументов. Ещё о. Палладий доказал, что проставленная в колофоне дата 1240 г. относится не ко всему тексту, а только к оригиналу (который, как он полагал, была написан уйгурским письмом). Перевод и транскрипцию он датировал 1380-ми годами. Однако нет сведений о том, с какого письма делалась транскрипция. Здесь С.А. Козин привел свои соображения: квадратной письменности в 1380-е гг. уже, а в 1240 г. ещё не существовало; уйгурскому письму несвойственны многие особенности транскрипции, наблюдаемые в тексте памятника; остается предположить, что китайская транскрипция была современна оригиналу, но, в таком случае, — зачем понадобилось её составлять? Опираясь на все эти

[131] См. Труды членов Российской духовной миссии. Т. 4. С. 1–258.

[132] См. Сокровенное сказание.

[133] Сокровенное сказание. С. 11.

[134] Там же. С. 18.

противоречия, С.А. Козин выдвинул гипотезу о том, что памятник изначально писали китайским письмом[135].

Более того, памятник монгольской литературы XVII в. «Алтан Тобчи», в котором встречается немало параграфов из «Сокровенного сказания», С.А. Козин рассматривал как попытку восстановления монгольского текста по китайской версии, отрицая тем самым возможность обращения автора памятника Лубсан Данзана к какому-либо некитайскому оригиналу «Юаньчао биши»[136].

Таким образом, на русском языке сейчас существует три версии переводов. Для ознакомления сравним несколько параграфов из этих переводов:

§	**П.И. Кафаров**	**С.А. Козин**	**Б.И. Панкратов**
9	В один день, весной, мать их, Аланхоа, заварив зимой заколотого барана, позвала пятерых сыновей своих и, усадив их рядом, каждому из них дала по стреле и приказала переломить: все они переломили; потом, связав пять стрел вместе, приказала переломить, но ни один из пятерых	И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с	Однажды весной она сварила провяленную тушу барана, посадила рядом друг с другом пятерых своих сыновей — Бэлгунутэя, Бугунутая, Буху Хатаги, Бухату, Салдони, и Бодончар Мэргэна, дала каждому по древку стрелы и сказала: «Переломите!» Какой тут труд, переломить по одному древку!” Переломили.

[135] Там же. С. 18.

[136] Там же. С. 22.

	сыновей не мог переломить.	просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.	Тогда она связала вместе пять древков, дала им и сказала: «Переломите!» Пятеро сыновей эти пять связанных древков каждый подержал, по очереди ломал, но переломить не смог.
33	Чингис сказал: « За Татарами есть кровная обида, та, что они погубили моего предка и моего отца. Теперь, пользуясь этим случаем, удобно напасть на них с двух сторон. Вслед за тем, он отправил человека к Тоорилу с такими словами: «Гинцы послали Вань гина, который преследует Мегучжиня, и других Татар, вверх по рекеУлчжа. Это род враждебный, погубивший моего предка и моего отца: Отец! Помоги мне	Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших	Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших отцов и дедов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем сражении». Он послал Тоорил-хану следующее извещение: «По сведениям, Алтан-ханов Онгин-чинсан гонит перед собою, вверх по Ульдже Мэгуджин-Сэулту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил!» На это

	ратовать на них». Тоорил согласился помочь: в три дня он приготовил войско и сам пришел с ним к Чингису. Чингис также послал человека к Сачабеки и Даичу, рода Чжуркит объяснить имсвое желание мести за обиду и просить их помощи; он ждал их шесть дней, но они не приходили, Тогда, Чингис с Тоорилом, повел войска вниз по реке Улчжа; они с Ван гином с двух сторон напали на Татар. Татары устроили укрепление в урочище Хусушушишуянь. Чингис с Тоорилом разбил укрепление и убил татарского Мегучжинь сеулту.	дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил». На это известие, Тоорил-хан отвечал: «Твоя правда, сын мой. Соединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-ханс Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: «Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов». И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в которыйтем следовало явиться. Более не имея возможности ждать,	извещение Тоорил-хан отвечал: «Правда, сын мой. Объединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Джуркинцам: «Давайте пойдем вместе с нами для истребления Татар, которые испокон веков были убийцами наших дедов и отцов!» Они прождали лишние шесть суток против того срока, в который тем следовало явиться. Не имея более возможности ожидать, Чингис-хан с Тоорил-ханом объединенными силами двинулись вниз по Ульдже. По причине передвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Онгин-чинсаном, Мэгуджин и

		Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутром.	прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуэн и Нарату-шитуэн. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мэгуджина из этих укреплений. Мэгуджин-Сэулту тут же убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мэгуджина серебряную люльку и одеяло, расшитое жемчугом.

Как можно заметить по сравнительной таблицы, перевод Б.И. Панкратова более точен и совершенно лишен эмоциональной окраски, перевод С.А. Козина более поэтизированный, а перевод П.И. Кафарова из-за особенностей первоисточника (краткий китайский перевод) не имеет ряда подробностей,

касающихся названий племен, местностей, имен и иных деталей, которые представлялись китайским переводчикам чем-то не столь важным.

Говоря о других монголоязычных источниках по истории неспокойного XIII века, нельзя не упомянуть «Алтан Тобчи» — «Золотое сказание». Эта летопись датирована XVII в., однако то, что от интересующих нас событий она отделена почти четырьмя столетиями, не умаляет её достоинства. В ней содержится пересказ бо̀льшей части «Сокровенного сказания», местами дословный, и это дает возможность исследователям проводить сравнительный анализ монгольского текста и китайской транскрипции[137]. Кроме того, в летописи содержится целый ряд рассказов и отрывков из не дошедших до нас источников первой половины XIII в. и даже конца XII в., что значительно увеличивает её ценность как для изучения истории повседневности монголов указанного периода, так и для исследований в области филологии и народного творчества монголов [138]. Об авторе текста, Лубсан Данзане, известно немного. Исследователи считают, что он был ламой из почтенного и уважаемого монгольского рода, имевшего довольно тесные связи с потомками Чингис-хана со стороны Толуя, его младшего сына. Вероятно, он был прекрасно образован и входил в число приближенных хана, что обеспечивало ему доступ к документам и старинным сказаниям, хранившимся при дворе[139]. Написана летопись в 1651–1655 гг.[140]

Текст памятника обнаружен в Монголии в 1926 г. в аристократической семье. Это единственная рукопись, датируемая по почерку и палеографическим особенностям приблизительно XVIII в. С такой датировкой единодушно согласны все исследователи[141]. Оригинал сочинения не сохранился.

---

[137] Алтан Тобчи. С. 28.

[138] Там же С. 18–21.

[139] Там же. С. 25–27.

[140] Там же. С. 28.

[141] Там же. С. 13.

Летопись впервые была опубликована в 1937 г. в Улан-Баторе. Однако отечественные монголоведы критически отзываются об этом издании, отмечая целый ряд небрежностей, допущенных при наборе текста (орфографические ошибки, пропуски слов, отклонения от орфографии оригинала)[142]. К 1973 г., когда «Алтан Тобчи» был переведен на русский язык и откоментирован выдающимся монголоведом Ниной Павловной Шастиной, памятник дважды издавался полностью, один раз — частично, а также был переведен на современный монгольский язык[143].

Изучением этого источника занимались Ц. Жамцарано, П. Пеллио, А. Мостэрт, В. Хейссиг [144] . П. Пеллио обращался к «Алтан Тобчи» при работе над «Сокровенным сказанием». А. Мостэрт установил границы отрывков из нескольких древних памятников, до нас не дошедших и сохранившихся только в пересказе «Алтан Тобчи».

1.2 Китайские источники

В особую группу следует выделить китайские сочинения, чью важность для изучения XIII в. трудно переоценить. Одно из них — «Мэнда бэйлу» 蒙韃備錄 («Полное описание монголо-татар») — считается древнейшим описанием монголов этого периода[145].

Благодаря этому сочинению есть возможность уточнить информацию, содержащуюся, например, в «Юань ши» 元史 («Истории династии Юань»), относительно биографий политических деятелей или организации системы управления. Текст разбит на следующие разделы: «Основание государства», «Начало возвышения татарского владетеля», «Название династии и годов

[142] Там же. С. 15.

[143] Там же. С. 17.

[144] Там же. С. 19.

[145] Мэнда бэйлу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. [ППВ 26]. М., 1975. С. 19.

правления», «Князья и царевичи», «Полководцы и заслуженные чиновники», «Доверенные министры», «Военное дело», «Коневодство», «Провиант», «Военные походы», «Система должностей», «Нравы и обычаи», «Военное снаряжение и оружие», «Послы», «Жертвоприношения», «Женщины», «Пиры, танцы и музыка»[146].

В совокупности они дают краткую, но ёмкую характеристику той или иной стороны жизни монголов. Дата написания сочинения не вызывает сомнений, поскольку однозначно указана в самом тексте, — это 1221 г.

Долгое время неверно определялось авторство текста. В XIV в. составитель сборника сочинений древних и средневековых писателей «Шо фу» 说郛 («Пригородные рассказы») Тао Цзунъи 陶宗儀, имея на руках экземпляр без указания автора, приписал авторство Мэн Хуну 孟珙. Поскольку в тексте, написанном от первого лица, несколько раз упоминается имя автора «Хун», то ученый счел это именем известного генерала, служившего династии Сун и активно участвовавшего в военных операциях этого времени, сначала в союзе с монголами против чжурчжэней, затем — самостоятельно, против недавних союзников[147]. Эта версия была принята в Европе и России вплоть до начала XX в. Её придерживались такие крупные востоковеды как Б.Я. Владимирцов [148], В.П. Васильев [149], В.В. Бартольд[150].

В 1926 г. выдающийся китайский ученый Ван Говэй 王国维 впервые подверг эту гипотезу сомнению. В биографии Мэн Хуна, изложенной в «Сун ши» 宋史 («Истории династии Сун»), ни слова не говорится о посольстве к монголам в

[146] См. Там же. С. 45–83.

[147] Там же. С. 20–21.

[148] См. *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов // Классики отечественного востоковедения / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2002. С. 144, 184, 201, 307.

[149] См. *Васильев В.П.* Записка о монголо-татарах («Мэнда бэйлу») // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Ч. 4. СПб., 1857. С. 216–235.

[150] См. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 84.

1221 г., хотя, имей оно место, было бы странно обойти его молчанием. В то же время в нескольких источниках, таких, как сочинения писателя и поэта второй половины XIII в. Чжоу Ми 周密, или в «Сун ши», есть сведения о том, что командующий пограничными войсками в 1221 г. послал к монголам в Хэбэе чиновника Чжао Хуна 趙珙. Дата посольства и имя посла (Хун) совпадает с содержанием «Мэнда бэйлу», на основании чего Ван Говэй сделал вывод о том, что именно Чжао Хун является автором обсуждаемого сочинения[151]. Его точка зрения была принята большинством востоковедов XX в., среди них — П. Пеллио, Н.Ц. Мункуев. Сегодня авторство Чжао Хуна не вызывает сомнений.

Уже вскоре после создания «Мэнда бэйлу» оказалось объектом внимания многих ученых и составителей сборников сочинений. Кроме упомянутого «Шо фу», оно вошло в сборник «Лидай сяоши» 历代小史 («Исторические рассказы минувших эпох») времен династии Мин (точные даты создания неизвестны) и в сборник середины XVI в. «Гуцзинь шохай» 古今说海 («Собрание древних и современных изречений») — как раз по тексту из этого сборника готовил свой перевод академик В.П. Васильев[152]. Однако при сличении различных списков было установлено, что все они восходят к «Шо фу»[153]. Рукописей, современных написанию сочинения, не сохранилось.

Интерес к «Мэнда бэйлу» объясняется тем, что в этих путевых заметках приведена информация, пусть краткая и конспективная, обо всех сторонах жизни монгольского народа. Именно поэтому автор дал своему сочинению название «Полное описание монголов-татар», хотя объем его не так уж и велик.

Первым критическим изданием текста «Мэнда бэйлу» считается подготовленное Ван Говэем в 1926 г., причем в комментариях к тексту ученый привлек немало других источников, среди которых четыре династийные истории

[151] Мэнда бэйлу. С. 19–22.

[152] Там же. С. 23.

[153] Там же. С. 24.

того периода «Сун ши» 宋史, «Ляо ши» 辽史, «Цзинь ши» 金史, «Юань ши» 元史, а также такие важные памятники, как «Юаньчао биши» 元朝秘史 и «Хэйда шилюэ» 黑韃事略. Эта работа заслужила высокую оценку многих исследователей[154].

На русский язык «Мэнда бэйлу» переводился дважды. Первый перевод был подготовлен В.П. Васильевым в 1857 г. и стал самым ранним переводом данного источника на европейский язык[155]. Именно благодаря В.П. Васильеву широкий круг историков получил возможность впервые ознакомиться со столь ценным текстом. Однако к настоящему времени эта работа заметно устарела.

За истекшие со времени публикации годы в синологии произошли значительные изменения. В частности, исследователи отказались от недословного перевода, широко распространенного в научной среде вплоть до конца XIX в. Перевод В.П. Васильева представлял собой местами свободный пересказ источника, что представлялось совершенно обычным явлением в те времена, когда китаеведы не ставили перед собой цели доискаться до значения каждого иероглифа, но уже совсем не отвечает современным требованиям, когда одной из важнейших задач китаеведения является именно точный перевод[156]. Кроме того, В.П. Васильев принял бытовавшее тогда ошибочное мнение относительно авторства текста и приписал его Мэн Хуну. На основании его труда такие крупные востоковеды, как В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов, отнесли сведения, касающиеся Мухали, наместника монголов в Северном Китае, к самому Чингис-хану[157].

Причина заключалась в ошибочном переводе В.П. Васильевым титула Мухали. Китайский термин 国王 *гован* он перевел как «царь», что дало возможность адресовать его к Чингис-хану, в то время как на самом деле этот термин

---

[154] Там же. С. 25.

[155] См. *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., 1857.

[156] Мэнда бэйлу. С. 15–16.

[157] *Мункуев Н.Ц.* По поводу одного недоразумения // Китай. История, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977. С. 97.

переводился в данном случае как «князь» и являлся официальным титулом Мухали. На эту ошибку указал в своей статье Н.Ц. Мункуев, который, тем не менее, счел это досадным недоразумением, поскольку «знакомство со всем текстом не дает оснований считать, что В.П. Васильев передает сведения о Мухали как сообщения очевидца о Чингис-хане. Более того, во вступлении к своим переводам он сам указывает на то, что автор «Мэнда бэйлу» не был в Монголии, а находился в Пекине, где вел переговоры с Мухали и собирал сведения о монголах по рассказам»[158].

Именно Н.Ц. Мункуеву мы обязаны появлением второго, значительно более современного перевода «Полного описания монголо-татар», который вышел в 1975 г.[159] В этом переводе Н.Ц. Мункуев постарался исправить все неточности, допущенные в своё время В.П. Васильевым. Кроме того, он снабдил перевод очень подробным филологическим и историческим комментарием. М.И. Гольман утверждал, что на другие европейские языки «Мэнда бэйлу» не переводился[160], однако, вероятно, он не знал о работе немецких переводчиков, Петера Олбрихта и Элизабет Пинкс, которые под общей редакцией Эриха Хениша подготовили комментированный высококачественный перевод сочинения Чжао Хуна и издали его в 1980 г.[161]

Ещё одно сочинение, о котором следует сказать несколько слов, — «Хэйда шилюэ» 黑韃事略 («Записки о черных татарах») Пэн Дая 彭大雅 и Сюй Тина 徐霆[162]. Это объединенные вместе путевые записки двух путешественников, участвовавших в нескольких сунских посольствах ко двору Угэдэя в 1230-е гг., и

[158] Там же. С. 100.

[159] См. Мэнда бэйлу.

[160] *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. С. 67–70.

[161] Meng-Ta Pei-Lu und Hei-Ta Shih-Lüeh. Chinesische Gesandtenberichte über die Frühenmongolen 1221 und 1237 / Üb. und komm. von P. Olbricht und E. Pinks. Wiessbaden, 1980. S. 1–84.

[162] Перевод половины памятника см. в: «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Дая и Сюй Тина / Введ., комм. Н.Ц. Мункуева, пер. Н.Ц. Мункуева, Линь Кюнъи // Проблемы востоковедения. 1960. №5. С. 133–158.

Н.Ц. Мункуев называет их ещё более ценным источником, чем «Мэнда бэйлу»[163]. Он приложил немало усилий к тому, чтобы ввести этот источник в научный обиход. Перевод и комментарий «Хэйда шилюэ» явились одной из задач, которые он поставил перед своей докторской диссертацией «Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников»[164] (успешная защита прошла 7 января 1972 г. в Институте востоковедения АН СССР)[165]. Н.Ц. Мункуев был первым исследователем, подготовившим перевод записок с китайского языка. Начав в 1960 г. с публикации половины текста в журнале «Проблемы востоковедения», он продолжил работу и в 1970 г. завершил полный комментированный перевод. К сожалению, на момент смерти ученого в 1985 г. диссертация так и не была опубликована. Не опубликованной остается она и по сей день, так что желающие ознакомиться с исследованием должны обращаться в архив Института востоковедения.

В 2009 г. вышел перевод «Записок», подготовленный Р.П. Храпачевским[166], в котором, к сожалению, отсутствует оригинальный текст «Хэйда шилюэ», а также в недостаточной мере учтен опыт многолетней работы Н.Ц. Мункуева, что несколько снижает его академическую ценность.

В 2016 г. увидел свет перевод «Записок»[167] с немецкого текста, подготовленного в 1980 г. П. Олбрихтом и Э. Пинкс в рамках того же исследования, что и упоминавшийся ранее перевод «Мэнда бэйлу»[168]. Перевод снабжен подробным комментарием, опирающимся как на работу Н.Ц. Мункуева, с которой у немецкого варианта имеется целый ряд важных разночтений, так и на

---

[163] *Мункуев Н.Ц.* Основные китайские источники по истории Монголии (XIII–XIV вв.) // Современная историография стран Зарубежного востока / Отв. ред. Б.Н. Занегин. М., 1963. С. 161.

[164] Хранится в архиве Института востоковедения РАН.

[165] *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. С. 369.

[166] *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. Т. 3. М., 2009.

[167] Хэйда шилюэ. Краткие заметки о черных татарах // Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, пер. под ред. Е.Р. Нестеровой. М., 2016.

[168] Meng-Ta Pei-Lu und Hei-Ta Shih-Lüeh. S. 85–226.

современную историографию, которая успела значительно пополниться за тридцать с лишним лет, отделяющие переводы Н.Ц. Мункуева, П. Олбрихта и Э. Пинкс от сегодняшнего дня. Спорные моменты в тексте анализируются путем сопоставления имеющихся вариантов перевода с китайским оригиналом. В издание также включен факсимильный иероглифический текст под редакцией и с комментариями Ван Говэя, и ряд исследовательских статей, касающихся различных аспектов монгольской истории рассматриваемого периода[169].

«По разнообразию и достоверности сообщаемых сведений оно («Хэйда шилюэ» — Е.Н.) может быть поставлено в один ряд с известными работами европейских путешественников XIII в. П. Карпини и Г. Рубрука»[170]. А Ван Говэй даже сравнивает «Записки» по ценности с «Юаньчао биши»[171]. Это одно из древнейших описаний зарождающейся монгольской империи[172], «самый богатый источник по ранней истории монголов на китайском языке»[173].

Пэн Дая принимал участие в посольстве, посланном Южными Сунами к монголам в 1233 г. для ведения переговоров о совместных военных действиях против чжурчжэней. В 1240 г. его снова отправляли на север, на этот раз в качестве полномочного посла (цель этой поездки неизвестна). Кроме того, известно, что Пэн Дая принимал активное участие в обороне Чунцина, руководя строительством стен,

---

[169] *Нестерова Е.Р.* Монгольская империя в Китае — стиль и методы государственного управления и культурная конвергенция // Хэйда шилюэ. Краткие заметки о черных татарах. С. 111–133; *Кадырбаев А.Ш.* Источники и историография эпохи Юань — периода монгольского владычества в Китае (XIII–XIV вв.) // Там же. С. 134–149.

[170] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. М., 1970. С. 34.

[171] Там же.

[172] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 1970. С. 694.

[173] Там же. С. 712.

благодаря которым город в течение двадцати лет успешно держался против монгольских набегов на Сычуань[174].

Сюй Тин путешествовал по Северному Китаю и Монголии в течение двух лет (1235–1236 гг.). Это посольство имело своей целью восстановить мир между недавними союзниками — монголами и китайцами, — который был нарушен после гибели империи Цзинь[175]. В 1237 г. Сюй Тин, встретив Пэн Дая и обсудив впечатления от поездок, объединил и литературно обработал оба комплекта путевых записей, приняв за основу текст Пэн Дая, а свои заметки используя для уточнения тех эпизодов, в которых сведения не совпадали или материалы Пэн Дая оказывались слишком лаконичны[176].

Единственная рукопись, о существовании которой известно ныне историкам, датирована 1557 г. Первое ксилографическое издание «Хэйда шилюэ» относится к 1903 г. Однако оно быстро стало библиографической редкостью, так что большинство ученых не имели возможности им воспользоваться[177]. Следующее по времени выхода издание 1937 г. изобилует ошибками и неточностями и, таким образом, совершенно не отвечает научным требованиям к публикации источника. Лучшим изданием Н.Ц. Мункуев считал текст, подготовленный Ван Говэем в 1926 г. и впоследствии многократно переизданный[178]. Во время работы над своей диссертацией Н.Ц. Мункуев пользовался переизданием 1940 г.[179] К нему же обращались и мы — в тех случаях, когда требовалось свериться с оригиналом источника, чтобы уточнить детали перевода.

Главным преимуществом «Хэйда шилюэ» перед «Мэнда бэйлу» Н.Ц. Мункуев называл тот факт, что авторы совершили длительное путешествие в глубь

---

[174] Там же. С. 699.

[175] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы… Автореферат. С. 33–34.

[176] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы… Диссертация. С. 707.

[177] Там же. С. 708.

[178] Там же. С. 709.

[179] Там же. С. 713.

Монголии, в то время как Чжао Хун побывал только у монгольского наместника на территории покорённого Китая[180]. Содержание «Хэйда шилюэ» освещает многие стороны жизни монголов. Авторов интересовало буквально все: организация ханской охоты, система налогообложения, прически и одежда монголов, развитие ремесла, коневодство, военное дело. Логично предположить, что одной из обязанностей посольства считалась разведка в стане потенциального противника[181]. Использование послов в качестве шпионов широко практиковалось в китайской дипломатии.

Еще один важный источник — надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. В первую очередь, интерес здесь представляет личность погребенного. Будучи потомоком основателя династии Ляо (907–1125) по линии его старшего сына[182], Елюй Чуцай, благодаря заботам матери, китайской артистократки, получил классическое конфуцианское образование, изучил разные науки, знал, кроме китайского, который почитал родным, ещё киданьский и чжурчжэньский языки, а впоследствии выучил и монгольский. В возрасте двадцати девяти лет, в 1218 г. Елюй Чуцай попал на службу к Чингис-хану, и с тех пор преданно служил монгольским ханам вплоть до своей кончины в 1243 г.[183]

Карьера Елюй Чуцая при особе Чингис-хана начиналась с астрологии — несколько удачных предсказаний приблизили его к хану и сделали близким советником. Кроме того, Елюй Чуцай благодаря уровню своего образования стал секретарем хана по китайским делам[184].

Во время своих путешествий с ханской ставкой Елюй Чуцай вел дневниковые записи, которые в 1229 г. издал под названием «Си ю[й] лу» 西域路 («Описание

---

[180] Там же. С. 712.

[181] Там же. С. 711.

[182] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 11.

[183] Там же. С. 14.

[184] Там же. С. 15.

путешествия в Западный край»)[185]. Это «ценный источник по исторической географии Центральной Азии»[186], где проходили походы монгольской армии. Правда, в источнике опущены некоторые эпизоды военных действий, такие как взятие Самарканда или Бухары, сопровождавшиеся массовыми репрессиями[187]. Вероятно, это было сделано по политическим соображениям, поскольку акцент на монгольской жестокости едва ли заслужил бы одобрение великого хана. Хотя, с другой стороны, не стоит забывать, что война в те времена в принципе велась по весьма суровым правилам, и монголы разве что немного выделялись на общем фоне современников. Вспомним хотя бы Джелал ад-Дина, их противника, который ознаменовал свою победу у Парвана вколачиванием кольев в уши монгольских пленных[188]. Причем этот факт приводится ан-Насави, чрезвычайно лояльным по отношению к Джелал ад-Дину автором, как что-то само собой разумеющееся, не могущее бросить тень на репутацию его сюзерена.

Сейчас «Си ю[й] лу» для читателей практически недоступен, поскольку единственный перевод некоторых фрагментов сочинения на европейский язык был выполнен Э. Бретшнайдером на рубеже XIX–XX вв., а оригинальный текст издавался в 1927 г. японским исследователем Канда Синчо[189], и с тех пор научная общественность к нему больше не возвращалась.

В полной мере способности Елюй Чуцая развернулись в годы правления преемника Чингис-хана Угэдэя, когда при дворе произошло столкновение двух точек зрения на использование завоеванных территорий. Часть старой кочевой знати, из числа родовой аристократии, стоявшей в своё время плечом к плечу с Чингис-ханом и свято чтившей старинные, передававшиеся от предков традиции,

---

[185] Фрагменты из источника см. в: *Bretschneider E.* Si yu lu // Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. London, 1910. P. 9–24.

[186] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 17.

[187] Взятие этих городов подробно описано у мусульманских авторов. См. в: *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 204–208; *Ибн ал-Асир*. С. 362–366;

[188] *Ан-Насави.* С. 120.

[189] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 16.

предложила вырезать всё население Северного Китая, чтобы освободить земли под пастбища. Елюй Чуцай выступил против такого «варварского» решения и, пользуясь своим авторитетом в глазах хана, постарался убедить его в том, что эксплуатировать китайцев гораздо выгоднее. Он представил Угэдэю расчеты налогов, которыми можно было бы обложить население Северного Китая, и наглядно продемонстрировал пользу для ханской казны от этих регулярных поступлений. Угэдэй согласился и распорядился создать налоговые управления, во главе которых поставили конфуцианцев — бывших чиновников государства Цзинь. Когда налоги поступили в казну в обещанных Елюй Чуцаем размерах, Угэдэй назначил его *чжуншулином* 中書令 — начальником Великого императорского секретариата[190]. Также по инициативе Елюй Чуцая создавалась административная система, при которой монгольские военачальники, налоговые управления и старшие чиновники не зависели друг от друга, причем последние, ведающие вопросами управления китайским и монгольским населением, уравнивались в правах[191].

Елюй Чуцай был «типичным китайским чиновником-конфуцианцем»[192]. По его ходатайству среди всех конфуцианцев, в том числе захваченных в плен и обращенных в рабство, были проведены традиционные китайские экзамены, после чего наиболее способных перевели на государственную службу. Экзамены провели также среди буддийских и даосских монахов, чтобы выявить тех, кто, пользуясь монгольской веротерпимостью, укрывался в монастырях от уплаты налогов[193].

Всеми силами Елюй Чуцай препятствовал такому обычному и привычному в те времена мероприятию, как отдача налогов на откуп. Несколько раз ему удавалось отговорить Угэдэя от этого шага, но, в конце концов, мусульманские

---

[190] Там же. С. 18–19.

[191] Там же. С. 20. См. также: *Riasanovsky V.A*. Mongol law and Chinese law in the Yuan dynasty // Chinese social and political science review. 1936. № 20. P. 266–289.

[192] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 18.

[193] Там же. С. 21.

купцы соблазнили хана и его приближенных заоблачными суммами, которые они обязывались внести в казну, и незадолго перед смертью Угэдэй уступил их настояниям. Влияние Елюй Чуцая постепенно слабело, а после кончины хана и вовсе сошло на нет[194]. Спустя два года Елюй Чуцай умер. В 1261 г., через восемнадцать лет после смерти, прах Елюй Чуцая был перезахоронен на южном склоне горы Дунвэншань[195].

Там в 1261–1264 гг. была установлена стела с памятной надписью. Эта надпись сообщает ценнейшие сведения об организации монголами управления покоренным Китаем и о роли Елюй Чуцая в этом процессе. Автор текста на стеле — Сун Цзычжэнь 宋子貞, младший современник Елюй Чуцая, считавший себя его учеником и последователем, китайский чиновник на монгольской службе, который возвысился в период правления Хубилая. Как и Елюй Чуцай, он старался внедрить на китайской территории китайские приемы управления, действуя совместно с сыном Елюй Чуцая, Елюй Чжу, который после смерти отца занимал пост *чэн-сяна*[196].

Как писал Н.Ц. Мункуев, главный русский исследователь жизни и деятельности Елюй Чуцая, «на западе имя Елюй Чуцая стало известно только в XVIII в., благодаря работам ученых — католических миссионеров»[197]. Оно фигурировало в переводах исторических сочинений, в исследованиях по истории периферии Китая и его кочевых соседей; в 1829 г. крупный французский востоковед Жан-Пьер Абель-Ремюз опубликовал биографию Елюй Чуцая, основываясь на сведениях из «Юань ши». При этом Н.Ц. Мункуев отмечал неполноту освещенности жизни Елюй Чуцая в названном исследовании, поскольку к работе привлекались не все существующие источники, а те, которые

[194] Там же. С. 22.

[195] В XVIII в. эта гора оказалась в составе дворцового комплекса Ихэюань и была переименована в Ваньшоушань.

[196] Там же. С. 30–33.

[197] Там же. С. 5.

использовались, приводились, скорее, в свободном пересказе [198] (уже упоминавшаяся проблема отношения к источникам в синологии и востоковедении вплоть до начала XX в.). На русский язык первые сведения о Елюй Чуцае были переведены Никитой Яковлевичем Бичуриным в рамках его работы по истории первых четырех монгольских ханов [199], однако и эта информация носила отрывочный характер, поскольку освещала только некоторые эпизоды биографии советника Чингис-хана и Угэдэя.

Западные ученые-некитаисты, в условиях недостаточной разработанности материала, иногда даже ставили под сомнение сам факт существования Елюй Чуцая как исторической личности. Н.Ц. Мункуев писал о неоднократных попытках специалистов по смежным темам отождествить Елюй Чуцая с другим приближенным хана Угэдэя, хорезмийским купцом Махмудом Ялавачем. Например, так полагал Е. Блоше[200]. Те, кто занимался изучением судьбы этого ханского советника, видели причину происходящего в том, что Елюй Чуцай ни разу не упоминается ни в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [201], ни в «Сокровенном сказании»[202]. На Западе наибольшее внимание истории Елюй Чуцая уделил И. де Рахевильтц, написавший его подробную биографию в сборнике исследований о личностях ханских приближенных[203].

В Китае же имя Елюй Чуцая известно чрезвычайно широко. На основании двух главных источников — надгробной надписи и биографии Елюй Чуцая в «Юань ши», — было подготовлено несколько биографий (в XIV в., в XVII в., в начале XX в.)[204]. В этих текстах сведения из «Юань ши» дополняют картину,

---

[198] Там же. С. 6–7.

[199] См. *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. С. 106, 119, 148, 150, 153, 161, 211, 259, 261, 264–265, 272, 274.

[200] In the Service of the Khan / Ed. by I. de Rachewiltz. Wiesbaden, 1993. P. 136.

[201] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 8.

[202] In the Service of the Khan. P. 136.

[203] Ibid. P. 136–171.

[204] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 4.

обрисованную Сун Цзычжэнем информацией из тех китайских источников, которые со временем оказались утрачены.

Целиком надгробная надпись на русский язык первый и единственный раз была переведена Н.Ц. Мункуевым при подготовке кандидатской диссертации в 1962 г. и опубликована в 1965 г. в рамках монографии «Китайский источник о первых монгольских ханах» [205] . На европейские языки текст надписи не переводился.

В целом есть веские основания полагать, что пока этот ценный источник не достаточно основательно используется современными востоковедами, и это не может не вызывать сожаления. Монография Н.Ц. Мункуева — единственное специальное исследование, целиком посвященное данному памятнику[206].

Следующим информативным источником по ранней истории монгольского государства в нашем списке является «Чанчунь чжэньжэнь си ю цзи» 長春眞人西游记 («Записка о путешествии на Запад праведника Чанчуня»)[207]. Это путевые заметки, сделанные во время поездки Чанчуня[208] 長春 (1148–1227), главы даосской школы «Цюаньчжэнь» 全真 (Совершенной истины), к Чингис-хану. Автором заметок является ученик Чанчуня Ли Чжичан (1193–1278), который вместе со своим наставником проделал весь немалый путь до ханской ставки в Средней Азии и обратно в Северный Китай[209]. В 1220 г. Чингис-хан вызвал к себе знаменитого даоса, желая узнать тайну достижения бессмертия. Путешествие длилось четыре

[205] Там же.

[206] См. *Данилов С.В.* К вопросу о традициях градостроительства кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. С. 186.

[207] Си ю цзи или описание путешествия на Запад / Пер., прим. о. Палладия (Кафарова) [Труды Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4]. СПб., 1866. С. 261–434. Далее — Си ю цзи.

[208] Биографическую справку о нем см. в: In the Service of the Khan. P. 208–223.

[209] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 138.

года, поскольку ехать пришлось не в Монголию, а вслед за войсками, в Туркестан, к границам Индии[210].

На протяжении всех четырех лет Ли Чжичан вел дневник путешествия, а в 1228 г. окончательно отредактировал свои записки. Относительно его собственной биографии известно, что в 1227 г., после смерти Чанчуня, он стал хранителем архива школы Совершенной истины, неоднократно вел беседы с великим ханом Угэдэем о воспитании наследника, а в 1238 г. эту школу возглавил. Ему также было поручено следить за воспитанием детей некоторых монгольских князей. Власти признавали его главой церкви[211].

«Чанчунь чжэньжэнь си ю цзи» сохранилось в двух редакциях, восходящих к тексту, включенному в 28-томный сборник каноничных даосских сочинений «Дао цзан» 道藏. Разночтения этих двух вариантов незначительны, что позволяет «по сличении обеих редакций, легко распознать настоящий текст»[212]. Первое китайское издание датируется 1848 г.[213] Впоследствии многие китайские исследователи писали к этому сочинению свои дополнения и примечания (географическое исследование Дин Цяня, комментарии Ван Говэя)[214]. На русский язык этот источник был переведен в 1866 г. о. Палладием. Его многочисленные переводы неизменно характеризовались обширными подробными комментариями, представляющими собой настоящий сборник миниатюрных исследований[215]. Признанию выдающейся роли П.И. Кафарова в развитии отечественной исторической науки была посвящена специальная конференция, состоявшаяся в 1979 г. и приуроченная к столетию со дня его смерти[216]. Однако в 1965 г.

---

[210] Си ю цзи. С. 262.

[211] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 138–139.

[212] Си ю цзи. С. 263.

[213] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник... С. 139.

[214] Там же.

[215] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 177.

[216] П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 1–3. М., 1979.

Н.Ц. Мункуев обоснованно считал этот перевод устаревшим[217]. К сожалению, новый до сих пор не появился. На английский язык «Си ю цзи» переводили дважды[218], но оба раза не полностью[219].

«Си ю цзи» считается ценным источником по истории, исторической географии и этнографии средневековой Монголии[220]. Конечно, работая с ним, надо помнить, что автор сочинения — даос и ученик даоса, так что текст изобилует описаниями чудес, подтверждающих святость Чанчуня (например, рассказ о дожде, излившемся по его желанию[221], или об облаке, прикрывшем его от солнца в жаркий полдень[222]). Однако наряду с этим есть достоверные сведения о быте монголов, традиционных обрядах, о природе и климате стран, через которые ехали путешественники.

Сочинение «Чжан цаньи Яоцинь цзисин»[223] 张参议耀卿纪行 («Путевые записки советника Чжан Яоциня»)[224] — еще один дневник путешествия, переведенный П.И. Кафаровым. Очень небольшой по объему, он заинтересовал нас личными впечатлениями автора от поездки, которые представляется интересным сравнить с записями других очевидцев, которых в нашей работе собрано еще четверо: Ли Чжичан, Пэн Дая, Сюй Тин, Чжао Хун. Автор «Путевых записок» —

---

[217] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы… Автореферат. С. 5.

[218] *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. London, 1910. P. 35–108; The Travels of an Alchemist. The Journey of the Taoist Ch'ang-ch'un from China to the Hindukush at the Summons of Chingiz Khan. Recorded by His Disciple Li Chih-ch'ang / Tr. by A. Waley. London, 1931.

[219] In the Service of the Khan. P. 222.

[220] *Мункуев Н.Ц.* Основные китайские источники по истории Монголии. С. 158.

[221] Си ю цзи. С. 275.

[222] Там же. С. 277.

[223] Путевые заметки китайца Чжан Дэхоя во время путешествия его в Монголии в первой половине XIII столетия / Пер., ком. П.И. Кафарова [Записки Сибирского отдела императорского Русского географического общества]. 1867. Т. 9–10. Вып. 11. С. 582–591. Далее — Чжан Дэхой.

[224] Это сочинение известно историкам также под рядом других названий: «Бяньхоу цзисин» 边堠纪行 («Записи о путешествии за приграничные укрепления»), «Сайбэй цзисин» 塞北纪行, («Записи о путешествии к северу от границы»).

чиновник Южносунской империи, Чжан Дэхуэй 張德輝, провел в ставке Хубилая, будущего основателя династии Юань, десять месяцев в 1248 г.[225] К сожалению, из текста не следует, с какой целью было предпринято это путешествие, почему конечной целью стала именно ставка Хубилая, который пока еще никак не проявил себя в борьбе за власть — ведь в 1248 г. даже его старший брат Мункэ еще не стал великим ханом, ехал ли Чжан Дэхуэй один, или со спутниками.

Однако автор «Записок» отметил интерес Хубилая к учению Конфуция[226], кратко рассказал о монгольских обычаях и образе жизни, описал увиденные им достопримечательности, как то руины древних сооружений (города, построенные киданями)[227] и природные особенности (например, соленое озеро в форме собаки)[228]. Текст выглядит гораздо менее детализированным и аналитическим, нежели сочинения перечисленных выше авторов. Наибольшая часть его посвящена последовательному описанию маршрута — сколько дней придется ехать до того или иного города, в каком направлении затем повернуть. Сам Чжан Дэхуэй объяснил такой подход просто: «я сам по себе … подал только пример, вследствие которого несомненно придут к князу мужи несравненно более достойные. Для того я и записал свое путешествие от начала до конца»[229]. Одним словом, его сочинение носило сугубо утилитарный характер и должно было помочь новым послам отыскать правильную дорогу. Что до информативных отступлений — они весьма немногочисленны.

Говоря о малых по объему китайских источниках, нельзя не упомянуть также «Хуан Юань шэнъу циньчжэн лу» 皇元聖武亲征录 — «Описание личных походов священно-воинственного государя династии Юань»[230]. Это малоизвестная и редко

[225] Там же. С. 586.

[226] Там же.

[227] Там же. С. 584.

[228] Там же. С. 582.

[229] Там же. С. 586.

[230] Старинное китайское сказание о Чингис-хане / Пер., ком. П.И. Кафарова // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. С. 149–295.

используемая историками краткая биография Чингис-хана на китайском языке. Единственный перевод на европейский язык был подготовлен П.И. Кафаровым в 1872 г. [231] Датировать точно этот документ сложно, мнения расходятся: М.И. Гольман полагал, что его следует отнести к правлению Хубилая, поскольку именно в это время культ Чингис-хана развивался особенно активно, что обусловило и внимание к биографическим сведениям, [232] в то время как о. Палладий считал, что текст был составлен значительно позже, поскольку используемые в тексте посмертные наименования Чингис-хана и Есугея были даны им уже при преемниках Хубилая[233].

Скорее всего, это китайский перевод несохранившейся монгольской хроники[234]. По содержанию он ближе к официальным историям «Юань ши» и «Джами ат-Таварих», чем к «Сокровенному сказанию». Например, в нем очень поверхностно освещена юность Темучжина и годы лишений, наступившие после смерти Есугея. Нет упоминания об убийстве Темучжином единокровного брата Бектера. Побратимство с Джамухой также почти вне поля зрения автора. В то же время датировка многих событий совпадает с датировкой Рашид ад-Дина[235], что позволяет предположить наличие какого-то общего первоисточника.

Неизвестно, было ли это сочинение когда-либо опубликовано. П.И. Кафаров имел дело исключительно с рукописями и не смог найти никаких упоминаний о существовании печатного текста. Более того, рукописи дошли до нас в чрезвычайно плохом состоянии, так что прочтение их стало возможным только

---

[231] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник... С. 168.

[232] *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. С. 69.

[233] *Кафаров П.И.* Старинное китайское сказание о Чингис-хане. С. 149–150.

[234] *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. С. 69.

[235] Провозглашение Чингис-ханом в 1206 г., добровольное присоединение уйгуров в 1209 г., завоевание нескольких чжурчжэньских городов сыновьями Чингиса в 1211 г.

благодаря самоотверженности нескольких китайских ученых, в результате долгого и упорного труда исправивших ошибки переписчиков и прочие дефекты[236].

Еще один источник, использованный при написании настоящей работы, был создан при династии Южная Сун. Это «Чжу фань чжи» 诸蕃志 (досл. «описание всех дальних земель»)[237] Чжао Жугуа 赵汝适, составленное к 1225 г.[238] Об авторе известно крайне мало. В «Сун ши» сказано, что он был потомком одного из сунских императоров конца X в. в восьмом колене, в 1196 г. сдал экзамен на чин и получил ученую степень *цзиньши* 进士[239], после чего поднялся до должности инспектора внешней торговли в порту Цюаньчжоу[240]. Неся службу в Управлении торговых кораблей, он имел возможность собирать сведения о торговых операциях, пошлинах, маршрутах и деятельности купцов различных национальностей. Затем эта информация легла в основу его сочинения. Помимо личных наблюдений, Чжао Жугуа опирался в работе над «Описанием» на сочинения своих предшественников, самым значительным из них считается «Линвай дайда» 嶺外代答 («За хребтами. Вместо ответов»)[241] Чжоу Цюйфэя 周去非, написанная к 1178 г.[242] Общий план своей работы Чжао Жугуа построил, опираясь на один из разделов этого текста, озаглавленный «Все иноземные страны за морям», в котором «через изложение морских маршрутов дана общая панорама заморского Юга»[243].

---

[236] *Кафаров П.И.* Старинное китайское сказание о Чингис-хане. С. 151.

[237] Подробнее об этом см. в: *Chau Ju-Kua.* Work on the Chinese and Arab Trade in the 12th and 13th c. / Trans. by F. Hirth and W.W. Rockhill. NY., 1966. Далее *Chau Ju-Kua*… Vol. 1.

[238] *Hirth F. Rockhill W.W.* Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the 12th and 13th c., Entitled Cha-fan-chi. Vol. 1. St. Petersburg, 1911; Vol. 2. Tokyo, 1914. P. 1. Далее *Chau Ju-Kua*... Vol. 2.

[239] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 781–782.

[240] *Chau Ju-Kua*... Vol. 1. P. 35.

[241] *Чжоу Цзюфэй.* За хребтами. Вместо ответов (Линвай дайда) / Пер., комм., введ. М.Ю. Ульянова [ППВ 103]. М., 2001.

[242] Там же. С. 32.

[243] Там же. С. 94.

Структурно «Чжу фань чжи» делится на две части. Первая посвящена описанию стран, включающему в себя не только перечень ввозимых и вывозимых товаров, но и разнообразную информацию по государственному устройству, некоторым особенностям быта, народным обычаям[244]. Во второй содержится описание сорока трех различных товаров, среди которых ценные породы дерева, лекарственные растения, черепашьи панцири, слоновьи бивни, носорожьи рога, драгоценные камни, изделия из различного стекла; автор писал об особенностях их добычи и изготовления, сферах применения, местах производства[245].

По мнению В. Рокхилла, впервые «Описание» могло быть опубликовано еще при жизни автора, хотя сохранившихся доказательств этому нет[246]. Самое раннее дошедшее до нас упоминание источника датируется рубежом XIII–XIV вв., когда название «Чжу фань чжи» было занесено в библиографический раздел «Вэньсянь тункао» 文獻通考 («Свод письменных памятников и суждений к ним»)[247] вместе с краткой аннотацией, заимствованной из более раннего каталога личной библиотеки[248]. Первая доподлинно известная публикация относится к началу XV в., когда сочинение вошло в состав обширной компиляции «Юнлэ дадянь». К сожалению, *цзюань* 4262, в котором находилось «Чжу фань чжи», к нашему времени утрачен. Однако в конце XVIII в. именно эту версию текста Чжао Жугуа скопировали в серию «Хань хай» 函海 («Огромное собрание книг») Ли Тяоюаня 李調元[249]. Таким образом, первое дошедшее до нас печатное издание датируется 1783 г.[250] В 1805 г. источник переиздали, не внеся сколько-нибудь существенных

[244] *Chau Ju-Kua*... Vol. 1. P. 2–190.

[245] Ibid. P. 191–239.

[246] *Chau Ju-Kua*... Vol. 2. P. 1.

[247] Энциклопедия, завершенная в 1307 г. и содержавшая выдержки из документов и иных источников, касающихся всех сфер жизни государства. Более подробно о ней см. в: Духовная культура Китая. Т. 4. С. 463–464.

[248] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 781.

[249] Там же. С. 782.

[250] *Chau Ju-Kua*... Vol. 2. P. 1.

изменений [251] . Именно эта версия текста используется в современной историографии.

Полный перевод текста в самом начале XX в. был подготовлен выдающимися западными ориенталистами Ф. Хиртом и В. Рокхиллом [252], с тех пор повторно переводились только фрагменты. В работе над настоящей статьей использовалось переиздание упомянутого перевода, выполненное в 1966 г. в Нью-Йорке. Приложенный к переводу оригинальный текст [253] привлекался для уточнения отдельных пассажей, по нему приводятся также все специальные термины и названия.

В современной историографии к данному источнику обращаются нечасто. Наибольшее внимание ему уделено в работах отечественного востоковеда М.Ю. Ульянова, посвященных имеющимся в «Описании» сведениям о некоторых странах Юго-Восточной Азии (Филиппины [254] , Шривиджая [255]) или же особенностям восприятия китайцами окружающего мира в первой половине XIII в.[256]. Кроме того, М.Ю. Ульянов активно обращался к сочинению Чжао Жугуа во время работы над комментированным переводом «За хребтами»[257]. Название памятника он перевел «Описание всего иноземного», однако допустимы оба варианта, поскольку иероглиф 蕃 *fán* может иметь целый ряд значений, среди которых «дальние вассальные земли, окраины, некитайские племена, варвары,

---

[251] *Chau Ju-Kua*... Vol. 1. P. 38.

[252] *Hirth F. Rockhill W.W.* Chau Ju-Kua: His Work…

[253] *Chau Ju-Kua* … Vol. 2. P. 4–75.

[254] *Ульянов М.Ю.* Сообщение о Филиппинах в труде Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» // Филиппины в Малайском мире. Малайско-индонезийские исследования. V. М., 1994. С. 15–32.

[255] *Его же.* Чжао Жугуа. Чжу фань чжи. Сообщение о государстве Шривиджая // Восток. 1996. № 6. С. 141–155; Е*го же.* Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» («Сообщения о подвластных Шривиджае государствах») // Восток. 1999. № 1. С. 156–166.

[256] *Его же.* Мир глазами китайского таможенного чиновника XIII в. // Восточная коллекция. 2001. №1. С. 86–97.

[257] *Чжоу Цзюфэй.* За хребтами.

варварский, чужеземный, иностранный»[258]. Из новейшей историографии можно упомянуть работу А.Г. Юрченко «Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография»[259], в которой автор обращается к «Описанию» при анализе некоторых утверждений Марко Поло, касающихся специфических местных товаров и географических локаций.

Также для уточнения некоторых деталей нам приходилось привлекать китайские сочинения, посвященные двум другим государствам, находившимся на территории Северного Китая и напрямую имевшим дело с монголами, — киданьской империи Ляо и чжурчжэньской Золотой империи Цзинь.

«История государства киданей»[260] 契丹国志 (Цидань гочжи) Е Лунли 葉隆禮 была написана в 1180 г. Внушающих доверие сведений об авторе нет. Известно лишь, что он был чиновником на государственной службе династии Южная Сун. Его сочинение состояло из двадцати семи глав и пяти дополнений (доклад императору о завершении работы, история возвышения киданей, хронология и генеалогия киданьских правителей, карта)[261]. По сути своей это сочинение являлось компиляцией на основе всех предшествовавших трудов по истории соседних с Китаем народов[262]. В частности, там говорится о воцарении основателя империи Цзинь Агуды, бывшего прежде вассалом Ляо[263]. Сановники предлагали императору Ляо убить Агуду, поскольку он «отличается мужеством и необыкновенным взглядом», но тот отказался, ссылаясь на то, что Агуда слаб и неопасен, а его убийство отвадит других соседей изъявлять покорность[264]. Из описания военных действий чжурчжэней против Ляо становится ясно, у кого

[258] Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. Т. 2. М., 1983. С. 657. Далее — БКРС.

[259] *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

[260] *Е Лунли* История государства киданей / Пер. с кит., введ., комм., прил. В.С. Таскина [ППВ 35]. М., 1979.

[261] Там же. С. 25.

[262] Там же. С. 27.

[263] Там же. С. 171–173.

[264] Там же. С. 174.

монголы позаимствовали тактику ведения боя исключительно силами кавалерии с массовым использованием лучников, на скаку осыпающих противника градом стрел[265].

«История Золотой империи»[266] была составлена при дворе монгольского императора Тогон-Темура (1333–1368) в качестве династийной истории — каждая новая китайская династия, согласно обычаю, должна была написать историю своей предшественницы[267]. В ходе этой работы специальная комиссия, около половины которой составляли китайцы, опиралась на значительный материал, собранный ещё чжурчжэньскими историографами, труд которых был прерван гибелью империи. Эта комиссия, кроме истории династии Цзинь, должна была также написать истории династий Ляо и Сун. Подобный труд способствовал восприятию династии Юань на китайском престоле в качестве легитимной, уточняя ее место в истории Поднебесной. «Цзинь ши» была составлена за год, к 1344 г., она содержала 135 глав и строилась по традиционному принципу династийных историй («Основные анналы», биографии выдающихся деятелей, специальные разделы по различным сферам жизни)[268]. Позже, когда усилились потомки чжурчжэней маньчжуры, «История династии Цзинь» была переведена на маньчжурский язык вместе с «Историей династии Ляо» и «Историей династии Юань», как памятников государственности кочевников, создавших могучие империи, к чему стремились и маньчжуры. В 1644 г. «История династии Цзинь» по приказу императора была издана в количестве трехсот экземпляров[269].

---

[265] Там же. С. 177–178.

[266] История Золотой империи / Пер. и комм. Г.М. Розова, отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1998.

[267] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 56. У истоков этой традиции стоял «отец китайской истории» Сыма Цянь. Регулярно династийные истории начали составляться с эпохи Тан, когда эта традиция превратилась в обязательный государственный ритуал. За всю историю Китая было создано двадцать четыре династийных истории.

[268] История Золотой империи. С. 9

[269] Там же. С. 8.

Используемый в работе перевод этого текста с маньчжурского языка был выполнен в 1836–1840 гг. членом Русской духовной миссии в Пекине, учеником Н.Я. Бичурина, Григорием Михайловичем Розовым (1808–1853)[270].

1.3 Персидские источники

Немалое значение в рамках изучаемой темы имеют сочинения на персидском языке. Самым важным из них для данного периода по праву считается «Сборник летописей» («Джами ат-Таварих») Рашид ад-Дина[271], написанный в начале XIV в. Работа была начата в 1301 г., основная часть написана в 1307 г., к 1311 г. труд был в целом завершен[272].

Этот памятник неоднократно переводился на европейские языки, но всегда фрагментарно. В 1836 г. Марк Катрмер издал персидский текст и перевел на французский язык историю Хулагу-хана, снабдив её обширным терминологическим и филологическим комментарием. В 1911 г. другой француз Э. Блоше издал персидский текст «Истории преемников Чингис-хана в Монголии и Китае» с примечаниями. В 1905 г. английский востоковед Эдвард Гранвил Броун заявил о своём намерении издать «Сборник летописей» полностью, включая не публиковавшуюся ранее всеобщую историю, но это обещание осталось невыполненным[273].

На русский язык также переводились отрывки. В 1858–1888 гг. И.Н. Березин издал комментированный перевод тех частей сочинения, которые касались истории

---

[270] Там же. С. 30–33.

[271] См. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей: Т. 1. Перевод Л.А. Хетагурова, редакция и примечания А.А. Семенова. М.; Л., 1952; Т. 2. Перевод Ю.П. Верховского, примечания Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, под редакцией И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960; Т. 3. Перевод А.К. Арендса под редакцией А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1946. Далее — *Рашид ад-Дин.*

[272] Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 27.

[273] Там же. С. 7–8.

Чингис-хана и общей истории монголов[274]. Только в 1936 г. коллектив института Востоковедения Академии Наук СССР начал масштабную работу по переводу и комментированию всего текста. В 1946 г. вышел перевод третьего тома летописи о правлении Газан-хана (ранее не публиковавшегося). К 1951 г. была закончена работа над первым и вторым томами сочинения Рашид ад-Дина[275].

При этом за столь длительный период времени, прошедший с момента первой публикации переводов, до сегодняшнего дня, этот важный источник не стал объектом специального исследования, ему не была дана полная оценка, а исследовательская литература оставалась весьма скудной[276]. Илья Павлович Петрушевский объясняет это целым комплексом причин. Не последняя из них — та, что «исследователь, если не был полиглотом, — неизменно чувствовал ограниченность своих сил»[277], поскольку для критической работы с материалом требовалось знание персидского, арабского, монгольских, тюркских языков, привлечение русских, армянских, грузинских, сирийских, византийских и западноевропейских источников. К другим причинам он относит «буржуазную ограниченность» европейской и дореволюционной исторической мысли и пропитанность её расизмом, национализмом, реакционизмом и другими чертами, свойственными историографии, лишенной «самой передовой методологии — марксистско-ленинской»[278]. Эти аргументы, безусловно, надо рассматривать, как дань времени, однако первая озвученная проблема — филологическая сторона дела — действительно может быть серьезным основанием для такой неразработанности интереснейшего памятника.

«Сборник летописей» был написан официальным историком династии Хулагуидов (1256–1353), в результате монгольских завоеваний получившей власть

[274] Труды Восточного отделения Российского Археологического общества (ТВОРАО). Т. V, VII, VIII, XV. СПб., 1858, 1861, 1868, 1888.

[275] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 1 С. 9.

[276] Там же. С. 9.

[277] Там же. С. 10.

[278] Там же. С. 11.

в Иране, Месопотамии, Азербайджане, Армении. Рашид ад-Дин родился в 1247 г. в незнатной семье ученых. Вероятно, он долго служил в финансовом ведомстве, будучи при этом, как было распространено в то время, ученым и врачом. В 1298 г. Рашид ад-Дин был назначен визирем при очередном *иль-хане* Газане. Из переписки Рашид ад-Дина, ставшей достоянием исследователей сравнительно недавно, в 1917 г., следует, что во многом именно ему принадлежали идеи проведенных Газан-ханом реформ, направленных на усвоение монголами местных политических традиций, сближение монгольской и иранской элиты, возрождение сельского хозяйства, облегчение налогового бремени крестьян и ограничение произвола военно-кочевой знати [279]. Его трудами была отменена практика отдачи сбора податей на откуп и направления гражданских и военных чинов на постой в дома простого народа. Была восстановлена твердая серебряная валюта, поборы с крестьян снижены и четко зафиксированы. Эти меры проводились исключительно в интересах верхушки общества, но, тем не менее, положение крестьянства улучшилось. Неоднократно Рашид ад-Дин писал о том, что в простых крестьянах основа благосостояния знати и при обнищавших подданных правителю не на что содержать своих приближенных и чиновников[280].

Рашид ад-Дин находился у власти девятнадцать лет, пережив правление двух *иль-ханов* — Газан-хана (1295–1304) и Ольджейту-хана (1304–1316), и, в конце концов, пал жертвой придворных интриг. В 1317 г., при малолетнем Бахадур-хане, он был отправлен в отставку. А год спустя обвинен в отравлении Ольджейту, которого лечил как главный придворный врач, и казнен[281].

Ценность сочинения Рашид ад-Дина огромна, и не только вследствие подробного описания истории монгольского возвышения и воцарения в Иране. Он назван «величайшим средневековым персидским историком»[282], который взглянул

[279] Там же. С. 18.

[280] Там же. С. 17–18.

[281] Там же. С. 22.

[282] История Ирана с древнейших времен до начала XVIII в. / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1958. С. 167.

на историю в целом шире, чем просто история ислама. Он считал, что история должна включать в себя сведения обо всех народах, от арабов до франков и Индии, должна быть всеобщей [283]. По мнению И.П. Петрушевского, XIII–XIV вв. как нельзя больше способствовали такой перемене, поскольку в связи с монгольскими завоеваниями, крестовыми походами, расширением сферы торговли генуэзских и венецианских купцов и ростом числа католических миссионеров связи между народами активизировались[284]. Отношения с другими странами привели к тому, что при дворе *иль-ханов* оказывались люди, знавшие языки и историю совершенно иных народов. Именно это и сделало возможным появление такого произведения, как «Сборник летописей».

Рашид ад-Дин привлек к его составлению своих секретарей, специалистов по отдельным странам, китайских ученых, буддийских монахов из Индии, католических монахов из Франции, а сам осуществлял общее редактирование, написав, впрочем, большой раздел — историю тюркских и монгольских племен до Чингис-хана[285], так что сочинение можно смело назвать коллективным трудом.

В работе над «Сборником» были использованы многочисленные источники, как письменные, так и устные. Среди первых — «Тарих-и джахан гушай» Джувейни («История завоевателя мира»), официальная монгольская история Чингис-хана и его Золотого рода «Алтан дептер». Ко вторым следует отнести рассказы знатоков старины (эмир Пулад Чэнсян, приехавший из Китая, сам Газан-хан, славившийся познаниями в истории своих славных предков), которые Рашид ад-Дин тщательно записывал[286].

Некоторые из письменных источников, доступных Рашид ад-Дину, до нашего времени не сохранились, как, например, «Алтан дептер». Это придает тексту Рашид ад-Дина особую ценность, поскольку при сопоставлении фактов появляется

[283] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 1. С. 24.

[284] Там же. С. 23–24.

[285] Там же. С. 25.

[286] Там же. С. 26.

возможность проверить точность информации, изложенной в «Сокровенном сказании», которое как исторический источник оценивался советскими исследователями значительно ниже, чем «Сборник летописей»[287].

Огромное значение труда Рашид ад-Дина признавали уже его современники — высокую оценку сочинению историка дал Ольджейту-хан[288].

До нашего времени не дошло ни одного полного экземпляра «Сборника летописей» [289] . После казни Рашид ад-Дина квартал Тебриза, ранее принадлежавший его семье, был разграблен, а многочисленные списки сочинения утрачены. Более-менее цельная картина памятника восстановлена по многочисленным отдельным рукописям, хранящимся в европейских библиотеках. Однако среди этого кажущегося изобилия нет ни одной рукописи достоверно древнее XV в. (рукопись, имеющаяся в Британском музее, претендует на XIV в., но это не доказано, кроме того, она не отличается точностью и исправностью), а установление первоначального текста весьма затруднительно, поскольку даже в самых старых и хорошо сохранившихся экземплярах имеются значительные противоречия[290].

В своей работе мы также пользовались сочинением Ата-Мелика Джувейни «История завоевателя мира» («Тарих-и джахан гушай»). Оно датируется 1260 г.[291] Памятник представляет собой изложение в хронологическом порядке событий жизни Чингис-хана и его преемников до 1257 г. Параллельно с описанием истории монголов даются краткие сведения о соседних странах — страна уйгуров, страна каракитаев, Мерв, Хорезм[292].

---

[287] Там же. С. 30.

[288] Там же. С. 27.

[289] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 95.

[290] Там же. С. 96.

[291] *Джувейни.* Чингис-хан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. М., 2004. С. XXXII. Далее — *Джувейни.*

[292] Там же. С. 397–399.

Ата-Мелик Джувейни родился в 1226 г. в округе Джувейн в Хорасане в очень знатной персидской семье[293], представители которой на протяжении нескольких поколений занимали высокие должности при правителях Персии. Брат историка, Шамс ал-Дин Мухаммед Джувейни, был главным визирем монгольских правителей Ирана на протяжении более чем двадцати лет[294]. Сам Ата-Мелик, вполне в рамках семейной традиции, в 1259 г. получил от хана Хулагу назначение на пост наместника Багдада и Нижней Месопотамии, и руководил этими землями в течение двадцати лет, прикладывая немалые усилия к восстановлению хозяйства разоренного войной края[295]. Его судьба, как и судьба любого придворного, была переменчива, имели место интриги и опала. Против него выдвигались традиционные для того времени обвинения в растрате и присвоении государственных денег. Правители то верили этим обвинениям, то возвращали Джувейни своё расположение. Всю жизнь балансируя на краю пропасти государевой немилости, Джувейни умер в 1283 г., по одним данным — в результате падения с лошади, по другим — из-за расстройства, в которое его поверг очередной навет[296]. Его похоронили в Тебризе, а вскоре весь его род был истреблен новым правителем, питавшим к семейству Джувейни глубокую ненависть[297].

Свой исторический труд Джувейни начал в 1252–1253 гг., однако, будучи человеком очень занятым на службе, мог уделять ему не так уж много времени. Он пишет, что «не имеет ни одной свободной минуты для занятий, разве что в долгом путешествии улучит час-другой, когда караван остановится на привал»[298]. Само сочинение состоит из трех частей. В первой описаны походы Чингис-хана и судьба

---

[293] Там же. С. XXIII.

[294] История Ирана. С. 167.

[295] *Джувейни*. С. XXIX.

[296] Там же. С. XXXI.

[297] Там же. С. XXXII.

[298] Там же. С. 101.

Монгольской империи вплоть до смерти Гуюка[299], и именно эта часть представляет для нашей работы наибольший интерес; вторая часть излагает историю Хорезма и монгольского владычества в Иране до 1258 г.[300]; третья часть рассказывает о походах Хулагу в Иран и государстве исмаилитов в Аламуте[301]. «История» производит впечатление недописанного текста, в котором множество пропусков, лакуны на месте дат, имеются отсылки к несуществующим главам[302]. Однако это не мешает «Тарих-и джахан гушай» быть важным источником, высокую оценку которому давали многие исследователи — В.В. Бартольд[303], С. Рансимэн[304], Д.Э. Бойль[305]. А коллектив авторов «Истории Ирана» отмечал, что Джувейни, при всей своей промонгольской направленности, сумел не обойти молчанием темные стороны монгольского владычества[306].

В.В. Бартольд писал: «Огромное преимущество Джувейни перед Рашид ад-Дином заключается в том, что он жил ещё в эпоху единства монгольской империи и лично посетил Туркестан, Уйгурию и Монголию… Рашид ад-Дин обращал внимание преимущественно на историю монгольского государства в Персии и отчасти на союзный с ним Китай; что касается чагатайского государства, то он не только сам имел крайне смутное понятие о происходивших там событиях, но и не пользовался даже рассказом Джувейни о первых преемниках Чагатая»[307]. Джим Эндрю Бойль считал необходимым отстаивать значение труда Джувейни, поскольку «на Западе, по крайней мере, он остается в тени писавшего позднее Рашид ад-Дина»[308]. Работая позже В.В. Бартольда, он, тем не менее, часто

[299] Там же. С. 3–190.

[300] Там же. С. 191–394.

[301] Там же. С. 395–527.

[302] Там же. С. XXXIII.

[303] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 87.

[304] Там же. С. V.

[305] *Джувейни*. С. XVII.

[306] История Ирана. С. 167.

[307] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 87.

[308] *Джувейни*. С. XVI.

подчеркивал правоту русского востоковеда относительно недооцененности произведения Джувейни [309] и прикладывал массу усилий к тому, чтобы эта несправедливость была исправлена. Именно ему современные монголоведы обязаны единственным научным переводом «Тарих-и джахан гушай» на европейский язык — в 1958 г. Д. Бойль закончил перевод сочинения Джувейни на английский[310].

Еще одним очевидцем монгольских походов, оставившим для потомков литературное наследие, является Минхадж ад-Дин Джузджани, написавший «Табакат-и Насири» («Насировы разряды») [311] . К сожалению, единственный перевод с персидского был подготовлен ещё в конце XIX в. и к нашему времени успел стать библиографической редкостью. Более того, он охватывает не весь источник, ограничиваясь VII–XXIII «разрядами» (разделами)[312]. Тогда же, в 1863–1864 гг. текст этого сочинения был первый и последний раз опубликован[313]. С тех пор за его распространение в научных кругах никто не брался.

Минхадж ад-Дин Джузджани родился в 1193 г. [314] Его отец был видным сановником при дворе султанов Гуридов[315], а мать — молочной сестрой дочери султана Гияс ад-Дина[316]. Однако в эти годы могущество Гуридов сходило на нет, а большинство их владений перешли в руки *хорезм-шахов*. Биографических данных о Джузджани сохранилось крайне мало. Известно, что в 1220 г. Джузджани жил в

---

[309] Там же.

[310] См. The History of the World-Conqueror by Juvaini. Manchester, 1997.

[311] См. Tabakât-i-Nâsirï: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A. H. 194 [810 A.D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. By the Maulâna, Minhâj-ud-Dïn, Abu-‘Umar-i-‘Usman / Transl. from Original Persian Manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I–II. London, 1881; Index, Calcutta, 1897. Далее — *Juzjani.*

[312] История Ирана. С. 166.

[313] The Tabaqât-i Nâsiri of Aboo ‘Omar Minhâj al-din ‘Othmân, ibn Sirâj al-din al-Jawzjani / Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and ’Abd al-Hai. Calcutta, 1864.

[314] История Ирана. С. 166.

[315] Гуриды — династия, правившая в XII–XIII вв. на территории современного Афганистана.

[316] *Juzjani*. Vol. 1. C. XXI–XXII.

городе Тулак, оказавшемся на пути первых монгольских отрядов, и на протяжении четырех лет помогал защищать крепость[317]. Затем он перебрался в Индию и в 1228 г. достиг Дели, а в 1241 г. стал там главным *кадием*[318]. В дальнейшем Джузджани занимал различные государственные посты, пользовался расположением делийского султана Насир ад-Дина (1246–1266), которому и посвятил свой исторический труд. Дата его смерти неизвестна, однако наступила она после 1260 г.[319]

Своё сочинение Джузджани закончил к 1260 г. Там он кратко изложил историю нескольких мусульманских династий, правивших в Средней Азии и Индии — Саманидов, Сельджукидов, *хорезм-шахов*, Гуридов. Начав повествование с Адама и первых пророков, он закончил рассказом о воцарении Хулагу[320]. Интерес для нашей темы представляет последний, двадцать третий раздел его труда, который посвящен вторжению войск Чингис-хана в Хорасан, деятельности последнего *хорезм-шаха* Джелал ад-Дина, рассказу о некоторых ближайших потомках Чингиса — Джочи, Угэдэе, Чагатае, Гуюке, Бату, Мункэ и Хулагу[321]. Поскольку Джузджани жил и работал, находясь за границами монгольской империи, в Делийском султанате[322], его нимало не волновало отношение к его труду самих монголов. Этим обусловлено то, как открыто, временами с агрессивной враждебностью Джузджани говорит о монголах все, что думает. С другой стороны, он уделил немало внимания тем чертам монгольского характера, которые вызывали у него искреннее уважение — честность, правдивость, высокая нравственная мораль[323].

---

[317] Ibid. C. XXIV.

[318] Ibid. C. XXVI.

[319] Ibid. C. XXVIII.

[320] Ibid. C. XXXV–XLIII.

[321] Ibid. C. 935–1287.

[322] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 86.

[323] *Джувейни*. С. XIX.

1.4 Арабские источники

Немаловажная информация по азиатским походам Чингис-хана имеется в арабоязычном сочинении Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави «Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны»)[324]. Автор начал работу над своим произведением в 1241 г., таким образом, «Сират ас-Султан» является одним из самых ранних азиатских источников, касающихся нашей темы. В конце XIX в. «Сират ас-Султан» было впервые переведено на французский язык и стало доступно широкому кругу исследователей[325]. Его научное значение высоко оценивали отечественные и зарубежные ученые, поскольку основную массу информации ан-Насави получал от участников и очевидцев описываемых событий[326]. Более того, особую ценность сочинению придает искренность автора, с которой он излагает свой взгляд на происходящее. Высоко оценивая деятельность Джелал ад-Дина, ан-Насави не мог рассчитывать на получение каких бы то ни было преференций, поскольку Джелал ад-Дин к моменту завершения работы был уже мертв. А значит, хвала, воздаваемая автором последнему *хорезм-шаху*, шла от чистого сердца[327].

До наших дней дошло только два списка «Жизнеописания» (один хранится в Парижской библиотеке, другой в Британском музее), однако есть данные, что оно пользовалось популярностью у средневековых историков[328]. Ещё один любопытный список появился в первой половине XIX в. благодаря усилиям профессора арабского языка Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел шейха Мухаммада Аййад Тантави, который переписал памятник для библиотеки отделения, чтобы оставить о себе

---

[324] *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») / Крит. текст, пер., пред., ком., прим. и ук. З.М. Буниятова. [ППВ 107]. М., 1996. Далее — *Ан-Насави.*

[325] *Ан-Насави*. С. 18.

[326] Там же. С. 20.

[327] История Ирана. С. 166.

[328] *Ан-Насави.* С. 20.

добрую память. В качестве первоисточника Тантави использовал единственную известную на тот момент рукопись «Жизнеописания» из Парижской Национальной библиотеки[329]. Особую ценность списку Тантави придавало то, что подготовлен он был высоко образованным арабом, блестящим знатоком родного языка[330].

Шихаб ад-Дин ан-Насави родился в области Хорасан в семье потомственных чиновников, которой принадлежал ряд селений и крепостей, в том числе, замок Харендера[331] (Хорендиз[332]). В 1219–1220 гг., когда монголы впервые вторглись в регион, за стенами крепости ан-Насави нашли спасение многие жители разоренных земель, в том числе, и знатного происхождения. В 1221 г. монголы осадили крепость, но взять ее не смогли, и ан-Насави смог откупиться от них 10 тыс. локтей сукна. В 1224 г. он поступил на службу к Джелал ад-Дину и оставался его личным секретарем вплоть до гибели султана в 1231 г.[333]. Одновременно ан-Насави исполнял обязанности интенданта округа Нессы[334], так что мы видим, что карьера на государственной службе развивалась для него успешно — вплоть до смерти Джелал ад-Дина. Впоследствии, в годы междоусобных столкновений ан-Насави служил разным правителям, кроме того, несколько раз ездил с посольством к монголам[335]. В 1250 г. он скончался.

Следующий наш источник — «Ал-Камил фи-т-та’рих» («Полный свод истории») арабского историка и богослова[336] Абу-л-Хасана ‘Али ибн Мухаммада аш-Шайбани, известного как ‘Изз-ад-дин Ибн ал-Асир ал-Джазари (1160–1233). Родился Ибн ал-Асир в окрестностях Мосула. Его отец был высокопоставленным

---

[329] Там же. С. 21.

[330] Там же. С. 22.

[331] *Д'Оссон К.* История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. / Пер. и пред. Н. Козьмина. Т. 1. Иркутск, 1937. С. 6.

[332] История Ирана. С. 165.

[333] *Ан-Насави*. С. 27.

[334] *Д'Оссон К.* История монголов. С. 6.

[335] Там же. С. 28.

[336] История Ирана. С. 122.

сановником Зангидского правительства Мосула [337] , наместником, богатым землевладельцем[338]. Сам историк в возрасте двадцати восьми лет принимал участие в сражениях под руководством султана Салах ад-Дина против крестоносцев в Сирии и Иерусалиме[339]. Позднее он, как и его отец, оказался приближен ко двору *атабека* Мосула и некоторое время занимал при нем должность визиря[340].

Однако наибольшую известность Ибн ал-Асиру принесла не его военная или политическая деятельность, а фундаментальный исторический труд, состоящий из восьми томов и являющийся всеобщей исторической хроникой, которая охватывает историю Арабского халифата и всех стран ислама, начиная от так называемого «сотворения мира» до 1231 г., и «представляет собой высшую ступень мусульманской летописной историографии»[341]. По свидетельству самого Ибн ал-Асира, основную часть своего сочинения он написал в родном селении Каср Харб, где имел богатую библиотеку[342]. Описывая нашествие монголов, автор активно использовал рассказы очевидцев[343] и всевозможные доходившие до него слухи[344], что добавляет его сочинению ценности, поскольку читатели получают доступ к сведениям из первых, в крайнем случае, из вторых рук. Тот факт, что Ибн ал-Асир был современником монгольских походов, делает «Свод истории» своего рода уникальным историческим источником.

---

[337] Зангиды — династия *атабеков*, имевшая владения в Сирии и Месопотамии в рамках государства Сельджукидов. Зангиды правили в Мосуле в 1127–1222 гг. (См. в: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Всемирная история. Т. 2. М., 2012. С. 354.)

[338] *Ибн ал-Асир* Ал-Камил фи-т-та’рих (Полный свод истории). Избранные отрывки / Пер., прим., ком. П.Г. Булгакова; введ. Ш.С. Камолиддина. Ташкент–Цюрих, 2005. С. 8. Далее — *Ибн ал-Асир.*

[339]Там же. С. 9. См. Также в: *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litterature. Erster Supplementband. Leiden, 1937. S. 587–588.

[340] *Ибн ал-Асир*. С. 10.

[341] Там же. С. 14.

[342] Там же.

[343] Там же. С. 18.

[344] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 1.

Есть мнение, что «Свод истории» был начат до 1198 г. и первоначально носил название «Ал-Мустакса фи-т-та’рих» («Книга, исследующая историю»)[345].

На русский язык источник впервые был частично переведен В.Г. Тизенгаузеном в его давно ставшей классической работе «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» в конце XIX в. За основу исследователь принял полное критическое издание памятника, выполненное в 1851–1876 гг. выдающимся шведским востоковедом Карлом Торнбергом [346]. Существует еще одно издание текста, вышедшее в 1873 г. в Булаке (в Египте)[347]. В дальнейшем отечественные и зарубежные ученые неоднократно обращались к сочинению Ибн ал-Асира, переводя отдельные фрагменты текста, посвященные интересующим их сюжетам[348]. Использовавшийся в настоящей работе перевод был подготовлен узбекскими историками П.Г. Булгаковым и Ш.С. Камолиддином в 2005 г. по изданиям 1851–1876 гг. и 1883–1885 гг.

1.5 Европейские источники

Ведя разговор о монгольских завоеваниях XIII в., нельзя обойти вниманием и другую часть света, гораздо в меньшей степени подвергшуюся монгольским завоеваниями, но ожидавшую этих врагов и готовившуюся к встрече. Нельзя игнорировать сочинения европейцев. И хотя среди них не найдется ничего, сопоставимого по масштабу с трудами Рашид ад-Дина или «Сокровенным сказанием», свою нишу европейские источники занимают вполне достойно. Речь пойдет о путевых заметках тех, кто ездил к монгольскому двору и заодно осуществлял разведывательную деятельность, собирая информацию о потенциальном противнике.

---

[345] *Ибн ал-Асир*. С. 14.

[346] *Ibn el-Athiri* Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. by C.J. Tornberg. Vol. I–XIV. Upsaliae et Lugduni, Batavorum, 1851–1876.

[347] История Ирана. С. 122.

[348] Подробнее см. в: *Ибн ал-Асир*. С. 4–6.

Условно использованные нами сочинения можно разделить на две группы: записки членов францисканской миссии, отправленной к монголам в 1245 г., и записки путешественников, не входивших в эту миссию. К первой группе относятся «История Монгалов» Джованни де Плано Карпини и «История Татар» Ц. де Бридиа. Ко второй — «Книга о разнообразии мира» Марко Поло и «Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука.

Дж. Плано Карпини происходил из знатной итальянской семьи. Будучи в числе основателей францисканского ордена, занимал видные посты в церковной иерархии [349]. Именно ему папа Иннокентий IV (избран в 1243 г.) поручил возглавить миссию, направленную к великому хану с официальной целью обращения его в христианство (неофициальной задачей миссии было выяснение военного потенциала монголов и оценка вероятности их нового вторжения в Европу)[350]. Маршрут ее пролегал через владения хана Бату, Хорезм, Семиречье, в Центральную Монголию. Путешествие длилось более двух лет.

Хотя известно, что сочинение Дж. Плано Карпини пользовалось большой популярностью и многократно переписывалось, до нашего времени сохранилось только пять рукописей XIII в. — одна хранится в Лейдене, одна в Кембридже, одна в Британском музее, две в Национальной библиотеке в Париже [351]. Интересом читающей публики был обусловлен и тот факт, что латинский текст многократно переводился (первый перевод на английский язык датируется 1598 г., на французский — 1634 г., на русский — в 1795 г.)[352] В дальнейшем продолжали выходить переводы, имевшие бóльшую или меньшую научную ценность [353].

---

[349] Подробнее о Плано Карпини см. в: *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans. Stanford, 1971. P. 89–90.

[350] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А.И. Малеина, ред., вступ. статья, прим. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 4–8.

[351] Там же. С. 9.

[352] Там же. С. 10–11.

[353] См., например, в: *D'Avezac* Relation des Mongol sou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin // Recueil de Voyage set de Mémoires publié par la Société de Géographie. Vol. IV. Livr. 2. Paris, 1839; *Beazley C.R.* The

Издание 1957 г.[354], которое используется в данной работе, представляет собой переиздание перевода А.И. Малеина, подготовленного в 1911 г.

Записки Дж. Плано Карпини содержат много интересных фактов о различных сферах жизни монгольского общества того времени: о внешнем облике[355], о нравах и обычаях[356], о морали и религиозных настроениях[357], о военном деле[358], о желательных мерах противостояния монгольской угрозе в случае ее возникновения[359]. Последний раздел несколько сближает их с «Хэйда шилюэ» Пэн Дая и Сюй Тина, которые делились своими соображениями о противостоянии монгольской угрозе; при этом главной идеей было не поддаваться панике.

Другим памятником 1245 г. является «История Татар» Ц. де Бридиа[360]. «История Татар» представляет собой изложение рассказа товарища Дж. Плано Карпини в его путешествии, францисканца Бенедикта Поляка, который вместе с ним добрался до Каракорума и в составе миссии исполнял роль переводчика[361]. Кое-что из впечатлений Бенедикта попало в отчет, составленный Симоном де Сен-Контином[362] о доминиканской[363] миссии, посланной в Каракорум в 1245 г. через

---

texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London, 1903; *van den Wyngaert A.* Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV // Sinica Franciscana. Vol. I. Jirenze, 1929; *Risch Fr.* Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247. Leipzig, 1930.

[354] *Плано Карпини*. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 23–86. Далее — *Плано Карпини.*

[355] *Плано Карпини*. С. 26–28.

[356] Там же. С. 33–37.

[357] Там же. С. 26–33.

[358] Там же. С. 37–54.

[359] Там же. С. 54–59.

[360] Полный перевод текста см. в: *Де Бридиа //* Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002. С. 99–126.

[361] *Плано Карпини*. С. 24.

[362] См. *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. (Documents relatifs a Thistorie des croisades publiés par l'Accadèmie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII).

[363] Орден доминиканцев возник в 1216 г.

Сирию, Ирак и Иранское нагорье, но дошедшей только до Хорезма[364]. Более полным текстом мы обязаны неизвестному монаху, снявшему копию с донесения Бенедикта во время пребывания последнего в Польше и Богемии. Автор копии подписался только инициалом «С», откуда и пошла традиция называть его *Ц.* де Бридиа. Эта копия сохранилась в списке XV в., судьба оригинального донесения Бенедикта неизвестна[365]. Единственная уцелевшая рукопись была обнаружена в Йельском университете в 1958 г.[366]

Оценивая имеющийся текст, есть все основания признать, что Бенедикт обладал полным набором сведений о монголах, из которых Дж. Плано Карпини многое почерпнул для своих описаний. Кроме того, в этом сочинении имеется фрагмент, почти не упомянутый в работе Дж. Плано Карпини. Речь идет о собственно истории возвышения монголов, изложенной в весьма прихотливой манере, с обилием фантастических подробностей и деталей, которые у Дж. Плано Карпини отражены куда менее выразительно. Например, упоминается земля на самом краю мира, где солнце, сталкиваясь с небесной твердью, производит ужасающий гром, способный убить человека[367], а так же народ, в котором женщины имеют облик женщин, а мужчины — облик псов[368], народ, питающийся паром[369], народ с одной рукой и одной ногой[370]. В то же время упоминаются военные неудачи Чингис-хана, которые выглядят не слишком правдоподобно[371]. По мнению И. де Рахевильца, посвятившего папским посольствам к великим ханам специальное исследование, в этом тексте нашли отражение полученные из двух источников сведения: описания завоеваний, приключений и походного образа

[364] *Марко Поло.* Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано / Пер. И.П. Минаева, вступ. статья И.П. Магидовича. Алма-Аты, 1990. С. 12. Далее — *Марко Поло.*

[365] Христианский мир и Великая Монгольская империя. С. 5.

[366] *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans. P. 91.

[367] *Де Бридиа*. 105.

[368] Там же. С. 107.

[369] Там же. С. 109.

[370] Там же. С. 110.

[371] Там же. С. 104–108,

жизни Чингис-хана были записаны со слов монголов, для которых это было частью устных преданий, передававшихся вечерами у костра, а рассказы, рисующие Чингиса и его соратников с неприглядной стороны, были переняты у русских, через земли которых проходили посланцы, и которые имели все основания ненавидеть монголов[372].

Фламандец Гильом Рубрук[373], монах, участник шестого крестового похода[374], хорошо образованный человек, был поставлен во главе миссии, отправленной к монголам в 1253–1255 гг. французским королем Людовиком IX[375]. Целью этого путешествия Н.П. Шастина называет поиск «возможности союза с Великим ханом в борьбе против ислама, союза крестоносцев с монголами в затянувшихся войнах на территории Малой Азии»[376].

Путь Г. Рубрука пролегал из Аккона (город в Палестине) через Константинополь, Крым, Перекоп, южнорусские степи, через ставку Бату на Волге, и дальше — в Монголию, в Каракорум[377]. Г. Рубрук — единственный европеец, составивший подробное описание блистательной монгольской столицы по личным впечатлениям.

Рукописи, современные путешествию Г. Рубрука, до нас не дошли. Первая публикация сочинения датируется 1600 г., почти через сто лет был издан французский перевод[378]. На русском языке текст вышел в 1911 г. С этого текста выполнено используемое нами издание 1957 г.

---

[372] *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans. P. 107.

[373] Подробнее о Гильоме Рубруке см. в: *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans. P. 125–126.

[374] Шестой крестовый поход состоялся в 1248 г.

[375] Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. С. 14.

[376] Там же.

[377] Там же. С. 16.

[378] Там же. С. 17.

Сочинение Г. Рубрука представляет собой четко структурированный рассказ, затрагивающий самые разные темы[379]. Здесь есть описание монгольских жилищ[380], традиционных напитков и пищи[381], костюмов[382]. Г. Рубрук обращает внимание на положение женщины в монгольском обществе[383], на монгольскую систему судопроизводства[384], рассказывает об интересных встречах с оказавшимися в монгольском государстве чужеземцами[385]. Труд Г. Рубрука считается одним из самых важных источников по истории Востока, поскольку автор собрал ценный материал не только по истории монголов, но и по истории географических знаний, расширил европейский кругозор, подробно описал все посещаемые им страны[386]. Сведениями из сочинения Г. Рубрука пользовался для своего описания Центральной Азии Роджер Бэкон[387].

«Книга о разнообразии мира» Марко Поло («Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impériale de Khoubilaï-Khaân»[388]) — источник последний в списке, но отнюдь не последний по значению. Сочинение венецианского купца, много лет находившегося на службе у хана Хубилая, хотя и вызывало в свое время сомнения в правдивости из-за невероятности сообщаемых сведений, но всегда пользовалось огромной популярностью. Известно, что им

---

[379] *Рубрук Г. де* Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. С. 87–194. Далее — *Рубрук.*

[380] Там же. С. 91.

[381] Там же. С. 95.

[382] Там же. С. 99.

[383] Там же. С. 100.

[384] Там же. С. 102.

[385] Там же. С. 158, 163.

[386] Там же.

[387] См. *Bacon R.* Opus Majus / Ed. by J.H. Bridges. Vol. 1. Oxford, 1900. P. 305, 364–374 (Pars quarta Geographia).

[388] Оригинальный текст — Le livre de Marco Polo, citoyen deVenise, conseiller privé et commissaire impéria le de Khoubilaï-Khaân, par Rusticien de Pise // Par M.G. Pauthier. Paris, 1865. Цитаты на языке оригинала приводятся по этому изданию. Далее — Le livre.

зачитывался Х. Колумб (был обнаружен латинский печатный текст «Книги» с пометками Колумба на полях)[389].

Впервые рассказ Марко Поло был записан в 1298 г. Уже в то время он вызвал живейший интерес, что привело к многократному переписыванию сочинения. До нас дошло свыше восьмидесяти списков[390]. Из-за различий между венецианским и тосканским диалектами итальянского языка книга была составлена на старофранцузском языке[391]. Текст был впервые издан в 1824 г. Парижским географическим обществом[392], после чего не единожды переиздавался и переводился на многие языки.

История его создания и текстологический анализ часто становились предметом научных исследований[393]. Первый русский перевод вышел в 1863 г. и не обладал научной ценностью, будучи выполнен с немецкого перевода без соответствующей критической составляющей[394]. Интерес к «Книге Марко Поло» проявлял выдающийся отечественный синолог о. Палладий (Кафаров), написавший специальную статью, в которой прокомментировал некоторые упоминаемые Марко Поло географические названия и факты с опорой на китайские источники.

---

[389] *Марко Поло*. С. 27.

[390] Там же. С. 30.

[391] Там же. С. 29.

[392] Там же.

[393] См., например: *Palladius.* Elucidations of Marco Polo's Travels in North-China, drawn from Chinese sources // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. № 10. Cambridge, 1876. P. 1–54; *Кафаров П.И.* Комментарий на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. СПб., 1902; *Brunello F.* Marco Polo e le merci dell'oriente. Vicenza, 1986; *Franke H.* China under Mongolian Rule. Aldershot, 1994. P. 53–54; *Voiret J.-P.* China, "objektiv" gesehen: Marco Polo als Berichterstatter // AS. 1997. Vol. 51. P. 805–821; *Jackson P.* The Authenticity of Marco Polo's Travels / The Mongols and the West. Edinburgh, 2005. P. 363–366; *Jacoby D.* Marco Polo, His Close Relatives, and His Travel Account: Some New Insights // Mediterranean Historical Review. Vol. 21. No. 2. December 2006. P. 193–218.

[394] См. *Шемякин А.Н.* Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августа Бюрка, с дополнениями и поправками К.Ф. Нейманна. Пер. с нем. М., 1863.

Первоначально указанная статья была опубликована на английском языке [395], однако впоследствии в архиве о. Палладия был обнаружен и русскоязычный текст, изданный затем Н.И. Веселовским в 1902 г. [396] В том же году увидел свет первый по-настоящему научный перевод «Книги» на русский язык, выполненный Иваном Павловичем Минаевым и подготовленный к печати после его смерти Василием Владимировичем Бартольдом [397]. Используемое в настоящей работе издание полностью воспроизводит этот перевод [398], дополненный комментариями И. Магидовича.

Биографических данных о Марко Поло немного. Его отец, Николай Поло, вместе со своим братом Матвеем по торговым делам прибыли из Константинополя в Солдадию (Судак), откуда отправились к хану Берке[399]. Из-за усобицы между Берке и его двоюродным братом Хулагу обратная дорога представлялась небезопасной, так что братья решили продолжать путь на восток[400]. Они добрались до владений хана Хубилая, который милостиво их принял и через какое-то время отправил в качестве своих послов к папе римскому[401]. Дождавшись избрания папы Григория X, братья, взяв с собой Марко, в сопровождении двух монахов-проповедников двинулись в обратный путь к великому хану, но монахи испугались трудного пути и вернулись. Венецианцы же благополучно добрались до Ханбалыка и на долгие годы остались при дворе Хубилая. «Прожил Марко с великим ханом семнадцать лет (в примечаниях И.П. Минаева сказано, что в других рукописях стоит цифра «двадцать семь»)[402] и все это время хаживал в посольствах»[403]. В

[395] Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1875.

[396] *Кафаров П.И.* Комментарий на путешествие Марко Поло по Северному Китаю.

[397] *Марко Поло.* С. 32.

[398] Там же. С. 33.

[399] Берке — сын Джочи, правитель Золотой Орды после смерти Бату и его сына Сартака.

[400] *Марко Поло*. С. 39.

[401] Там же. С. 41.

[402] Там же. С. 226.

[403] Там же. С. 45.

1295 г. все трое благополучно вернулись через Трапезунд и Константинополь в Венецию[404].

Помимо биографических сведений, сообщенных Марко Поло в своей «Книге», известно, что в 1298 г. Марко находился в тюрьме, в генуэзском плену, и как раз в это время надиктовал свое сочинение другому заключенному, пизанцу Рустичано (причины заключения до конца не выяснены). В 1299 г. он возвратился на родину, где и умер в 1324 г. состоятельным уважаемым гражданином[405].

Современный отечественный историк А.Г. Юрченко высказал любопытное предположение, что Марко Поло вовсе не был купцом, а, как и его отец, состоял при Хубилае разведчиком и особым агентом[406], а вся «Книга» — не что иное, как отчеты о поездках, совершаемых по специальному заданию великого хана, своего рода каталог областей мира, часть из которых уже покорена монголами, а другая часть еще только рассматривается в качестве объекта завоевания. Таким образом, все странствия Поло по азиатскому региону рассматриваются как работа, подготовленная и профинансированная монгольским правительством с далеко идущими экспансионистскими планами[407]. Судить об истинности подобных теорий мы не беремся, поскольку это выходит за рамки настоящего исследования, однако концепция не лишена аргументированности.

Говоря об этом сочинении, невозможно обойти вниманием большую дискуссию, которая до сих пор продолжается в научных кругах. Ее темой является первичность изложенного в «Книге» материала. Существует теория с немалым количеством приверженцев, согласно которой Марко Поло никогда не бывал в Китае и составил свое сочинение полностью на основании сведений других

---

[404] Там же. С. 47.

[405] Там же. С. 30.

[406] *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007. С. 7–19.

[407] Там же. С. 66.

купцов[408]. Среди аргументов в защиту этой теории называют отсутствие в «Книге» упоминаний таких сугубо китайских вещах как иероглифы и чай, Великая китайская стена, а также молчание «Юань ши» о самом факте приезда семейства Поло к хану Хубилаю[409]. Однако нам, как и большинству современных историков, эта теория представляется ошибочной. «Юань ши» составлялась спустя много лет после визита Марко Поло ко двору, страна пережила кровопролитное народное восстание, свергнувшее монгольскую династию, а подобные события также не способствуют сохранности исторических документов. Наконец, В.В. Бартольд писал в комментариях к «Книге», что в «Юань ши» упоминается некий советник Хубилая, иностранец, названный автором текста *Поло*, который участвовал в расследовании убийства Ахмеда[410]. Совпадение слишком заметное.

Кроме того, следует помнить, что Марко Поло общался, в первую очередь, с представителями монгольской верхушки, для которой китайская культура в конце XIII в. еще не стала неотъемлемой составляющей повседневной жизни, так что чай вполне мог остаться за рамками привычной Поло среды, как и иероглифы — из правящей верхушки в то время очень немногие владели китайским языком в достаточной степени, чтобы пользоваться иероглификой, а делопроизводство в стране велось на нескольких языках. Так что Марко Поло совершенно необязательно было сталкиваться с иероглифами, обращать на них внимание, и уж тем более, особо отмечая в своем сочинении.

---

[408] Более подробно об этой теории см. в: *Heager J.W.* Marco Polo in China? Problems with internal evidence // Bulletin of Sung–Yuan Studies 14 (1978). P. 22–30; *Waldron A.* The problem of the Great Wall of China // HJAS. 1983. Vol. 42. P. 643–663; *Wood F.* Did Marco Polo go to China? London, 1995; *Morgan D.O.* Marco Polo in China — or not // JRAS. 3rd series. 1996. Vol. 6. P. 221–225; *Rachewiltz I. de* Marco Polo went to China // ZS. 1997. Vol. 27. P. 34–92; *Vioret J.-P.* China, “objektiv” gesehen: Marco Polo als Berichterstatter // AS. 1997. Vol. 51. S. 805–821; *Tucci U.* Marco Polo andò veramente in China? // SV, n.s. 1997. Vol. 33. P. 49–59; *Jensen J.* The world's most diligent observer // AS. 1997. Vol. 51. P. 719–727; *Haw S.G.* Marco Polo’s China: a Venetian in the Realm of Khubilai Khan. Abingdon, 2006; *Vogel H.U.* Marco Polo was in China. New evidence from currencies, salts and revenues. Leiden, 2013.

[409] *Franke H.* China under Mongolian Rule. P. 53–54.

[410] *Марко Поло.* С. 264–265. Прим. 1.

Что же до стены — в XIII–XIV вв. она пребывала не в лучшем состоянии, так что Марко Поло мог просто не обратить на нее внимание во время своих поездок. И еще один интересный аргумент в защиту правдивости «Книги» приводит Р.П. Храпачевский: «на «Книгу Марко Поло» мало повлияла книжная традиция средневековых хронистов и авторов историко-географических сочинений … Марко Поло везде говорит (а за ним правильно записывает Рустичано) «татары», а не «тартары», как было принято во всех современных Поло европейских источниках»[411]. Если бы Марко Поло пересказывал рассказы других, он неизбежно перешел бы на общепринятое в то время название монголов. Этого не произошло, значит, информация для «Книги» была почерпнута автором из собственных источников.

[411] *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004. С. 428.

Глава 2. Обзор литературы

Внимание к монголо-китайской тематике в отечественной науке проявилось ещё в начале XIX в. У истоков отечественной синологии и монголоведения стоял выдающийся ученый Никита Яковлевич Бичурин. Его первая работа — «Записки о Монголии» [412], увидевшая свет в 1828 г., уже почти двести лет пользуется авторитетом в исследовательских кругах. Это «настоящая, даже в современном понимании, научная монография. Проблемы, которые ставил в своих работах Н.Я. Бичурин — происхождение монголов и других народов Центральной Азии, происхождение названия "татары", — обсуждаются до наших дней, и голос Н.Я. Бичурина по-прежнему слышен в этих дискуссиях. Первая же книга Н.Я. Бичурина поставила его в ряды крупнейших синологов мира» [413]. Высоко оценила труд Н.Я. Бичурина Российская Императорская Академия наук. В год выхода в свет «Записок о Монголии», 17 декабря 1828 г. автор этого труда был избран её членом-корреспондентом [414]. Через год была опубликована вторая интереснейшая работа — «История первых четырех ханов из дома Чингисова»[415]. Это сочинение представляет собой переводы из двух китайских источников,

---

[412] *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. СПб., 1828. В настоящей работе мы пользовались следующим переизданием данной работы: Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Самара, 2010.

[413] *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 6. Несколько ранее «Записок о Монголии» в 1828 г. был опубликован перевод Н.Я. Бичурина с китайского «Описания Тибета». Труд был снабжен подробными комментариями, но не носил столь ярко выраженного исследовательского характера, как первое самостоятельное сочинение Н.Я. Бичурина.

[414] «Класс академических корреспондентов» был установлен в российской Академии наук еще в январе 1759 году. Это почетное звание присуждалось ученым и путешественникам, особенно способствовавшим пополнению коллекций Академии наук. Подробнее см.: *Мясников В.С.* Избрание Н.Я. Бичурина в Академию наук // Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. М., 2006. С. 120–128.

[415] *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. В настоящей работе мы пользовались следующим изданием данной работы: *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2008.

«Юань ши» («История династии Юань») и «Тунцзянь ганму»[416] 通鉴纲目 («Главные устои всеобщего зерцала»). Выбраны были сведения, касающиеся правления Чингиса, Угэдэя, Гуюка и Мункэ. Изложение ведется в хронологическим порядке, при этом выдержки из «Тунцзянь ганму» служат для уточнения датировки событий, излагаемых по «Юань ши»[417]. Часто приводятся пояснения, в основном содержащие уточнения лексического характера (например, нюансы значения глаголов «казнить» и «убить» применительно к цзиньскому полководцу-предателю[418], «убить» и «усмирить» применительно к перебежчику[419], «умер», а не «скончался» в отношении Чингиса для подчеркивания его враждебности Китаю[420]). Немалую ценность для нашей работы имеет также заметка «Кто таковы были татары XIII века»[421].

Особый интерес представляет исследование генерал-лейтенанта Генерального штаба, члена Военно-ученого комитета Главного штаба Михаила Игнатьевича Иванина «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар при Чингис-хане и Тамерлане»[422]. Примечательно, что это небольшое исследование было написано человеком, с одной стороны, военным, а с другой — человеков, не понаслышке знакомым с бытом и природными условиями степи. М.И. Иванин участвовал в походе на Хиву в 1839 г., в 1853 г. был назначен главой Киргизской орды, которой управлял в высшей степени разумно и с пользой для населения[423]. Помимо

---

[416] Компилятивное историческое сочинение, датируемое XII в. Автор — конфуцианец энциклопедист Чжу Си. Подробнее см. в: Духовная культура Китая. Т. 4. С. 779–780.

[417] *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. С. 5–6.

[418] Там же. С. 49.

[419] Там же. С. 72.

[420] Там же. С. 85.

[421] *Бичурин Н.Я.* Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII века // Московский вестник. 1828. № 14. С. 197–202. В настоящей работе мы пользовались следующим изданием данного сочинения: Бичурин Н.Я. Кто таковы были татары XIII века // Записки о Монголии. Самара, 2010. С. 171–175.

[422] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар при Чингис-хане и Тамерлане / Под ред. генерал-лейтенанта князя Н.С. Голицына. СПб., 1875.

[423] Там же. С. III.

упомянутого сочинения, он оставил «Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 годах», которое написал по своим собственным впечатлениям и рассказам сослуживцев, а также «О внутренней Букеевской орде». «Военно-литературная его деятельность была столь же разнообразна и замечательна, сколь и военно-служебная»[424]. Именно благодаря военным занятиям автора его сочинение является уникальным в своём роде. М.И. Иванин рассмотрел военное устройство китайских армий времен до прихода монголов, изучил китайские военные хитрости и технологии, и в то же время уделил внимание традиционной организации кочевнической армии. Подробное описание особенностей военного дела кочевников, акцент на уникальность войск Чингис-хана, которые состояли только из конницы, что было не характерно для регулярных армий того, да и последующего, времени, делает эту работу очень ценным исследованием, подобного которому не появилось в отечественной историографии и по сей день. Заметим, что во времена М.И. Иванина была принята отличная от современной транскрипция монгольских и китайских имен, поэтому надо иметь в виду некоторые разночтения: Угэдэй именуется Октаем, Чагатай — Джагатаем, Субэдэя называет Субутаем, Елюй Чуцая — Елю-Чусаем, Мухали — Мохоли. Впрочем, это непривычное для слуха сегодняшнего читателя звучание нисколько не умаляет достоинств книги.

Автор отмечает огромную роль личности Чингис-хана в процессе создания его армии и империи и называет его «гениальным кочевником»[425], «необыкновенным гением»[426]. Его можно отнести к тому разряду исследователей, которые видят причину создания монгольской империи, в первую очередь, в одаренности её основателя. На сходных позициях будут стоять В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов.

В начале XX в. появилась небольшая по объему, но очень содержательная книга Конкордия Андреевича Стратонитского «Монгольское управление

[424] Там же. С. V.

[425] Там же. С. 18.

[426] Там же. С. 19.

покоренными Китаем и Арменией»[427]. Для отечественного востоковедения она прошла почти незамеченной, однако, с нашей точки зрения, это невнимание незаслуженно. Автор выдвинул свою гипотезу, согласно которой на ранних этапах завоевания монголы, еще не ассимилированные высококультурными подданными из стран с древней земледельческой цивилизацией, одинаково обходились со всеми побежденными, вне зависимости от степени их цивилизованности. Таким образом, чтобы лучше понять, например, отношения между монголами и Русью, следует разобраться в отношениях между монголами и Китаем или Арменией, поскольку эти отношения гораздо лучше отражены в источниках[428]. Он склонен видеть определяющую роль Китая в формировании империи Чингис-хана, подчеркивая значение Елюй Чуцая как советника по государственному устройству[429]. Объектами исследования стали учрежденные в Китае административные институты[430], налоги[431], перепись населения[432]. При этом надо признать, что по отношению к Чингису автор придерживается тона весьма благожелательного, превознося его организаторские таланты, введенную им строгую дисциплину и не признавая безоговорочно рассказы о монгольской жестокости по отношению к захваченному населению[433].

Связующим звеном между русским дореволюционным и советским востоковедением обоснованно считается творческое наследие академика Василия Владимировича Бартольда[434]. По словам П.Е. Скачкова, он проделал огромную работу по переоценке опыта отечественного востоковедения, не допустив распада «связи времен», своим трудом показывая, что советское востоковедение является

---

[427] *Стратонитский К.А.* Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913.

[428] Там же. С. 4.

[429] Там же. С. 5.

[430] Там же. С. 16–19.

[431] Там же. С. 26–29.

[432] Там же. С. 10–11.

[433] Там же. С. 6–7.

[434] Список основных работ см. в: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь… С. 61.

новым этапом развития одной из отраслей русской науки, имеющей свою историю и свои традиции[435]. Его творчество представляет собой «одну из самых ярких страниц в истории отечественного и, можно смело сказать, мирового востоковедение». Оно «вобрало в себя все лучшее, что было создано поколениями ученых XVIII, XIX и начала XX веков»[436].

Сфера интересов В.В. Бартольда столь широка, что к его трудам обращаются специалисты самых различных направлений. Есть среди его сочинений и те, которые представляют ценность для нашей темы. Безусловно, следует отметить его докторскую диссертацию «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[437]. Во-первых, в ней дается прекрасный, очень подробный обзор азиатских источников по истории монгольских завоеваний[438]. Во-вторых, Чингис-хану посвящен специальный раздел[439]. Кроме того, В.В. Бартольд написал объемную статью «Образование империи Чингис-хана»[440], а в «Энциклопедии ислама» его перу принадлежат статьи «Чингис-хан», «Хубилай», «Менгу-Тимур» и многие другие[441].

В своих исследованиях В.В. Бартольд делает немало важных наблюдений, которые легли в основу всего последующего изучения монгольской истории. Например, он абсолютно верно подметил тот факт, что ханы сами создали предпосылки к распаду империи Чингис-хана, выделяя членам своего рода в собственность отдельные владения, наличие которых неизбежно вело к кровавым усобицам[442]. Но главной причиной распада империи ученый называет попытку

---

[435] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 290.

[436] *Златкин И.Я.* Борис Яковлевич Владимирцов — историк // *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. [Классики отечественного востоковедения]. М., 2002. С. 14.

[437] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 45–585.

[438] Там же. С. 84–108.

[439] Там же. С. 446–531.

[440] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. 5. С. 253–266.

[441] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. С. 557, 605, 615.

[442] *Бартольд В.В.* Туркестан... С. 368.

«примирить несовместимые вещи — кочевой быт и умственную культуру»[443], сохранить привычные кочевникам нормы жизни и удержать под своей властью земледельческие цивилизации, переняв их формы управления. Большую роль отводит исследователь личности Чингис-хана — подчеркивает его «огромные организаторские способности»[444], «могучую волю», которую, к несчастью для империи не унаследовал ни один из его сыновей[445], его «проницательность и широту взглядов»[446].

В первой половине XX в. важным явлением в востоковедении были сочинения Б.Я. Владимирцова[447]. Его монография «Чингис-хан» — рассказ о жизни и деяниях первого монгольского хана, вышла в 1922 г. и послужила толчком к появлению в советской историографии обширной литературы, посвященной образованию монгольской империи и её создателю[448]. В этой работе Чингис-хан предстает в идеализированном облике. Автор отмечает его «огромные организаторские таланты»[449], говорит о его сдержанности, великодушии и справедливости[450], гениальных способностях и железной воле, благодаря которым стало возможно создание империи[451], называет Чингис-хана «воплощенным идеалом степного воителя»[452]. Б.Я. Владимирцов пишет: «Научное изучение источников приводит современного беспристрастного исследователя к убеждению, что Чингис-хан <…> никогда не отличался кровожадной жестокостью»[453]. По словам Б.Я. Владимирцова,

---

[443] Там же. С. 529.

[444] Там же. С. 528.

[445] Там же. С. 529.

[446] Там же.

[447] Список основных работ см. в: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь... С. 115.

[448] См. переиздание: *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 145.

[449] Там же. С. 183.

[450] Там же. С. 187.

[451] Там же. С. 199.

[452] Там же. С. 203.

[453] Там же. С. 205.

монгольский хан «всегда отличался щедростью, великодушием и гостеприимством»[454].

Некоторые современные исследователи не согласны со столь восторженной оценкой, данной Б.Я. Владимирцовым основателю монгольской империи[455]. Есть мнение, что подобный тон в отношении великого завоевателя был принят Б.Я. Владимирцовым как дань моде, поскольку на рубеже веков и в начале XX столетия европейское общество было полно «мистических настроений» и обращалось к далекому прошлому в поисках героев, «обладающих сильной властью», «способных защитить существующий уклад от разрушений»[456].

Самое главное его сочинение, «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»[457], изданное через три года после смерти автора, в 1934 г., считается одним из основополагающих трудов советского монголоведения. Образ Чингиса здесь выглядит куда более реалистично, без прикрас, главный акцент сделан на экономическом и социальном развитии монгольских племен в XIII в., на родовой структуре общества[458]. Детально рассматривается племенная иерархия («хан — *нойон* (темник) — *нукер* (тысячник, сотник)»)[459], сформулирована благожелательно принятая советской историографией концепция монгольского кочевого феодализма, зарождавшегося одновременно со становлением империи Чингис-хана, достигшего своего расцвета в XVII–XVIII вв. под властью маньчжурских императоров и пришедшего в упадок в последующие столетия[460].

---

[454] Там же.

[455] См. *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1. М., 1953. С. 31–95; *Румянцев Г.Н.* Труды Б.Я. Владимирцова по истории монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 59–81.

[456] *Д'Оссон К.* История монголов. С. XXIII.

[457] *Владимирцов Б.Я.* Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов [Классики отечественного востоковедения]. М., 2002.

[458] Там же. С. 341–382.

[459] Там же. С. 382–406.

[460] Там же. С. 302.

Б.Я. Владимирцов признан верным последователем В.В. Бартольда, а сегодня, наряду с ним, считается одним из основоположников современного востоковедения.

Стоит отметить, что Б.Я. Владимирцов, пользовавшийся переводом «Мэнда бэйлу» В.П. Васильева, повторил ошибку последнего относительно определения авторства данного памятника: он также приписал его китайскому полководцу Мэн Хуну. И, кроме того, Б.Я. Владимирцов ошибочно полагал, что Мэн Хун нанес визит самому Чингис-хану[461]. Эта неточность, допущенная при переводе, была, как уже говорилось, опровергнута китайским ученым Ван Говэем, в 1926 г. доказавшим авторство Чжао Хуна и тот факт, что посольство было направлено к монгольскому наместнику в Северном Китае Мухали[462]. Об этом подробно писал в своём переводе «Мэнда бэйлу» Н.Ц. Мункуев [463] . Сам Б.Я. Владимирцов со временем изменил свою точку зрения[464].

Говоря о монголах и Китае в XIII в., невозможно обойти вниманием творческое наследие выдающегося советского востоковеда Н.Ц. Мункуева. Он уделял этому периоду огромное внимание и посвятил ему немало ценных работ. Перечислим некоторые из них. Прежде всего, статья в сборнике «Современная историография стран зарубежного Востока» под названием «Основные китайские источники по истории Монголии XIII–XIV вв.». Сам автор называет целью этой статьи «дать краткое описание и характеристику данных источников, а также проследить в общих чертах историю их изучения в Китае и других странах»[465]. Ещё одна статья — «О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в

---

[461] *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан. С. 184.

[462] См. *Мункуев Н.Ц.* Мэнда бэйлу — важный источник по истории древних монголов // Мэнда бэйлу. С. 20; *Мункуев Н.Ц.* По поводу одного недоразумения // Китай. История, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977. С. 97–100.

[463] *Мункуев Н.Ц.* Мэнда бэйлу... С. 20.

[464] См. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 307. Прим. 31.

[465] *Мункуев Н.Ц.* Основные китайские источники по истории Монголии (XIII–XIV вв.). С. 157.

Китае в первой половине XIII в.»[466], — знакомит читателя с придворной идейной борьбой между сторонниками истребления китайского населения и сторонниками его организованной эксплуатации.

В 1972 г. Н.Ц. Мункуев защитил докторскую диссертацию на тему «Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южно-сунских источников», в рамках которой подготовил полный комментированный перевод ценнейшего источника «Хэйда шилюе». Кроме того, в диссертации содержится большой объем дополнительных исследований.

Чрезвычайно важна книга Н.Ц. Мункуева «Китайский источник о первых монгольских ханах»[467], которая представляет собой исследование одного из важнейших источников по истории монголов интересующего нас периода: надгробной надписи на могиле Елюй Чуцая. Она включает в себя несколько разделов. Первый — краткое изложение биографии Елюй Чуцая на основе не только надгробной надписи, но и сведений из официальной истории монгольской династии Юань «Юань ши», из новой истории этой династии «Синь Юань ши»[468]. Во втором разделе приведены сведения об авторе текста стелы Сун Цзычжэне, а также о проблеме датировки указанной надписи[469]. Третий раздел посвящен монгольским мероприятиям по упорядочиванию своих владений — установлению налоговой системы, курсу на усиление ханской власти, переписи населения в 1235–1236 гг., организации почтовых станций[470]. Четвертый представляет собой перевод текста стелы и подробный комментарий[471]. Пятый — обзор основных китайских источников по истории Монголии и Китая в XIII–XIV вв.[472] В приложении дается

[466] *Мункуев Н.Ц.* О двух тенденциях… С. 49–67.

[467] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник…

[468] Там же. С. 11–28.

[469] Там же. С. 29–33.

[470] Там же. С. 34–67.

[471] Там же. С. 68–129.

[472] Там же. С. 130–184.

перевод биографии Елюй Чуцая из «Юань ши»[473], который существенно дополняет свеления из надписи Сун Цзычжэня.

Немало интересной информации мы почерпнули из «Истории Монгольской Народной Республики» [474] . Эта книга — результат совместного творчества советских и монгольских ученых (среди авторов — Л.И. Думан, С.Д. Дылыков, И.Я. Златкин, Б.И. Панкратов, Н.П. Шастина, Ш. Бира, Ш. Сандаг), она охватывает историю монголов от эпохи неолита до середины XX в. Объекты исследования — политическое, экономическое, социальное и культурное развитие, религия. Обратим внимание, что в этой работе деятельность Чингис-хана получила весьма негативную оценку. Его завоевательная политика, последовавшая после объединения монгольских племен, помешала «дальнейшему подъему производительных сил страны, ее экономическому и культурному росту … и не принесла монгольскому народу ничего, кроме страданий»[475]. А сам он называется «захватившим власть»[476], т.е. авторы отказывают Темучжину в легитимном праве на верховное владычество над степью. Разделы, посвященные возникновению монгольского государства, завоевательной политике Чингиса и его преемников, культуре монголов этого периода, написаны Ш. Нацагдоржем, Д. Гонгором, Ш. Бирой.

Важным в контексте изучения раннего этапа монгольских завоеваний представляются также творческое наследие Е.И. Кычанова, который на протяжение более чем пятидесяти лет изучал историю тангутского государства Си Ся (тангуты в числе первых подверглись монгольской агрессии). Он совместно со своими коллегами занимался расшифровкой и реконструкцией тангутского языка. Его статьи охватывают самые разные стороны жизни тангутов — этногенез, государственное устройство, экономику, культуру, религию, войны и гибель,

[473] Там же. С. 185–201.

[474] История Монгольской народной республики. М., 1967. Далее — История МНР.

[475] Там же. С. 8.

[476] Там же. С. 113.

заключая в себе разностороннее описание этого самобытного государства, существовавшего на территории нынешнего Северного Китая в начале XIII в. Монголы и их хан рассматриваются автором как разрушители Си Ся, завоеватели, которые не принесли покоренным странам ничего, кроме несчастий[477], в этом он солидарен со своими современниками Н.Ц. Мункуевым и С.Л. Тихвинским, не принявшими позицию В.В. Бартольда. Главной темой научных изысканий Е.И. Кычанова является судьба тангутов, которую он начал исследовать одним из первых в Европе. Его книга «Очерк истории тангутского государства» [478], опубликованная в 1968 г., оказалась первой историей государства Си Ся на европейском языке [479]. В 2008 г. основные работы Е.И. Кычанова по истории тангутского государства были собраны и переизданы в одной книге[480].

Некоторый интересный материал был нами почерпнут из монографии корифея советской этнологии Геннадия Евгеньевича Маркова «Кочевники Азии»[481], которая представляет собой изданием его докторской диссертации. Эта работа легла в основу отечественного изучения кочевых обществ и повлекла за собой возникновение целой традиции рассмотрения исторических судеб кочевничества с древнейших времен до нового времени[482]. И хотя в этой книге как дань времени присутствуют многочисленные отсылки к классикам марксизма-ленинизма, ныне уже утратившие научную актуальность, наряду с этим имеется прекрасная источниковедческая база и обзор широкого круга литературы, так что она заслужила славу фундаментального труда по истории монгольского народа от древности до начала XX в.

---

[477] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 5.

[478] Там же.

[479] Там же. С. 3–11.

[480] См. *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб., 2008.

[481] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.

[482] Там же. С. 2.

Этапным для развития советского монголоведения можно назвать сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе»[483], под редакцией С.Л. Тихвинского, вышедший в 1977 г. Это дополненное и переработанное издание одноименного сборника 1970 г. В этом сборнике опубликованы статьи, посвященные различным направлениям монгольских завоеваний. Отражены такие моменты, как гибель государства Си Ся[484], завоевание Северо-Восточного Китая[485], походы в Среднюю Азию[486], в Корею[487], в Армению[488], на Русь[489]. Также поднимаются проблемы экономического развития империи Чингис-хана[490] и междоусобной борьбы в среде Чингисидов[491].

Многие из авторов этого сборника были, как и сам ответственный редактор, участниками Великой Отечественной войны. Возможно, именно поэтому тема завоеваний и народного сопротивления иностранным агрессорам получила в статьях сборника совершенно особое звучание. Все статьи так или иначе порицают деятельность Чингис-хана, его сторонников, его преемников и монголов в целом. Целью сборника провозглашается показать, что войны Чингис-хана «носили исключительно грабительский характер и сопровождались невиданным разрушением производительных сил»[492]. И хотя, согласно мнению большинства современных исследователей, такая оценка событий представляется слишком

---

[483] Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. Далее — Татаро-монголы…

[484] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы… С. 46–61.

[485] *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Там же. С. 62–84.

[486] *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Там же. С. 107–139.

[487] *Серов В.М.* Поход монголов в Корею 1231–1232 гг. и его последствия // Там же. С. 150–165.

[488] *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Там же. С. 166–185.

[489] *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Там же. С. 186–209.

[490] *Мункуев Н.Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV вв. // Там же. С. 409–446; *Думан Л.И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв. // Там же. С. 335–376.

[491] *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Там же. С. 323–334.

[492] Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 2.

однобокой, те точки зрения, согласно которым монгольское нашествие имело как отрицательные, так и положительные последствия, к которым можно отнести, например, расширение связей между цивилизациями и интенсификацию торгового и идейного международного обмена, подверглись в сборнике суровому осуждению[493].

В целом сборник представляется чрезвычайно важным комплексным исследованием, поскольку авторы статей рассмотрели все этапы завоеваний, пользовались множеством источников на разных языках региона и благодаря этому смогли нарисовать цельную картину процесса монгольской экспансии.

Очень полезной для понимания общей картины становления монгольской империи оказалась книга Далая Чулууны «Монголия в XIII–XIV вв.»[494]. В этой монографии на основании большого числа разноязычных источников (китайских, монгольских, арабских, персидских, армянских, европейских) последовательно изложена история монголов с момента смерти великого хана Мункэ до свержения династии Юань. Автор обращает внимание на административное устройство монгольского государства[495], хозяйство и налоговую политику[496], письменность, литературу, традиционные верования[497]. Это сочинение интересно ещё и тем, что автор выступает представителем монгольского народа, а это накладывает своеобразный отпечаток на многие его выводы. Например, в его книге Хубилай получает однозначно негативную оценку как узурпатор, незаконно захвативший власть[498], в то время как «Ариг-Бука обладал законным правом наследовать хаганский престол после Мункэ»[499]. При том, что с формальной точки зрения ситуация действительно выглядит именно так, большинство историков не склонны

[493] *Тихвинский С.Л.* Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Там же. С. 14.

[494] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.

[495] Там же. С. 61–68.

[496] Там же. С. 81–110.

[497] Там же. С. 147–169.

[498] Там же. С. 36.

[499] Там же. С. 34.

подчеркивать факт нарушения Хубилаем традиционного порядка избрания, обращая больше внимания на то, какие беды принесли народу войны между братьями и каким дальновидным политиком оказался в итоге основатель династии Юань. Позиция Д. Чулууны, таким образом, выделяется на общем фоне своей ориентированностью на интересы монгольского народа, поскольку очевидно, что сама Монголия от переноса столицы в Кайфын только проиграла. Подобный тон заметен в вышедшей тогда же и упомянутой выше «Истории Монгольской Народной Республики».

Чрезвычайно ценными представляются в контексте нашей работы исследования Сергея Григорьевича Кляшторного[500], тюрколога, монголоведа и археолога. Его изучение феномена степных империй в целом дает богатейший материал по структуре монгольского общества до и после создания империи, пониманию ее места среди других государственных образований степняков, судьбе отдельных ее частей. Большое внимание уделяется проблемам взаимодействия степных завоевателей с их более развитыми оседлыми соседями. Для нашей работы интересны замечания по поводу взаимодействия с Китаем, но не менее ценно исследование монголо-русской интеграции, истории Золотой Орды и русских княжеств в их взаимном влиянии, что дает импульс к дальнейшему изучению данного направления. Мы обращались к двум сочинениям этого автора, написанным им в соавторстве с выдающимися исследователями сопредельных направлений (Т.И. Султанов — признанный знаток по средневековой истории Средней Азии, заведующий кафедрой истории Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского университета; Д.Г. Савинов — крупный специалист по археологии кочевых народов и комплексному источниковедению, занимающийся южно-сибирским регионом в предмонгольскую и монгольскую эпоху)[501].

---

[500] Список основных работ см. в: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь... С. 256.

[501] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2004; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Заслуживает отдельного упоминания сборник статей «Монгольская империя и кочевой мир», состоящий из трех частей[502]. В нем опубликованы материалы, касающиеся общетеоретических понятий власти и политогенеза у кочевников[503], взаимоотношений между отдельными родами, между правителями и подданными[504], кочевнических традиций[505], современного звучания проблемы монгольской империи[506].

Из современных исследований хотелось бы упомянуть совместный труд Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана»[507]. Эта книга представляет собой рассмотрение некоторых специфических черт, свойственных монгольской империи и чуть ранее — монгольским племенам. Акцент сделан не на политическую историю, о которой и так написано немало. Авторы уделили пристальное внимание проблеме национальной идентичности монголов, месту монгольского племени среди других племён на разных этапах исторического развития[508], социальному устройству монгольского общества[509]. В этой работе концепция «монгольского кочевого феодализма» Б.Я. Владимирцова рассматривается как дань времени, теперь уже не актуальная[510], и проводится тщательный анализ различных видов зависимости внутри монгольского общества, взаимоотношений между элитой и остальными социальными группами, рассматривается проблема соотнесения степеней родства. Пристальное внимание уделяется понятиям «власть» и «харизма», их связи с правящим родом Чингис-хана[511]. Подробно разбирается механизм престолонаследования и сопутствующие

---

[502] Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б.В. Базарова. Улан-Удэ, 2004, 2005, 2008.

[503] Монгольская империя. Улан-Удэ, 2005. С. 14–86.

[504] Там же. С. 110–157.

[505] Там же. С. 166–192.

[506] Там же. С. 263–286.

[507] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

[508] Там же. С. 129–192.

[509] Там же. С. 215–270.

[510] Там же. С. 216–218.

[511] Там же. С. 281–320.

этому процессу трудности[512]. В монгольском обществе социальный статус отца передавался старшему сыну, но родовой очаг и связанные с ним сакральные функции переходили к самому младшему, который дольше всех оставался вместе с родителями. Именно это авторы выделяют в одну из интереснейших особенностей монгольской империи и в то же время здесь усматривают одну из самых серьезных причин быстрого распада империи Чингис-хана на *улусы* его преемников. Наконец, немалое внимание уделено определению самой монгольской империи: было ли это вождество, суперсложное вождество или раннее государство; почему в Азии складывались кочевые империи; по каким признакам они различались и что было у них общего[513].

В 2006 г. Институт Дальнего Востока РАН приступил к изданию многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая»[514]. За пять лет вышло шесть томов. Это фундаментальное исследование, освещающее широчайший круг вопросов, является в своём роде уникальным. Каждый том представляет собой сборник статей, посвященных определенной теме: философии[515], религии и мифологии[516], литературе[517], истории и праву[518], науке и технике[519], искусству[520]. Статьи характеризуются высокой информативностью, тщательным подбором источников, подробным обзором литературы. В нашей работе эти книги использовались в качестве справочного материала по самым различным вопросам.

---

[512] Там же. С. 343–374.

[513] Там же. С. 26–46.

[514] Духовная культура Китая / Отв. ред. М.Л. Титаренко. В 6 томах. М., 2006–2010.

[515] Духовная культура Китая. Т. 1. Философия. М., 2006.

[516] Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007.

[517] Духовная культура Китая. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М., 2008.

[518] Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.

[519] Духовная культура Китая. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009.

[520] Духовная культура Китая. Т. 6. Искусство. М., 2010.

Другое многотомное издание — «История Китая с древнейших времен до начала XXI в.» [521] под редакцией академика С.Л. Тихвинского. Этот фундаментальный труд коллектива исследователей, основанный на доскональном изучении источников и имеющейся историографии, является выдающимся вкладом в отечественное китаеведение. При подготовке настоящей работы использовались тома, посвященные династиям Сун, Ляо, Цзинь[522] и Юань[523].

Начиная с 1970 г. институт Востоковедения РАН регулярно проводит конференцию «Общество и государство в Китае». В рамках этой конференции обсуждаются самые разные проблемы: древняя и современная история, история науки, источниковедение, искусство, политика, экономика, философия, религия. Публикуемые материалы содержат немало интересного, в том числе, и по нашей теме. Мы воспользовались несколькими выпусками. Очень полезной оказалась статья Ю.И. Дробышева «У истоков имперской идеологии средневековых монголов» [524], во многом перекликающаяся с работами Т.Д. Скрынниковой [525], Е.И. Кычанова[526], и рассматривающая особенности формирования государственной монгольской идеологии и ее взаимосвязь с идеологией китайской. Также к работе привлекались материалы 40-й и 41-й конференций[527]. А в рамках 39-й конференции А.Ш. Кадырбаевым была опубликована важная статья, посвященная оценке

---

[521] История Китая с древнейших времен до начала XXI в. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. В 10 томах. М., 2014–2016 гг.

[522] История Китая. Т. 4. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279 / Отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2016.

[523] История Китая. Т. 5. Династии Юань и Мин: 1279–1644 / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокщанин. М., 2016.

[524] *Дробышев Ю.И.* У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Общество и государство в Китае. Материалы XLII научной конференции. Ч. 3. М., 2012. С. 274–315.

[525] *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть. М., 1997

[526] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства...

[527] Общество и государство в Китае. Материалы XL научной конференции. Ч. 2. М., 2010; Материалы XLI научной конференции. Ч. 3. М., 2011.

личности Хубилай-хана [528], одного из самых противоречивых монгольских правителей XIII в.

Необходимо также упомянуть важную работу, на первый взгляд, не имеющую прямого отношения к тематике нашего исследования, — «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.» [529] под редакцией академика Василия Васильевича Струве. Несмотря на то, что эта коллективная монография была написана более полувека назад, она содержит массу ценнейшей информации по истории установления власти монголов в Иране и дальнейшему существованию государства Хулагуидов [530]. Там приводится подробнейший анализ основных источников по нашей теме — сочинений Рашид ад-Дина, Джувейни, Джузджани, Ибн ал-Асира, ан-Насави [531]. Несмотря на явную антимонгольскую ориентацию творческого коллектива, выражающуюся в акценте на «хищническую эксплуатацию угнетенных народных масс» [532] — формулировка весьма распространенная для работ времен преобладания марксизма-ленинизма, — авторы признавали наличие некоторых положительных последствий установления власти *иль-ханов* и вхождения Ирана в сферу монгольского влияния. Среди этих последствий — активизация внешних торгово-экономических связей, расширения кругозора, расцвет историописания[533], установление режима веротерпимости для христиан при абсолютном господстве ислама[534], упорядочение налогообложения[535].

---

[528] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Материалы XXXIX научной конференции. М., 2009. С. 56–75.

[529] История Ирана.

[530] Там же. С. 164–210.

[531] Там же. С. 164–169.

[532] Там же. С. 164.

[533] Там же. С. 164–165.

[534] Там же. С. 199.

[535] Там же. С. 202.

Отметим также три работы обобщающего характера, посвященные истории Китая в целом: «Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн»[536], представляющие тем бóльший интерес, что написаны они группой профессоров Народного университета в Пекине; работа крупного российского китаеведа, профессора Владимира Николаевича Никифорова «Очерк истории Китая»[537], вышедшая спустя десять лет после его смерти и подводящая итоги многолетних трудов и размышлений; охватывающая весь период существования государства на территории современного Китая «История Китая» под редакцией А.В. Меликсетова[538]. Все они содержат специальные разделы, посвященные периоду монгольского вторжения в Северный Китай и дальнейшего воцарения династии Юань.

Из новейших исследований хотелось бы упомянуть коллективную монографию П.Ю. Уварова и А.Л. Рябинина «Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории»[539]. Исследование, подготовленное учеными, специализирующимися не по истории Китая — Алексей Леонидович Рябинин изучает Вьетнам, а Павел Юрьевич Уваров занимается историей Франции, — представляет особый интерес широким взглядом на судьбу китайской цивилизации в контексте мировых исторических процессов и вниманием к параллельной синхронизации событий. Что касается оценки итогов монгольских завоеваний, то оба автора придерживаются точки зрения, согласно которой Чингис-хано можно назвать «первым глобализатором»[540], поскольку его деятельность наложила свой отпечаток на судьбы большинства жителей Ойкумены того времени. То есть явное и однозначное осуждение Темучжина отсутствует. Работа ценна большим количеством фактологического материала, собранного и проанализированного с

[536] Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.

[537] *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. М., 2002.

[538] История Китая / Отв. ред. А.В. Меликсетов. М., 2007.

[539] *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории. СПб., 2017.

[540] Там же. С. 180.

нестандартных позиций широкого сопоставления данных, касающихся двух цивилизационных комплексов — западного и восточного.

Также необходимо отметить важную монографию В.С. Мясникова «Китай — катящийся камень»[541], подводящую итог многолетнему изучению особенностей китайской культуры и взаимодействия Китая с другими цивилизациями.

Предворяя переход к разговору о европейской историографии по рассматриваемой проблематике, необходимо вспомнить очень важную монографию «Изучение истории Монголии на Западе» [542] Марка Исааковича Гольмана. Это замечательное по своей полноте комплексное описание развития западного монголоведения, включающее в себя освещение различных направлений изучения, как то источниковедение, археологические и этнографические экспедиции. Внимание к эпохе средних веков отражается как в обзоре посвященных этому периоду исследований, так и в анализе сведений, собранных первыми европейцами, побывавшими в Монголии.

Такое уникальное обощающее исследование, наряду с «Монгольской историографией XIII–XIV в.» Ш. Биры, представляет огромный интерес для историков, анализируя весь накопленный поколениями востоковедов опыт изучения монгольской истории и монгольских источников в разные эпохи в разных странах. Стоит отметить, что в последующие годы подобных работ ни в России, ни за рубежом не появлялось, так что их ценность за несколько минувших десятилетий ничуть не уменьшилась.

Теперь обратимся к иностранной историографии. Следует отметить, что во многом западные востоковеды опираются на достижения русского дореволюционного и советского востоковедения, хотя, безусловно, и там трудились и трудятся выдающиеся специалисты.

---

[541] *Мясников В.С.* Китай — катящийся камень. М., 2018.

[542] *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. М., 1988.

Монголоведение XIX в. блестяще представлено замечательным по своей полноте и качеству проработки источниковой базы трудом Константина Д'Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тимур-бея или Тамерлана»[543]. Эту книгу высоко оценивали такие корифеи востоковедения как Б.Я. Владимирцов и В.В. Бартольд[544]. К. Д'Оссон опирался на прекрасные переводы Н.Я. Бичурина и П.И. Кафарова, «отцов-основателей» не только отечественного, но и мирового китаеведения. Заслуга автора в том, что у него «нет и тени того преклонения перед восточной экзотикой, которая так пленяла ранних китаистов (синологов), но нет и высокомерия представителя европейской школы» [545]. Великолепная языковая подготовка, возможность работать в Парижской и Лейденской библиотеках, привлечение широкого круга источников обусловили высочайший уровень написанного им исследования [546]. К. Д'Оссон признавал за Чингис-ханом выдающиеся способности (сила воли, творческий гений)[547], однако считал, что Чингис стремился к мировому господству, был совершенно неразборчив в средствах борьбы, а ужас, предшествовавший появлению его войск, губил народы прежде монгольского меча [548]. Исследователь не оправдывает завоевателя. Он просто последовательно излагает историю роста его власти и расширения границ подвластных монголам земель, активно привлекая для этого персидские и арабские источники. Параллельно приводятся краткие очерки истории захваченных государств — Хорезма[549], Си Ся[550], Ляо и Цзинь[551]. Работа К. Д'Оссона до сих пор считается не утратившей своей научной ценности.

---

[543] Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan / Par M. le Baron C. D'Ohsson, Membre des Academies royales des Sciences et des Belles Lettres de Stockholm, de la Société royale des Sciences de Upsal, etc. Avec une carte de l'Asie au XIII siècle. La Hay; Amsterdam: Les frères van Cleef, 1834–1835.

[544] *Д'Оссон К.* История монголов. С. XIV.

[545] Там же. С. XI

[546] Там же. С. XII–XIII.

[547] Там же. С. 218.

[548] Там же.

[549] Там же. С. 114–135.

Упомянем также книгу Михаила Правдина «Монгольская империя»[552]. Исследование автора, представителя русской эмиграции, впервые изданное на немецком языке и дважды переведенное на английский, представляет собой классическую работу обобщающего характера, описывающую все стадии жизненного цикла империи Чингис-хана: зарождение, распад на четыре *улуса*, судьбу этих улусов по отдельности, реставрацию монгольского могущества при Тамерлане и закономерный постепенный уход монголов с мировой арены. Имея опору на значительное количество источников, книга эта, однако, не может быть отнесена к сугубо научным исследованиям. Язык книги рассчитан на читателя, далекого от истории, справочный аппарат отсутствует. Кроме того, в работе имеются некоторые погрешности в изложении фактов (например, воцарение Угэдэя называется заслугой Елюй Чуцая, который, якобы, убедил всех Чингисидов остановить свой выбор на третьем сыне покойного хана[553], в то время как источники единогласно утверждают, что Чингис сам назначил себе наследника и мнения советников уж точно не спрашивал[554]).

Несколько полезных статей мы почерпнули из «Гарвардского журнала азиатских исследований» (Harvard Journal of Asiatic Studies). Отметим две статьи Френсиса Кливза (одна посвящена монгольскому делопроизводству времен единства империи[555], вторая — разбору частично сохранившегося двуязычного эдикта, высеченного по-китайски и по-монгольски на каменной стеле в 1240 г. и урегулирующего вопросы организации быта ставки главной жены Угэдэя, а также анализу ситуации в монгольском языке эпохи ближайших преемников Чингис-хана

---

[550] Там же. С. 41–77.

[551] Там же. С. 77–84.

[552] *Prawdin M.* The Mongol Empire. London, 1941.

[553] Ibid. P. 236–238.

[554] См. Сокровенное сказание. С. 191; *Рашид ад-Дин*. Т. 1. С. 232; Т. 2. С. 8.

[555] *Cleaves F.W.* A chancellery practice of the Mongols in the 13th and 14th centuries // HJAS. 1951. Vol. 14. Pt. 3–4. P. 493–528.

в целом [556]) и статью Вильяма Хуна, освещающую рукописную традицию «Юаньчао биши»[557].

Мы обращались также к ряду работ И. де Рахевильца. Книга «Посланцы папы к великим ханам»[558] посвящена истории посольств ко дворам монгольских ханов, тщательному анализу оставленных путешественниками записок, в том числе напрямую касающихся изучаемого нами периода заметок Плано Карпини, Ц. де Бридиа и Гильома Рубрука. Книга дает четкое понимание того, что контакты между европейцами и монголами были весьма интенсивны, спровоцированные резко возросшем могуществом последних. Это ещё один аргумент в поддержку теории о том, что монгольские завоевания способствовали развитию международных отношений. «На службе хану»[559] — коллективная монография, написанная под руководством и при активном участии И. де Рахевильца, содержит в себе биографии множества ближайших сподвижников великих ханов, начиная от Чингис-хана и заканчивая Хубилаем. Среди них военачальники, советники, религиозные деятели — Субэдэй[560], Шиги-Хутуху[561], Елюй Чуцай[562], Яо Шу[563], Баян[564], Пагба-лама[565]. Учитывая важность ролей, которые эти люди сыграли в истории монгольского государства, их подробные жизнеописания очень помогают разобраться в ситуации.

Представляет определенный интерес для нашей работы монография Томаса Альсена «Монгольский империализм. Политика великого хана Мункэ в Китае,

---

[556] *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1240 // HJAS. 1960–1961. Vol. 23. P. 62–75.

[557] *Hung W.* The transmission of the book… P. 433–492.

[558] *Rachewiltz I., de.* Papal envoys to the great Khans. Stanford, 1971.

[559] In the Service of the Khan.

[560] Ibid. P. 13–26.

[561] Ibid. P. 75–94.

[562] Ibid. P. 136–171.

[563] Ibid. P. 387–406.

[564] Ibid. P. 584–607.

[565] Ibid. P. 646–654.

России и исламских странах. 1251–1259 гг.»[566]. Автор на примере походов Мункэ анализирует, каким образом монголам удавалось так быстро завоевывать столь обширные территории, и приходит к не новому уже выводу, что все дело было в качестве войска[567]. Надо отметить, что в процессе исследования автор очень активно привлекал труды В.В. Бартольда («Туркестан в эпоху монгольского нашествия»), Н.Ц. Мункуева («Китайский источник о первых монгольских ханах», «Заметки о древних монголах»), Б.Я. Владимирцова («Общественный строй монголов»). Сформулированные этими учеными концепции во многом определяют современный взгляд на историю монголо-китайского взаимодействия. Автор расходится с ними во мнении лишь по вопросу о том, был ли Мункэ сторонником степных традиций. Т. Альсен считает, что не был, и сила Мункэ как раз состояла в том, что он сочетал в себе традиционное и новаторское начала. Это и дало ему возможность стать последним великим ханом[568].

В 1989 г. вышла книга американского антрополога, этнолога и историка Томаса Барфилда «Опасная граница. Кочевые империи и Китай», спустя двадцать лет переведенная на русский язык по инициативе С.Г. Кляшторного[569]. Книга оказалась чрезвычайно полезной для нашей темы, поскольку автор ставил своей целью доказать, что кочевая Азия является активной частью мировой истории, такой же, как и Европа[570]. Для этого он рассматривал всю историю сосуществования китайской цивилизации с кочевыми соседями, начиная с сюнну и заканчивая джунгарами — последней степной империей, завоевание которой маньчжурской династией Цин завершило историю граничащих с Китаем кочевых империй, которая вследствие общемировых изменений в экономике и транспорте и упадка старой имперской структуры самого Китая уступила место противостоянию

[566] *Allsen T.* Mongol imperialism. The policies of the grand qan Mongke in China, Russia and the Islamic lands. 1251–1259. Berkeley, 1987.

[567] Ibid. P. 7.

[568] Ibid. P. 221.

[569] *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай. СПб., 2009.

[570] Там же. С. 6.

России и Китая как двух оседлых сверхдержав, к которым старые принципы сосуществования с кочевниками оказались уже неприменимы [571]. Монголы представляются здесь всего лишь частью, пусть и существенной, сложнейшей системы отношений между Степью и земледельческой цивилизацией, растянутой во времени и пространстве.

Немало полезной информации содержится в сборнике статей «Монгольская империя и её наследие», опубликованном в 2000 г. в Лейдене[572]. Среди поднятых проблем — ранняя истории монголов[573], походы в Азию, в Китай и Тибет[574], значение монгольских завоеваний для самих монголов[575] и народов, входивших в состав империи Чингис-хана [576]. Интересными представляются замечания японского историка Хидехиро Окада, касающиеся монгольских элементов в государственном управлении династии Мин, сменившей Юань на китайском престоле. В частности, он приводит подробный перечень минских заимствований, касающихся бюрократической и административной структуры государства [577], положения членов императорской фамилии (как и при монголах, принцы ставились в отдаленные провинции и получали под начало собственные армии) [578]. По примеру Юань, Мины опирались, в первую очередь, на свою военную мощь, и даже мирное население было организовано по принципам десятичной структуры[579].

Интересная тенденция намечается в историографии по отношению к личности Чингис-хана. Мы уже упоминали работы советских и монгольских ученых, крайне негативно оценивавших влияние чингисовых завоеваний на судьбу собственно

[571] Там же. С. 443.

[572] The Mongol Empire and its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss, D. Morgan. Leiden. 2000.

[573] Ibid. P. 5–38.

[574] Ibid. P. 39–199.

[575] Ibid. P. 273–281.

[576] Ibid. P. 282–332.

[577] Ibid. P. 265.

[578] Ibid. P. 266.

[579] Ibid. P. 267.

Монголии[580]. Но, в то же время, в 2001 г. вышел очередной английский перевод «Тайной истории династии Юань»[581], выполненный профессором Монгольского государственного университета Ургунджем Ононом, и демонстрирующий прямо противоположные настроения. В частности, Чингис в ней назван одним из величайших людей Азии[582]. Заметим, что в статье «Некоторые замечания о последствиях упадка монгольской империи для развития монголов»[583], вышедшей в то же время, но из-под пера западного автора Удо Баркмана, отмечены объективно негативные последствия чингисовых походов: Монголия обезлюдела, оставшиеся жители подверглись сильному этническому влиянию со стороны значительного числа переселенных из завоеванных стран мастеров, которые были привезены в Каракорум в пору его расцвета[584]. Возможно, дело в реставрации культа Чингис-хана, имеющей место в Монголии.

Весьма информативной оказалась книга Джорджа Лэйна «Повседневная жизнь Монгольской империи»[585]. Сведя воедино показания Марко Поло, Плано Карпини, Гильома Рубрука, автор рисует быт монголов: их еду, питье[586], жилища[587]. Одновременно им проводится разбор процесса возвышения Чингиса[588], соотношения законов и права в монгольском государстве[589], приводятся образцы монгольского фольклора[590]. Автор считает, что Чингис был не только завоевателем, но и объединителем мира и заслуживает, скорее, славы, а годы монгольского

---

[580] См. *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 44, 50, 56; История МНР. С. 113, 116, 118.

[581] The Secret History of Mongol / Trans. by U. Onon. Richmond, 2001.

[582] Ibid. P. 1–2.

[583] *Barkmann U.* Some comments on the consequences of the decline of the Mongol empire on the development of the Mongols // The Mongol Empire and its Legacy. P. 273–282.

[584] Ibid. P. 275–276.

[585] *Lane G.* Daily Life in the Mongol Empire. Westport, 2006.

[586] Ibid. P. 147–181.

[587] Ibid. P. 51–95.

[588] Ibid. P. 1–51.

[589] Ibid. P. 205–227.

[590] Ibid. P. 257–273.

правления были не хуже, а иногда и лучше, чем годы правления национальных правителей[591]. Заметим, что империю Юань в Китае и империю *иль-ханов* в Иране он называет величайшими достижениями преемников Чингис-хана[592]. В целом это качественное исследование широкого профиля, затрагивающее самые разные аспекты монгольской темы и опирающееся на обширный круг источников.

Мы ознакомились с основными достижениями отечетственной и зарубежной историографии, посвященной общим проблемам становления монгольской империи и особенностям взаимодействия монгольской и китайской культур. Исследования, концентрирующие внимание на отдельно взятых проблемах монголо-китайской культурной конвергенции, будут анализироваться в соответствующих разделах настоящей работы.

[591] Ibid. P. 2–4.

[592] Ibid. P. 10.

Глава 3. Монголы или татары

3.1 Новые завоеватели

К началу XIII в., когда на мировую арену вышли монголы, история Китая насчитывала уже более трех тысяч лет, и за это время Поднебесная неоднократно сталкивалась с проблемой кочевнических вторжений. Это были чжурчжэни[593], тангуты[594] и кидани[595], ещё раньше — сюнну[596]. Новая же угроза исходила мало кому известного прежде племени монголов, с поразительной скоростью превратившихся из раздробленного скопления враждующих кочевых родов в мощную военную силу.

Сделаем краткий экскурс в историю разных поколений завоевателей. Сюнну ещё в IV в. захватили обширные территории на севере Китая, вслед за ними началось вторжение племен сяньби и муюнов. В конце века сяньби создали на завоеванных территориях свою империю, позаимствовав китайскую

---

[593] Впервые чжурчжэни упоминаются в источниках VII в. Они считаются предками маньчжур (см. *Ларичев В.Е.* Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи. С. 34)

[594] Тангуты — тюрко-монгольское название народа, фигурирующего в китайских источниках с конца VI в. под названием *дансян*. Предки тангутов — *цяны* — с древнейших времен жили на западных границах Китая. Из этих племен в конце VI в. выделились *дансяны* (есть мнение, что они являются непосредственными предками тангутов, однако следует признать, что вопрос этногенеза тангутского народа до сих пор остается открытым). Императоры тангутского государства Си Ся считаются потомками сяньбийского правящего дома (*Кычанов Е.И.* К проблеме этногенеза тангутов // История тангутского государства. СПб., 2008. С. 47–49; *его же* К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // История тангутского государства. С. 35–44).

[595] Первое письменное упоминание о киданях в китайских источниках относится к VI в. (см. История государства киданей. С. 16). Существует три версии их происхождения: родство с монголами (см. История МНР. С. 93); родство с тунгусским народом, чжурчжэнями; смешанное монголо-тунгусское происхождение (см. История государства киданей. С. 24). Уточнить этот вопрос предположительно можно будет только после расшифровки киданьской письменности.

[596] Подробнее о кочевниках — завоевателях Китая см., например, в: Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну / Пер., пред., комм. В.С. Таскина. М., 1989; Вып. 2. Цзе. М., 1990; Вып. 3. Мужуны. М., 1992; Вып. 4. Ди и цяны. М., 2012.

административную систему, китайский язык и систему чинов, китайские фамилии, ритуалы и этику, отказавшись от своих традиционных верований и костюмов, поощряя смешанные браки в среде знати, хороня сяньби только на китайской земле[597]. Провозглашенная ими династия Северная Вэй просуществовала почти 150 лет (386–534).

Государство киданей было объявлено империей в 916 г., а в 937 г. получило название Ляо[598]. Китайский император, основатель династии Поздняя Цзинь[599], был возведен на престол киданьским правителем и признал его отцом, что означало установление отношений подданства, и таким образом Китай впервые за свою историю признал иноземное господство[600]. С этого самого времени начинается затянувшееся на столетия противостояние Ляо и китайских правителей. Для Китая это был трудный период, поскольку уже после падения династии Тан в 907 г. страна раскололась на множество мелких государственных образований. Эпоху 906–960 гг. в китайской историографии традиционно называют «Эпохой пяти династий и десяти царств»[601]. Китайские правители выплачивали киданям богатую дань, чтобы обезопасить свои границы, а нередко и приглашали киданьскую конницу на помощь в борьбе со своими политическими противниками. Однако постоянная напряженность, вызванная столь опасным соседством, оказалась одной из причин, по которой в конце периода раздробленности X в. в стране при широкой поддержке населения и войска воцарилась новая династия — Сун[602]. Именно ей предстояло иметь дело с Чингис-ханом и его наследниками.

Тангутское государство Си Ся тревожило границы империи Сун почти с самого момента своего возникновения. В 1038 г. там также была провозглашена империя. Военные действия продолжались в течение длительного времени,

[597] История Китая. С. 154–157; Очерки истории Китая от древности до опиумных войн. С. 167–168.

[598] История Китая. С. 190–191.

[599] Поздняя Цзинь (候晋) — 936–947 гг.

[600] *Е Лунли.* История государства киданей. С. 15.

[601] История Китая. С. 190.

[602] Там же. С. 191.

перемежаясь подписанием мирных договоров, по которым Сун выплачивали своим северо-западным соседям немалую дань.

Из всего вышесказанного можно заключить, что китайское правительство не впервые сталкивалось со степными завоевателями. История научила китайцев правилам выживания в такой ситуации, и драгоценный опыт накапливался в течение столетий. Именно благодаря этому опыту Китай смог пережить монгольское завоевание и преодолеть негативные стороны иноземного господства. Как показало будущее, даже и монголы оказались для китайской цивилизации не последними испытанием на прочность. В XVII в. власть в стране перешла к очередным завоевателям — маньчжурской династии Цин (1644–1911).

Правда, монголы несколько выделяются на общем фоне. Во-первых, при них, пусть и недолго, Китай входил в состав более обширной мировой империи, будучи важной, но только **одной** из многих частей (при Ляо, Си Ся или Цзинь владения завоевателей не простирались столь далеко). Во-вторых, монгольское государство сформировалось вне границ китайского ареала, в то время как остальные кочевники захватывали китайскую территорию и там создавали государственность. В-третьих, Чингис-хан не ставил свою власть даже в формальную зависимость от имперского Китая: он не пытался ни получить от сунского императора титул, который бы придал ему вес в глазах окружающих, ни обосновать свою власть над Степью через пожалованное ему чжурчжэнями китайское звание *чжаодаоши*[603], «полномочный военный комиссар на границе». В-четвертых, даже после разгрома империи Юань монголы на долгие годы остались реальной угрозой для китайских земель, сохраняя военную силу и определенную степень централизацию, конец которой положили уже только маньчжуры в XVII в.[604]

И тангуты, и кидани, и чжурчжэни испытали на себе мощь армии Чингис-хана.

---

[603] Старинное китайское сказание о Чингис-хане. С. 158. Другая версия чтения — звание «чжаут-кури». См. в: *Д'Оссон К.* История монголов. С. 53.

[604] *Franke H.* From Tribal Chieftain... P. 7–12.

Тангутская империя Си Ся стала первым крупным государством, подвергшимся вторжению монгольских войск[605]. В 1205 г. Чингис-хан начал поход против тангутов, чтобы испытать своих воинов накануне предстоящих завоеваний. Тангуты потерпели ряд поражений. Монголы с богатой добычей вернулись в степь. В 1207 г. военные действия возобновились под предлогом недостаточного уважения, выказываемого тангутами Темучжину, только что провозглашенному Чингис-ханом. Но это по-прежнему были локальные столкновения[606]. В 1209 г. монгольскому оружию сопутствовал успех, Чингис-хан наголову разбил тангутскую армию, осадил столицу, но из-за нехватки опыта в ведении осады и инженерных работ, ей сопутствующих, взять город не смог. По результатам подписанного вскоре мирного договора Чингис-хан получил в жены дочь тангутского государя, обещавшего быть правой рукой монгольского правителя[607]. Тангуты заплатили победителям огромный выкуп, но участвовать в военных операциях монголов отказались под предлогом своей оседлости.

В 1218 г. начался поход на Запад. Памятуя о данном обещании, Чингис-хан обратился к тангутам за военной помощью. Ответ оказался столь же дерзок, сколь и неосмотрителен: «Не имеешь силы — так незачем и ханом быть»[608]. Расплачиваться за эти слова пришлось спустя несколько лет. Только в 1225 г., закончив прочие дела, Чингис-хан собрался отомстить за давнюю грубость и лично возглавил поход против непокорных соседей[609]. Население городов, не сдававшихся по первому требованию монголов, поголовно вырезалось. В 1227 г. последний правитель Си Ся начал мирные переговоры и выразил готовность сдаться, попросив только месячную отсрочку для сбора подарков[610]. Чингис-хан согласился, но приказал своим приближенным перебить всех, кто через месяц

---

[605] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся… С. 46.

[606] Там же. С. 48.

[607] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 254.

[608] Сокровенное сказание. С. 186.

[609] Там же. С. 189.

[610] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 233–234.

выйдет из городских ворот. Он сам был уже при смерти и скоро скончался. Тангуты были почти поголовно истреблены. Их самобытная культура исчезла. Забылась тангутская письменность. «Последний поход Чингис-хана завершился гибелью целого народа»[611].

Покончив с тангутами, монголы всерьёз взялись за империю Цзинь[612]. На завоевание этого государства им понадобилось в общей сложности двадцать три года (Си Ся было уничтожено за двадцать два). Первые столкновения имели место ещё в 1211 г.[613] Начиналось всё с набегов, недолговечных мирных договоров, дочь Алтан-хана[614] в 1213 г. была передана Чингису в жены[615]. Дворцовые интриги и сепаратистские тенденции цзиньских военачальников оказались монголам на руку. Примером может служить судьба Елюй Люгэ — киданьского тысячника на службе Цзинь, который перешел под руку Чингис-хана и при поддержке монголов создал своё владение Ляо[616].

В ходе шестнадцатилетней войны чжурчжэни потеряли все свои владения к северу от Хуанхэ. Опорным пунктом цзиньской обороны стала крепость Тунгуань, которую Чингис-хан считал серьезным препятствием и предупреждал об этом своих преемников, когда стало ясно, что жить ему самому осталось недолго[617].

Для окончательного завоевания Цзинь монголы заключили союз с Южносунской империей: «ещё один, пожалуй, наиболее яркий пример политической близорукости сунских правителей Китая»[618]. Идею такого союза

---

[611] *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. С. 56.

[612] Государство, основанное племенем чжурчжэней на территории Северного Китая в 1115 г. «Цзинь» в переводе с китайского — «золото».

[613] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны. С. 51.

[614] *Алтан* в переводе с монгольского — «золото», так называли монголы правителей Золотой империи Цзинь.

[615] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 170.

[616] *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов… С. 42–43.

[617] Там же. С. 70.

[618] *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов… С. 71.

подсказал своим наследникам Чингис-хан перед смертью, и Угэдэй реализовал план, не только получив от Сун разрешение на провод монгольских войск по их территории, но и добившись непосредственного участия сунских отрядов в военных операциях: в 1234 г. совместными усилиями был осажден цзиньский город Цайчжоу, где укрылся император[619], а в описании последней битвы, содержащемся в «Истории Золотой империи»[620], сказано, что над врагами развивались сунские знамена[621]. Цзиньский император, когда стало ясно, что всё потеряно, повесился, завещав сжечь своё тело после смерти[622]. Активное участие в этом походе принимали братья Угэдэй-хана Чагатай и Толуй[623], причем последний в 1230 г. сумел захватить ту самую крепость Тунгуань[624], но вскоре после столь важной победы заболел и скончался[625]. Если обратиться к словам Угэдэй-хана, приведенным в «Тайной истории монголов», мы увидим, что он считал окончательное покорение чжурчжэней одним из своих главных достижений[626].

Известно, что уже в войне против Цзинь монголы широко использовали технические военные достижения того времени. С помощью катапульт из бамбука они забрасывали вражеские крепости расколотыми жерновами, разбивая деревянные надстройки на стенах[627]. Например, осаждая город Бяньцзин, Субэдэй

---

[619] Там же. С. 72.

[620] История Золотой империи / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1998.

[621] Там же. С. 232.

[622] Там же.

[623] *Джувейни*. С. 127.

[624] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 21–24.

[625] Там же. С. 24. По версии Рашид ад-Дина, заболел Угэдэй, а Толуй выпил заговоренную шаманами воду, приняв на себя болезнь брата. Впрочем, далеко не все исследователи безоговорочно принимают рассказ о таком самопожертвовании: М. Россаби и И. де Рахевильц полагают, что причиной смерти Толуя стало попросту чрезмерное пьянство (см. *Rachewiltz I., de.* Papal envoys to the Great Khans. P. 82; *Rossabi M.* Khubilai Khan. His life and times. Berkeley, 1988. P. 12).

[626] Сокровенное сказание. С. 198.

[627] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар… С. 100.

«против каждого угла городской стены поставил более ста пушек и посменно днём и ночью обстреливал город»[628].

Следует признать, что монголам неизменно сопутствовала военная удача: всех своих противников они сумели разгромить поодиночке. Когда Чингис-хан напал на империю Цзинь, чжурчжэни договорились о совместных боевых действиях с тангутами Си Ся[629]. Но, узнав о поражении цзиньцев, их союзники отступили. Далее, на фоне внешнеполитической нестабильности в Си Ся произошел государственный переворот. Внутренние проблемы, вне всякого сомнения, отразились на обороноспособности страны. Тангутские войска терпели поражение за поражением. В 1209 г., перед очередным вторжением монголов, тангуты позвали на помощь Цзинь. Те отказались, считая, что ослабление соседей будет их государству только выгодно[630].

Совместными усилиями два народа, вероятно, смогли бы остановить монгольскую экспансию, но чжурчжэни решили оставить своих соседей один на один с завоевателями, веря в мощь своей армии и неприступность своих крепостей. Верили они, как показало будущее, напрасно. Разгром их государства оказался просто вопросом времени.

В 1218 г. Чингис-хан увел свою армию на Запад, но даже эта небольшая передышка уже не могла спасти обреченных. Тангуты предложили новый союз чжурчжэням, но те не забыли недавнего вторжения тангутских отрядов в составе монгольской армии. Тогда тангуты обратились к Сунам с идеей союза против Цзинь. Китайское правительство не слишком заинтересовалось этим проектом. Оно старалось следовать принципу стравливания ближайших соседей для обеспечения мира на собственных границах и недооценивало растущую силу Чингис-хана.

---

[628] История Золотой империи. С. 225.

[629] *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. С. 47.

[630] Там же. С. 51.

Была ещё одна попытка объединения сил против завоевателей. Её предпринял молодой правитель Си Ся, связавшийся с недавно покоренными Чингис-ханом племенами Монголии и Джунгарии. В случае успеха это создавало угрозу непосредственно в тылу монгольской армии [631]. Однако ответом на такую инициативу послужил поход 1226 г., который возглавил лично Чингис-хан. В этом походе речь пошла уже о поголовном истреблении тангутского народа. И снова никто из соседей не внял призывам о военной помощи.

Правители Сун продолжали хранить уверенность, что руками монголов им удалось избавиться от опасных соседей, которые долгие годы требовали дани и тревожили границы Южносунской империи. Гибель государств Си Ся и Цзинь не раскрыла им глаза на истинные намерения монголов.

Намерения же эти были таковы, что всего через год, в 1235 г., начался новый поход, на этот раз против недавних союзников. Ситуация повторилась. Разбив одного из сильных противников, монголы тут же нападали на второго, хотя в случае объединения усилий трех держав — Си Ся, Цзинь и Сун, вероятнее всего, монгольское завоевание закончилось бы, не успев начаться.

Завоевание империи Южная Сун продолжалось на протяжении правления четырех ханов: Угэдэя (1229–1241), Гуюка[632] (1246–1248), Мункэ[633] (1251–1259) и Хубилая (1260–1294). Из них первые три были правителями единой монгольской империи. После смерти Мункэ среди представителей Золотого рода началась усобица, и на покорённых монголами территориях сформировалось четыре независимых государства Чингисидов[634]. Под властью Хубилая остались Китай и Монголия. Северо-западные земли (Великая степь от Иртыша до Дуная) образовали Золотую Орду. На юго-западе, между Каспийским и Аравийским

---

[631] Там же. С. 53.

[632] Гуюк — сын Угэдэя.

[633] Мункэ — сын Толуя.

[634] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. С. 186.

морем, в Иране возникло государство *иль-ханов* Хулагуидов[635]. В Средней Азии, включая в себя Семиречье, Кашгарию и Мавераннахр, располагался *улус* наследников Чагатая.

Началу военных действий против династии Южная Сун предшествовала попытка китайского правительства реализовать на деле заключенный в 1233 г. договор с монголами, по которому после разгрома Золотой империи Сунская держава должна была получить провинцию Хэнань. Император послал на север войска с целью занять обещанные территории. Узнав об этом, покидавшие край монголы повернули назад. Несколько вооруженных столкновений, нанесшие китайским силам ощутимые потери, завершились катастрофой, когда монголы, открыв плотины на Хуанхэ, затопили сунскую армию, находившуюся в Кайфыне. Уцелели немногие[636].

В 1235 г. на *курултае* было принято решение о направлении дальнейших завоеваний: Запад, Центральная Азия, Корея, Китай. Первый удар, нанесенный в том же году, ощутимых результатов не дал. «Окончательное покорение Сунской империи являлось значительно более сложным делом, чем это представлялось окружению великого хана»[637]. Началась длительная и кровопролитная война. Монгольские войска осуществляли периодические набеги, грабя, убивая и уводя в рабство население, что существенно расшатывало китайскую экономику.

Сунский полководец Цао Ювэнь выиграл несколько сражений и вынудил монголов отступить, но через несколько месяцев погиб в бою. В то же время многие военачальники переходили на сторону завоевателей, сдавая вверенные им крепости[638]. Борьба велась с переменным успехом: некоторые города выдерживали затяжную осаду и успешно сопротивлялись, так что стремительного победного шествия не получилось.

---

[635] Хулагу — сын Толуя, брат Хубилая, Мункэ, Ариг-Буки.

[636] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 282.

[637] Там же. С. 283.

[638] Там же. С. 284.

Весной 1238 г. обе стороны склонились к мысли о мире: империя Сун была истощена опустошительными набегами, монголы к этому времени завязли в русских лесах. Кроме того, огромные завоеванные территории требовали немалых усилий для поддержания порядка. Мир был предложен при уплате ежегодной дани в размере 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелка[639]. На протяжении 1240-х гг. вдоль монгольско-сунской границы царило относительно спокойствие: в источниках упоминаются только два набега.

Однако передышка оказалась недолгой. В 1255 г. Мункэ-хан провозгласил очередной поход в южный Китай[640]. Теперь это уже не просто грабительские набеги, а планомерное, подготовленное наступление: покорение сунских территорий было объявлено приоритетной задачей[641]. На 1258 г. планировалось масштабное наступление с трёх сторон — с севера, запада и юга[642]. С запада выступил великий хан Мункэ, с севера его младший брат Хубилай. В ходе этих операций монголы захватили ряд крепостей и городов, сунские войска несли серьезные потери, мирное население угонялось в плен. Однако во время этого похода великий хан неожиданно умер, вероятно, став жертвой эпидемии, бушевавшей в лагере монголов, которые осаждали стратегически важный пункт Хэчжоу[643]. Осаду тут же сняли, поскольку тело Мункэ следовало предать земле в родном краю.

Войска под предводительством Хубилая тем временем продолжали наступление, при этом сам будущий хан запретил любые агрессивные действия по отношению к мирному населению, что было больше в духе китайских, нежели монгольских методов ведения войны[644]. В этом можно усмотреть влияние

---

[639] Там же. С. 285.

[640] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. Кн. 1. С. 145.

[641] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 285.

[642] Там же. С. 286.

[643] Там же. С. 289.

[644] Там же. С. 290.

китайских советников, которых у Хубилая было немало, поскольку он долгое время являлся наместником Мункэ в Северном Китае[645].

«Монгольская армия продолжала развивать наступление, не встречая никакого сопротивления со стороны бежавших сунских войск»[646]. Возвращаться в Монголию на похороны брата и на последующий *курултай* по избранию нового хана Хубилай не хотел без впечатляющих военных успехов, которые стали бы его козырем в предстоящей борьбе за престол. Одним из достижений можно назвать форсирование Янцзы с последующей осадой крупного города Эчжоу. Это оказалось серьезным ударом для сунского правительства, в монгольский лагерь прислали посольство с предложением мира на выгодных условиях (выплата дани и признание вассальной зависимости). Хубилай отказался, намереваясь довести начатое дело до конца, однако тут пришли тревожные вести из Монголии. Младший брат Хубилая, Ариг-Бука заявил о своих притязаниях на престол. В 1260 г. между братьями началась кровопролитная борьба, длившаяся четыре года, закончившаяся победой Хубилая и давшая Сунской империи ещё одну передышку, на этот раз последнюю.

В 1267 г. военные действия против Южной Сун возобновились. План окончательного покорения китайских земель был предложен сунским военачальником, перешедшем на сторону монголов, Лю Чжэнем[647]. В рамках его реализации монголы захватили несколько крупных, хорошо укрепленных городов и смогли убедиться, что «Суны все ещё не осознали нависшей над ними смертельной опасности и даже не мобилизовали всех сил»[648]. В 1274 г. хан Хубилай, провозгласивший себя тремя годами ранее первым императором династии Юань, объявил последний «великий поход». В ходе этого похода монгольские военачальники в очередной раз продемонстрировали умение быстро

---

[645] *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках… С. 323.

[646] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 290.

[647] Там же. С. 293.

[648] Там же. С. 294.

принимать решения, воплощать их в жизнь, использовать военные хитрости и слабости противников. Несколько мощных крепостей сдались, и их начальники в благодарность за сотрудничество были оставлены на своих постах[649]. Череда предательств отдала в руки монголам значительные территории без боя.

Дважды сунское правительство, по-прежнему не осознавая реального положения вещей, предлагало монголам мир на условиях выплаты ежегодной дани в обмен на возвращение завоеванных областей. Но если раньше добыча могла перевесить в кочевниках завоевательный пыл, то теперь речь шла уже о продуманном покорении одного государства другим. И никакие сокровища не могли отвлечь монгольских полководцев от главной цели — окончательного сокрушения Сунской державы[650]. Как заметил Дж. Лэйн, «монголы уже достигли слишком большого могущества, чтобы их можно было купить»[651].

В 1276 г. войска монголов, быстро продвигаясь по территории Китая и занимая города один за другим, лишь кое-где встречая героическое, но безрезультатное сопротивление отдельных патриотов, подошли вплотную к столице. Перед лицом непосредственной угрозы жизни сунское правительство подготовило акт о капитуляции и передало его монгольскому главнокомандующему Баяну[652]. Ещё через три года, в 1279 г., один из немногих сохранивших верность национальной династии чиновников с последним малолетним императором на руках бросился в море[653]. Династия Сун, после более чем сорокалетней борьбы, прекратила своё существование.

Хочется согласиться с мнением Н.П. Свистуновой: «на полях сражений и в обороне многие горожане, солдаты и военачальники проявляли чудеса мужества и безупречной верности воинскому долгу, однако, трусливое и бездарное

---

[649] Там же. С. 296.

[650] Там же. С. 297.

[651] *Lane G.* Daily Life... P. 25.

[652] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 298.

[653] *Rossabi M.* Khubilai Khan. P. 94

руководство сделало напрасными многочисленные жертвы»[654]. Хотя следует признать, что Китай дольше многих сопротивлялся монгольской экспансии, и победа завоевателям досталась нелегко.

3.2 Монголы или татары

На протяжении почти двух столетий история необыкновенного взлета монголов будоражит умы ученых. При этом в ходе изучения этого любопытного явления рядом с названием «монголы» нередко встречается другой термин — «татары». Более того, в источниках того времени также периодически встречается близкое соседство, а иногда и взаимозаменяемость этих понятий. И даже в повседневной жизни нам в контексте истории XIII в. часто приходится слышать о монголо-татарах или татаро-монголах.

Из всего достаточно разнообразного массива источников XIII–XIV вв. наибольший объем информации по вопросу связи этих этнонимов и проблеме цветового распределения содержится в двух китайских сочинениях. Это «Мэнда бэйлу» (Полное описание монголо-татар) и «Хэйда шилюе» (Краткие записки о черных татарах). Кроме того, о монголах и татарах писал в своем «Сборнике летописей» Рашид ад-Дин.

Автор «Мэнда бэйлу» Чжао Хун разделяет татар на белых, черных и диких. До этого у китайских авторов была принята другая классификация. В сочинении XI в. «Удай шицзи» 五化史记 (Исторические записки о пяти династиях) впервые упоминаются дикие татары (но о других речи нет)[655]. В то же самое время, Ли Синьчуань 李心傳, автор рубежа XII–XIII вв., южносунский литератор[656], подразделял татар на «культурных» (熟 *shú*, досл. «спелых») и «диких» (生 *shēng*,

[654] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 298.

[655] Мэнда бэйлу. С. 46.

[656] Подробнее о нем см. в: Мэнда бэйлу. С. 93. Прим. 9; *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. М., 2015. С. 22–24.

досл. «сырых»), которые, в свою очередь, делились на белых и черных[657]. При этом «культурные» жили вблизи ханьских земель, умели сеять гаолян и просо, варили зерно для еды, а «дикие» жили далеко, добывали пропитание охотой, не знали железа, утвари, доспехов и использовали костяные наконечники для стрел[658].

Чжао Хун предложил более гибкую градацию. Белые татары, обитавшие поблизости от китайской границ, испытывали на себе сильное культурное влияние Китая, умели сеять просо, глубоко почитали родителей и в случае их кончины изрезывали себе лица[659]. Дикие татары «весьма бедны да ещё примитивны и не обладают никакими способностями … только и знают, что скакать на лошадях»[660]. О черных татарах в целом Чжао Хун сообщает немного: только то, что к ним принадлежит Чингис-хан, его полководцы, министры и сановники[661], но, очевидно, что эта группа татар как раз пребывала в промежуточном состоянии между белыми и дикими, уже получив некоторый доступ к достижениям китайской цивилизации, но еще не успев утратить воинственный пыл, свойственный кочевникам. Впрочем, именно к черным татарам следует относить все сведения о быте, традициях и занятиях, которые Чжао Хун собрал в своих записях.

Из названия второго рассматриваемого нами источника — «Хэйда шилюе» 黑韃事略 явствует, что авторы (Пэн Дая и Сюй Тин) называют монголов татарами («да-да» — 韃靼). Как правило, везде, где речь идет непосредственно о завоевателях, они упоминаются под именем «татары». В частности, среди близких помощников Угэдэя упоминается Аньчжидай (Элчжидай, другой вариант прочтения — Эльчжигидэй[662]). Пэн Дая называет его «черным татарином»[663], как и

[657] *Ли Синьчуань.* Цзяньянь илай чаоъе цзацзи. Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзяньянь. Пекин, 2010. Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 60.

[658] Там же. С. 52–53.

[659] Мэнда бэйлу. С. 45–46.

[660] Там же. С. 48.

[661] Там же.

[662] Сокровенное сказание. С. 171.

другого соратника Чингиса — Мухали[664]. Белых татар Пэн Дая локализует к северо-западу от чжурчжэней[665]. Из текста Ли Синьчуаня явствует, что он не различает монголов и татар, а Темучжин по его схеме относится к черным татарам[666].

Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей» не упоминает разделения татар на черных, белых и диких, что вполне закономерно, поскольку такое цветовое разделение было сугубо китайским изобретением. Однако он весьма подробно останавливается на проблеме двойственности названий «монголы» и «татары»[667], из чего следует, что уже в начале XIV в. эта двойственность осознавалась, а ученые мужи пытались подвести к ней своё обоснование.

Не забудем и «Тайную историю монголов» — монгольское сочинение, которое в своем роде уникально, так как там упоминание народа идет из первых уст. Понятие «монголы» впервые встречается в эпизоде, посвященном Хабул-хану и Амбагай-хану, о которых как раз сказано, что они ведали всеми монголами[668]. Далее, в описании совместного похода Чингиса и Джамухи, последний корил Чингиса за опоздание и говорил: «Разве отличается чем от клятвы монгольское *да*»[669]. На основании этой фразы можно сделать вывод, что «монголы» было общепринятым и осознанным самоназванием, по крайней мере, для двух родов: *кият-борджигин*, к которому принадлежал Чингис, и *чжадаран*, к которому принадлежал Джамуха[670].

Однако в то же время, если мы обратимся к переводу «Тайной истории», выполненному о. Палладием (Кафаровым), то увидим там во всех указанных

---

[663] Хэйда шилюэ. С. 21.

[664] Там же. С. 50.

[665] Там же. С. 52.

[666] *Ли Синьчуань*. Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»... С. 60.

[667] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. С. 77–78.

[668] Сокровенное сказание. С. 84.

[669] Там же. С. 102.

[670] Там же. С. 83.

эпизодах слово *дада* — «татары»[671]. Единственное логичное объяснение такому выбору — текст первоисточника. О. Палладий выполнял свой перевод на основании китайской версии[672]. И это лишний раз доказывает, что для китайцев все монгольские племена обозначались этнонимом *дада*. Однако в другом переводе о. Палладия — «Записки Чжан Дэхоя» — монголы упоминаются исключительно под именем монголов[673]. Чжан Дэхуэй именно так назвал народ, к которому ездил с дипломатической миссией. Татары же не упоминаются вовсе[674].

Многие исследователи задавались сходными вопросами, как и Рашид ад-Дин. Хронологически первым следует упомянуть Н.Я. Бичурина. Его заметка «Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII в.», опубликованная в 1828 г. в составе его «Записок о Монголии», впервые подняла вопрос о взаимосвязи понятий «монголы» и «татары». Он писал, что и монголы, и татары были разными ответвлениями от народа *татань*[675]. В европейское пространство завоеватели вошли под именем татар, поскольку так по случайному созвучию назвали их на Руси[676]. Но, автор специально это подчеркивает, монголы и татары, а так же татары и *татань* — это не одно и то же[677]. Несколько подробнее этот вопрос рассматривался в другой его статье: «Кто таковы были монголы»[678]. Там о. Иоакинф отметил, что между исследователями по вопросу о том, кого же на самом деле следует считать монголами, царят разногласия, поскольку «монгольский народ искони получал народное название от владетельного дома, а

---

[671] Старинное монгольское сказание. С. 32, 54.

[672] П.И. Кафаров пользовался списком текста «Юаньчао миши» из «Юнлэ дадянь», который содержал только связный сокращенный китайский текст, без монгольского текста и китайской транскрипции. См. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 176.

[673] *Чжан Дэхой*. С. 582, 584, 585, 586 и далее.

[674] Ознакомиться с оригинальным текстом источника можно на ресурсе «Chinese Text Project» по ссылке: https://ctext.org/library.pl?if=en&file=84569&page=1&remap=gb.

[675] *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. С. 172.

[676] Там же.

[677] Там же. С. 174.

[678] *Бичурин Н.Я.* Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850. № 24. Кн. 2. С. 85–92.

западные ориенталисты, напротив, ошибочно принимая каждый владетельный монгольский дом за собственный народ … из единоплеменных владетельных домов составили несколько разноплеменных народов» [679] . Таким образом, Н.Я. Бичурин подчеркнул общность происхождения многих кочевников на северных границах Китая, начиная от хунну и заканчивая киданями. При этом он отметил, что их названия — есть суть названия правящих домов, и все они относятся к монгольскому народу [680] , при этом же правящий дом монголов находился «в числе родов, первоначально составлявших Татаньский аймань»[681], и дал ему впоследствии своё имя. То есть исследователь предлагает другой общий этноним — *татань* (塔坦), который мог использоваться до воцарения Хубилая и как название страны [682] . Главной же идеей своих работ Н.Я. Бичурин полагал разграничение монгольского народа и монгольского правящего дома, которые возникли в разное время и соотносились друг с другом весьма условно. Происхождение монгольского народа автор датировал временами до Р.Х., в то время как правящий дом монголов вышел на историческую арену только в IX в.[683]

В.В. Бартольд не занимался проблемой наименования специально, однако упоминал, что монголы сами себя называли татарами[684], очевидно, опираясь на сведения из «Мэнда бэйлу». Там сообщается, что в беседе с китайскими послами наместник Чингиса в Северном Китае Мухали называл себя «мы, татары»[685] («да-да» — 韃靼). Однако Н.Ц. Мункуев в своих комментариях к переводу «Полного описания монголо-татар» обоснованно трактовал такую формулировку не как реальное отождествление себя с татарским племенем, а как использование

[679] Там же. С. 85.

[680] Там же. С. 86.

[681] Там же. С. 89.

[682] *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. С. 172.

[683] *Бичурин Н.Я.* Кто таковы были монголы. С. 91.

[684] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана… С. 255.

[685] Мэнда бэйлу. С. 53.

названия, принятого у китайцев для всех монгольских племен[686]. Более того, Н.Ц. Мункуев справедливо отметил, что в монгольском тексте «Юаньчао биши» монголы к себе название «татары» не применяют[687]. Таким образом, данное утверждение В.В. Бартольда сегодня представляется ошибочным, поскольку обойти молчанием собственное самоназвание неизвестные авторы «Тайной истории» вряд ли могли.

В монографии Н.Ц. Мункуева «Китайский источник о первых монгольских ханах» особо отмечен факт, что слово «да-да» (韃靼), которым в китайской средневековой литературе называют всех монголов, на самом деле является названием только одного из монгольских племен — татар[688]. В его же статье «Заметки о древних монголах»[689] сказано, что этнонимы «монголы» и «татары» «охотно принимались как самоназвания каждый в свое время различными монгольскими и иногда даже немонгольскими племенами, ввиду господствующего положения татар и монголов»[690].

Еще одна статья, имеющая косвенное отношение к рассматриваемому нами здесь вопросу, это «Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах» Всеволода Сергеевича Таскина[691]. Анализируя данные китайских текстов о переселениях и расселении кочевых племен, в том числе, и монголов, на приграничных с Китаем территориях, автор предложил концепцию, согласно которой древнемонгольские племена изначально обитали в верховьях Амура, и только начиная с I в. н.э. стали перемещаться в центральноазиатские степи[692].

---

[686] Там же. С. 135.

[687] Там же. С. 53.

[688] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 136. Прим. 34.

[689] *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах. С. 377–408.

[690] Там же. С. 402. Прим. 7.

[691] *Таскин В.С.* Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 2. М., 1979. С. 34–49.

[692] Там же. С. 45.

Кое-что по этому поводу писали и этнологи. Интересна в этом отношении книга Лидии Леонидовны Викторовой «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры»[693]. Как следует из названия, главным содержанием исследования стал монгольский этногенез, однако нам оно интересно еще с точки зрения разграничения монголов, татар и других племен, населявших в то время Степь, с точки зрения локализации их кочевых территорий, что необходимо для правильного представления о том, с какими именно монголами пришлось столкнуться Китаю в ходе завоеваний XIII в., поскольку географический фактор особенно важен. Ведь в ту пору существовало две заселенных монголами территории, что следует учитывать. Автор подчеркивает тот факт, что в эпоху Сун «татарами называли все некитайское население центральноазиатских степей, независимо от этнической принадлежности»[694].

Несколько позже, в 1988 г. вышла книга «Категории и символика традиционной культуры монголов» [695] Натальи Львовны Жуковской, представляющая собой результат изучения монголов глазами полевого этнолога. Интереснейший материал по кочевой повседневности, особенностям человеческих взаимоотношений сквозь призму традиционных верований, по восприятию мира и его организации, собранный в экспедициях к современным монголам, служит прекрасной базой для понимания тех же самых аспектов существования монголов средневековых. Как нельзя было наступать на порог в эпоху Чингис-хана[696], так и в XX в. это считается недопустимым [697]. В 2002 г. свет увидела дополненная и значительно расширенная редакция работы под названием «Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика»[698], освещающая культуру питания монголов[699],

---

[693] *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

[694] Там же. С. 163.

[695] *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

[696] *Плано Карпини*. С. 30.

[697] *Жуковская Н.Л.* Категории и символика... С. 21.

[698] *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М., 2002.

[699] Там же. С. 86–103.

их традиционные праздники[700], язык жестов и поз[701], понимание сакральности пространства и порядка перекочевок[702], а главное, особенности цветовой символики, столь важной для выяснения, кого и почему называли «черным» или «белым»[703].

О значении цветов в мировосприятии монголов и китайцев также писал в своей специальной статье Омельян Притсак[704]. Основной темой его исследования стало пространственное ориентирование в среде кочевников, уходящая корнями в эпоху возвышения сюнну система крыльев и принципы их деления на правое и левое, то есть восточное и западное у сюнну[705], южное и северное у древних тюрок, западное и восточное у монголов и уйгуров[706]. Помимо этого, он рассматривает соотношение сторон света и цветовых символов, делая ряд интересных наблюдений о белых татарах и смысловой нагрузке такого цветового обозначения[707].

Вопросом о различиях между этнонимами «монголы» и «татары» задался Р.П. Храпачевский[708]. Изучая проблему, он обратился к текстам династий Южная Сун, Ляо и Цзинь[709], и на основании этих материалов попытался внести ясность в отделение «монголов» от «татар». При этом автор углубился в древнюю историю

---

[700] Там же. С. 59–82.

[701] Там же. С. 145–154.

[702] Там же. С. 13–38.

[703] Там же. С. 201–203.

[704] *Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenezeichnungen in den altaischen Völkennamen // Saeculum. 1954. Vol. 5. S. 374–382.

[705] Ibid. S. 379.

[706] Ibid. S. 381.

[707] Ibid. S. 378, 380.

[708] *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»…

[709] «Ляо ши» (История династии Ляо), «Тунцзянь ганму» (Главные устоит всеобщего зерцала), «Цзинь ши» (История династии Цзинь), «У дай ши» (История пяти династий), «Да Цзинь гочжи» (Описание государства Великое Цзинь), «Цзяньянь яолу» (Хроника событий с периода Цзяньянь) — См.: Там же. С. 104–273.

кочевников, ища лингвистические параллели между племенными названиями, с чем оказались согласны не все историки[710]. Однако, несмотря на признание некоторых выводов автора сомнительными, сама работа представляет немалый интерес собранным фактологическим материалом. В особенности, переводом посвященных монголам (и татарам) фрагментов из сочинения Ли Синьчуаня «Цзяньянь илай чаое цзацзи» 建炎以来朝野雜记 (Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзяньянь)[711].

Также хотелось бы упомянуть любопытную статью И. де Рахевильца «Наименование монголов в Азии и Европе: переосмысление»[712]. В ней автор не только анализирует причины перехода этнонима «татары» на монголов по причине их возвышения в Степи и вытеснения татар из занимаемой ими ниши гегемонов региона[713]. Он также отмечает, что в Европе название «татары» прижилось из-за своего созвучия с Тартаром, который ассоциировался у европейцев с дьяволом и преисподней, впрочем, как и завоеватели[714]. Но что еще интереснее, он задается вопросом о природе появления двух написаний самого этнонима «монголы» — потому что в некоторых источниках монголы фигурируют как «моголы», без звука «н»[715]. Согласно его наблюдениям, все дело в том, что слово «монгол» в уйгурском написании очень схоже со словом «мунгул» — «глупый». И чтобы даже случайно не быть заподозренными в оскорбительных помыслах, писцы-уйгуры, трудясь на своих победителей, стали намеренно опускать это спорное «н»[716].

---

[710] См. *Тишин В.В*. Рецензия на книгу: Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 813.

[711] *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»... С. 50–77.

[712] *Rachewiltz I. de* The Name of the Mongols in Asia and Europe: a Reappraisel // Etudes mongoles et siberiennes. 1996. Vol. 27. P. 199–210.

[713] Ibid. P. 203–205.

[714] Ibid. P. 205.

[715] Ibid. P. 206.

[716] Ibid. P. 209.

Теперь рассмотрим более детально пару «монголы — татары». Этнические татары некогда были отдельным народом. В VIII в. они находились под властью тюркского каганата, затем — уйгурского ханства, а в середине IX в. откочевали к западным границам Китая[717], и есть сведения, что в X в. они активно торговали с китайцами и присылали к императорскому двору послов с дарами[718]. Рашид ад-Дин пишет, что «при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом от других»[719]. При этом он отметил, что «различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним (татарам — Е.Н.) и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, все они (различные племена — Е.Н.) из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени»[720]. С предложенной Рашид ад-Дином трактовкой соглашаются некоторые современные исследователи — С.Г. Кляшторный[721], Н.Н. Крадин[722].

В.В. Бартольд считал, что Чингис-хан принял наименование «монголы» в качестве официального, желая подчеркнуть преемственную связь своей власти с Хабул-ханом и Хутулой-ханом[723], которые почитались всеми без исключения монгольскими родами.

Взаимоотношения монголов с собственно татарами складывались далеко не самым мирным образом. Именно татары погубили хана Амбагая, о котором в

---

[717] *Викторова Л.Л.* Монголы. С. 158.

[718] Там же. С. 160.

[719] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 102.

[720] Там же.

[721] *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Азии. СПб., 2005.

[722] *Крадин Н.Н.*, *Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

[723] *Бартольд В.В.*Туркестан… С. 447.

«Юаньчао биши» говорится, что он «ведал всеми монголами»[724]. Согласно преданию, Амбагай провожал свою дочь замуж в одно из татарских племен и по дороге был захвачен воинами из другого татарского племени, которые отдали его в руки чжурчжэней. Те казнили Амбагая, но он завещал своим потомкам отомстить за вероломство[725]. Позднее именно татары, проигнорировав священные законы гостеприимства, отравили Есугея, отца Темучжина, когда тот заехал к ним на праздник[726]. Заметим, что Рашид ад-Дин в своём труде не уточняет обстоятельства смерти Есугея, однако упоминает его несомненную вражду с татарами[727].

После нескольких сражений, в 1202 г. Чингис-хан одержал над татарами окончательную победу и, в память о том, что «татарское племя — это исконные губители дедов и отцов наших», приказал перебить всех, кто ростом выше тележной чеки[728]. Впрочем, имелась в монгольско-татарских отношения и другая сторона: в «Юаньчао биши» сказано, что у Чингис-хана было также две татарские жены — сестры-красавицы Есуй и Есуген[729].

Следует иметь в виду, что сам термин «монголы» не имеет однозначной этнической принадлежности, поскольку к моменту начала Чингис-ханом своих завоеваний монголы одновременно населяли два отдаленных друг от друга региона: территорию современной Монголии и северо-западное пограничье Китая.

В верховья рек Онона и Керулена (регион Трехречья) монголы переселились из северо-западной Маньчжурии[730]. Е.И. Кычанов примерно датирует это расселение началом X в.[731] О наличии двух государств упоминается в сочинении Ли Синьчуаня: «Существовало еще какое-то монгольское государство. Оно

[724] Сокровенное сказание. С. 84.

[725] Там же.

[726] Там же. С. 87.

[727] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 75.

[728] Сокровенное сказание. С. 123.

[729] Там же. С. 124.

[730] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 174.

[731] Там же. С. 177.

находилось к северо-востоку от чжурчжэней. При Тан[732] его называли племенем мэн-у. Цзиньцы называли его *мэн-у*, а также называли его *мэн-гу* … Теперь татары называют себя Великим монгольским государством, и поэтому пограничные чиновники именуют их *мэн-да*. Но эти два государства отстоят друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли. Неизвестно, почему они объединены под одним именем»[733]. Несколько далее Ли Синьчуань писал также о том, что двойное название «монголо-татары» идет, вероятно, от тех времен, когда у империи Цзинь на северо-востоке было учреждено управление по привлечению и подавления монголов, а на юго-западе — татар[734]. В.С. Таскин, основываясь на сочинениях Рашид ад-Дина и истории династии Вэй, писал, что древние монгольские племена появились в центральноазиатских степях в еще I в.[735]. А упомянутое Ли Синьчуанем место обитания монголов к северо-востоку от империи Цзинь как раз вполне соответствует названному В.С. Таскиным региону первичного расселения монголов у истоков Амура. Похожей точки зрения придерживается и М. Бурган, писавший в своей книги «Империя монголов», что монголы — переселенцы из Сибири[736].

Среди отечественных востоковедов есть мнение, согласно которому изначально население т.н. Великой Монголии именовалось китайцами «татары», так что это название и закрепилось позднее за перекочевавшими туда монголами[737]. В то же самое время на политической горизонте Китая оставались и монголы северо-востока, которые были известны в Поднебесной именно как монголы. Чтобы различать два народа, ближайших соседей китайцы стали называть татарами, а северные кочевники сохранили имя монголов.

---

[732] Династия Тан (618–907).

[733] *Ли Синьчуань*. Цит. по Мэнда бэйлу. С. 51. См. также *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 56.

[734] Там же. С. 59.

[735] *Таскин В.С.* Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах. С. 45.

[736] *Burgan M.* Empire of the Mongols. P. 22.

[737] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 149.

Теперь обратимся ко второй интересующей нас паре терминов: «черные татары — белые татары».

О. Притсак писал, что белыми татарами называли *онгутов*, в то время как черные татары — это и есть настоящие монголы[738]. *Онгутов* относил к белым татарам и Р.П. Храпачевский[739], и Н.Ц. Мункуев[740], и о. Палладий[741]. Как считает этнолог и монголовед Л.Л. Викторова, деление на «белых», «черных» и «диких», вероятнее всего, осуществлялось не по этническому принципу, а именно по уровню хозяйственно-культурного развития: «белые» — земледельцы, «черные» — скотоводы-кочевники, «дикие» — охотники[742]. Хотя причин выбора такой терминологии она, к сожалению, не объясняет.

Если обратиться к традиционной монгольской символике цвета, то мы увидим следующее: белый цвет монголами очень почитался. Н.Л. Жуковская приводит целый ряд примеров — на белом войлоке поднимали великого хана во время избрания; особое, сакральное значение имело молоко и молочная пища; высоко ценились белые животные[743]. Мать Чингиса, Оэлун, ездила в повозке, запряженной белым верблюдом[744]. Завоеванные племена посылали Чингису в знак покорности белых коней, соколов и кречетов[745]. Кроме того, в монгольской геосимволике белый цвет олицетворял запад[746].

Черный цвет у монголов, как и у большинства других народов, рассматривался как антагонист белому. Он символизировал бедность, злость,

---

[738] *Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. S. 378.

[739] *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»... С. 37, 96. Прим. 28.

[740] Мэнда бэйлу. С. 93.

[741] Старинное монгольское сказание. С. 170–171.

[742] *Викторова Л.Л.* Монголы. С. 163.

[743] *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. С. 201–202.

[744] Сокровенное сказание. С. 176.

[745] Там же. С. 174–175.

[746] *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. С. 203.

жестокость [747] . Однако имелось и положительное значение: черное знамя Чингисидов воплощало грозную, карающую силу, в то время как белое олицетворяло победу[748].

Китайская цветовая символика намного сложнее. Черный и белый входят в набор основных, «чистых» цветов, так же, как и у монголов. Однако перечень значения этих цветов значительно шире. У китайцев черный обозначал север, а белый — запад[749], и это совпадает с монгольской традицией, давая основание предполагать общие корни такого восприятия. Черный — цвет разорения, опустошения, а белый — цвет чистоты, согласия и траура[750]. В то же время, черный — цвет силы, а белый — почтенной старости[751]. В пекинской опере белый цвет грима означал коварство и вероломство, а черный — непреклонность и бескорыстие [752] . Последняя характеристика с некоторой натяжкой может быть приложена к рассматриваемому случаю, поскольку китайские авторы неоднократно отмечали непреклонность и бескорыстие монголов Чингиса и объясняли это отсутствием у них советников, которые со временем всё могут испортить[753]. Белые же татары общались с китайцами дольше и уже могли быть приучены к интригам и обману. Впрочем, это исключительно наша гипотеза, подвести под которую дополнительную доказательную базу пока не представляется возможным. Если же опереться на географическое толкование, то монголы Чингис-хана в самом деле обитали к северу от Китая. Однако онгуты жили не настолько западнее, чтобы получить прозвание белых.

Таким образом, на сегодняшний день нельзя однозначно обозначить причину, по которой монголы Чингис-хана именовались в китайских сочинениях именно

---

[747] Там же.

[748] *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. С. 87.

[749] *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. М., 2004. С. 319.

[750] Духовная культура Китая. Т. 6. С. 58.

[751] Там же. С. 771.

[752] Там же. С. 773.

[753] Мэнда бэйлу. С. 79.

«черными татарами». Есть ряд предположений, не достаточно обоснованных, чтобы стать общепризнанной теорией. Среди них — стремление китайцев называть новых обитателей близлежащих регионов привычными именами; стремление монголов на ранних этапах создания империи воспринять славу могущественного татарского племени путем заимствования названия; разделение по принципам геосимволики или цветового обозначения уровня культурного развития, в том числе, по склонности к интригам и коварству.

Глава 4. Представления о верховной власти

В канун великих завоеваний монголы не имели общего вождя, «и пребывали они в бедности, лишениях и несчастьях, пока не взметнулось знамя удачи Чингис-хана»[754]. Между племенами велась постоянная борьба, о которой неизвестный автор «Юаньчао биши» написал: «Звездное небо поворачивалось — была распря всенародная. В постель свою не ложились — все друг у друга добычу забирали. Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под своё одеяло — до того шла общая вражда»[755]. Однако при этом представления о верховной власти в среде монголов существовали, и весьма четкие. Хотя, следует признать, от представлений оседлых народов они отличались весьма существенно.

Дискуссия о власти и государственности у монголов началась давно и продолжается до сих пор. Проблема с разных сторон рассматривалась многими исследователями, среди которых Т.Д. Скрынникова, Н.Н. Крадин, Ш. Сандаг, Н.Ц. Мункуев, Т. Барфилд, В.В. Трепавлов. Нас эта проблема интересует постольку, поскольку в развитии идеологии, государственном устройстве и политическом мышлении монголов XIII в. немалую роль сыграло китайское влияние, аспектам которого и посвящено наше исследование.

Монография Т.Д. Скрынниковой «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана»[756] явилась результатом продолжительной исследовательской работы, некоторые тезисы которой были впервые озвучены двумя годами раньше[757]. Тема сакрального обоснования власти великого хана при Чингисе приобрела особое звучание благодаря смешению традиционной кочевой идеологии с китайскими представлениями о власти, дарованной Небом. Этот же вопрос позднее разрабатывается автором в статье «Структура власти монгольских кочевников

---

[754] *Джувейни*. С. 17.

[755] Сокровенное сказание. С. 185.

[756] *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997, 2013.

[757] *Ее же.* Представления монголов XIII в. о харизме и культ Чингис-хана // Тайная история монголов. С. 66–87.

эпохи Чингис-хана»[758] наряду с актуальными темами организации государства подобно войску по принципу трех крыльев, распределения уделов по степени престижности, порядка наследования сыновьями и братьями.

Очень любопытна статья Юлия Ивановича Дробышева «Мандат Неба в руках монголов»[759]. Она была опубликована в юбилейном сборнике выдающегося тюрколога Дмитрия Дмитриевича Васильева. Предметом рассмотрения своей работы автор избрал особенности идеологической подоплеки принятия монгольской династии Китаем в качестве легитимной, со всеми вытекающими из этого последствиями. В частности, опираясь на его наблюдения, можно провести логичную параллель между монгольскими представлениями о *харизме* и китайской концепцией присущей императору «благой силы *дэ*»[760]. Из этого следует, что семена китайских учений о небесном происхождении власти попали в монгольской среде на благодатную почву.

Шагдарын Сандаг в своей статье, посвященной образованию монгольского государства[761], отмечал, что монгольское общество к середине XII в. уже далеко прошло по пути социального расслоения, и это объективно являлось предпосылкой к складыванию государственных властных институтов[762], так что возникновение абсолютной монархии после победы над Таян-ханом оказалось закономерным. Однако при этом новую монархию отличало преобладание принципа личных заслуг над родовитостью при распределении должностей и преднамеренная размытость прежних племенных структур[763].

---

[758] *Скрынникова Т.Д.* Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. И.В. Следзевский. М., 2002. С. 204–219.

[759] *Дробышев Ю.И.* Мандат Неба в руках монголов // Basilues. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Отв. ред. И.В. Зайцев. М., 2007. С. 137–156.

[760] Там же. С. 140.

[761] *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингис-хан… С. 23–46.

[762] Там же. С. 26.

[763] Там же. С. 35.

Также, говоря о проблеме верховной власти в среде монголов эпохи возвышения Чингис-хана, нельзя обойти вниманием монографию Томаса Дж. Барфилда «Опасная граница. Кочевые империи и Китай»[764]. Замечательное исследование, переведенное на русский язык по инициативе С.Г. Кляшторного, посвящено проблемам взаимоотношения Китая и его неспокойных кочевых соседей на протяжении нескольких веков их тесного сосуществования. При этом отношения с монголами стоят в этой работе особняком, поскольку автор считает факт возникновения империи Чингис-хана уникальным на фоне всех прочих империй, появлявшихся в приграничье Китая. Причинами для этого служат обстоятельства прихода Чингиса к власти, отличающиеся от обстоятельств у других основателей империй[765], и отношения, выстраиваемые впоследствии между Чингисом и его ближайшим окружением[766]. Отношения, базировавшиеся на личностных связях, а не на узах родства.

Помимо детального анализа государственной структуры, создаваемой Чингис-ханом, Т. Барфилд уделил особое внимание механизму престолонаследования, междуусобным конфликтам, которые спровоцировал Чингис, назначив своим преемником третьего сына и создав тем самым прецедент, а также судьбе династии Юань, которая, как и первоначальная империя монголов, до распада, оказалась, с точки зрения автора, явлением совершенно нетипичным что для степей, что для оседлого Китая[767].

В.В. Трепавлов в ряде своих исследований[768] рассматривал процесс становления власти Чингиса и объединения вокруг него соседних народов, которое иногда случалось и на добровольных началах. Одним из важных факторов, определивших победу Чингиса в своем начинании автор считает совпадение

[764] *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай. СПб., 2009.

[765] Там же. С. 290.

[766] Там же. С. 296.

[767] Там же. С. 344.

[768] См.: *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи; *его же* Степные империи. Монголы и татары.

интересов вождя и его нойонского окружения из родоплеменной знати на самом начальном этапе объединения, и затем — торжество новой военной знати над старой племенной[769].

Некоторые исследователи, как, например, Е.И. Кычанов[770], Ш. Сандаг[771], склонны видеть в монгольском обществе того времени признаки формирования государства. Н.Ц. Мункуев высказывал предположение, что государственное объединение впервые возникло в монгольской степи с приходом к власти Чингис-хана[772]. Того же мнения придерживался Г.Е. Марков[773]. Н.Н. Крадин писал, что социально-политическую организацию монголов следует определить как «предклассовую структуру»[774], применив к ней термин *вождество*, поскольку это «социальный организм, состоящий из нескольких общинных групп; иерархически они подчинены центральной, как правило, наиболее крупной из них, в которой проживает правитель (вождь); опираясь на зачаточные органы власти, вождь организует экономическую, редистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культовую деятельность общества»[775]. При этом, согласно теории, одним из признаков вождества, отличающим его от государства, является «отсутствие узаконенной власти, обладающей монополией на применение силы»[776]. Надо признать, что к монгольскому обществу рубежа XII–XIII вв. это как нельзя более применимо.

4.1 Вождь дочингисовой эпохи

Вожди среди монголов были. Есугей, отец Темучжина, предводительствовал над несколькими родами, имел прозвание *багатур* — «богатырь», Рашид ад-Дин

---

[769] *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. С. 29–30.

[770] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 182.

[771] *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства… С. 26.

[772] *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах. С. 379.

[773] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. С. 49.

[774] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов… С. 54.

[775] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 107.

[776] Там же. С. 108.

называл его «правителем и главою над всеми племенами, которые были подчинены предшествующими ему поколениями»[777]. Однако татары отравили своего давнего недруга во время празднества. Едва Есугей скончался, как тайджиуты, принадлежавшие «к числу его двоюродных братьев и родичей его предков»[778], немедленно откочевали, бросив на произвол судьбы его вдову Оэлун с детьми, старшему из которых было всего девять лет[779]. Власть вождя среди монголов существовала, только пока жив был сам вождь.

На заре величия Чингис-хана несколько племен помышляли присоединиться к нему добровольно, потому что «этот царевич Темучжин снимает одетую на себя одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает ее. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус»[780]. Упоминание об этом эпизоде встречается не только у Рашид ад-Дина. В «Старинном монгольском сказании о Чингис-хане» есть схожий пассаж: «Царевич одевает людей своим платьем, дает им ездить на своих конях. Этот человек непременно успокоит народ и утвердит царство»[781]. Щедрость с соратниками представлялась в кочевой среде одной из главных добродетелей правителя. Именно благодаря щедрости он мог удержать около себя подчиненных. Тут и речи быть не может о каком-либо легитимном принуждении — для этого просто нет никаких рычагов воздействия. «Власть лидера держится только до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видят в ней выгоду для себя»[782]. Пока Есугей был выгоден тайджиутам, они кочевали под его предводительством, но стоило ему погибнуть, как объединение распалось.

Из выше сказанного следует, что какие-либо властные структуры могли возникать исключительно на условиях взаимовыгодного симбиоза. При этом от

[777] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 74.

[778] Там же. С. 75.

[779] Сокровенное сказание. С. 87.

[780] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 90.

[781] Старинное монгольское сказание. С. 155–156.

[782] *Крадин Н.Н.*, *Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 285.

вождя требовалась не только щедрость. Б.Я. Владимирцов писал: «Степной аристократии важен и нужен был порядок внутри ее кочевий и очень выгодны наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забирать добычу»[783]. Вождь должен был уметь одержать победу в походе, заключить выгодный мирный договор с оседлыми соседями. Такие договоры давали возможность получать товары земледельческой цивилизации в качестве подарков и заключались, как правило, под угрозой нападения. Это была так называемая стратегия «внешней границы»: периодические набеги с целью устрашения, не сопровождавшиеся оккупацией территорий с оседлым населением даже после побед, получения дани или подарков (от изменения наименования суть этих отступных не менялась), открытие приграничных рынков для сбыта продуктов кочевого хозяйства[784]. Без этого о какой-либо племенной поддержки не могло быть и речи[785].

Правитель выступал «единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью», но во внутренней жизни политического объединения (будь то кочевая империя или союз племен) решения принимали сами племенные вожди[786], это был «вариант системы отношений, называемых в политической антропологии взаимным обменом услугами»[787]. Хана избирали из среды самых родовитых[788]. Первое избрание Темучжина следует рассматривать, скорее, как отступление от правил, поскольку среди избиравших его были представители гораздо более знатных родов, что, между прочим, признавал и сам Чингис[789].

Четко сформулировал права и обязанности хана В.В. Бартольд: хан «ведет своих сподвижников к победам, начальствует над ними в походах и на общей охоте

---

[783] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 381.

[784] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 303–307; *Дробышев Ю.И.* У истоков имперской идеологии средневековых монголов. С. 275–278.

[785] *Lane G.* Daily Life in Mongol Empire. P. 21.

[786] *Крадин Н.Н.*, *Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 283–284.

[787] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов… С. 51.

[788] *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингис-хан… С. 28.

[789] Сокровенное сказание. С. 137.

и за это получает лучшую часть добычи»[790]. На такое распределение есть прямые указания в источниках. В «Юаньчао биши» описан процесс первого избрания Темучжина ханом[791] и приведен текст своеобразной клятвы верности, которую дали ему представители кочевой знати: «будем пригонять тебе прекрасных дев и жен… при облавах на горного зверя будем выделять тебе половину»[792]. А Рашид ад-Дин приводит речь Чингиса, в которой тот характеризует себя как хана: «Я полагаю, что раз я стал государем и предводителем войска многих областей, мне необходимо печься о подведомых мне. Много табунов и стад, стойбищ, жен и детей я захватывал у людей и отдавал вам. Для вас я устраивал степные запалы на степную дичь и гнал в вашу сторону дичь горную»[793]. Впрочем, уже на начальном этапе объединения степи Темучжин ясно дал понять, что не намерен довольствоваться ролью верховного главнокомандующего во время набега. Он начал выстраивать жесткую военно-иерархическую структуру, так что общество перешло из «общинно-кочевого состояния в военно-кочевое»[794]. По мере расширения границ империи менялось и положение правителя. С.Г. Кляшторный сформулировал перечень прав и вытекающих из них обязанностей великого хана, заметно отличающийся от перечня В.В. Бартольда (в данном случае речь идет уже о хане в качестве главы государства, каковым Чингис стал, начав свои завоевания): верховное право на все земли государства и главная обязанность — охрана страны от внешних врагов; право объявления войны и заключения мира и обязанности предводителя войск; право переговоров с иностранными государствами и

---

[790] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 258.

[791] Интересные рассуждения о самом понятии «хан» имеются в работе В.В. Трепавлова «Государственный строй Монгольской империи»: автор анализировал использование в тексте «Тайной истории» слов *хан* и *хаган* и пришел к выводу о том, что в то время, как подданные и приближенные признавали Чингиса *хаганом,* верховным правителем, остальные считали его только *ханом,* то есть всего лишь предводителем *улуса.* См. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. С. 61.

[792] Сокровенное сказание. С. 108.

[793] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 129.

[794] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов… С. 56.

обязанность определять внешнеполитический курс страны; право распоряжаться жизнью и смертью подданных и обязанности верховного судьи; право издавать законы и обязанность сохранения существующего порядка[795].

Утвердив свою верховную власть над всеми покоренными племенами Степи, Чингис-хан создал некое общественное образование, в котором уже имели отражение все перечисленные выше функции настоящего хана-правителя, а не просто верховного главнокомандующего на период грабительского набега. Но это положение «важно было закрепить политически» [796]. Ш. Сандаг пишет, что государство Чингис-хана было создано на базе *Qamuq mongqol* [797]. Стоит выяснить, что понимается под этими словами.

Среди ученых словосочетание *qamuq mongqol*, дважды встречающееся в «Юаньчао биши» и имеющее несколько вариантов перевода, вызывает много споров[798]. Одни трактуют его как название первого монгольского государства или общемонгольский этноним, другие считают, что наивысшей степенью организации для монголов начала XII в. мог быть только союз племен, а это словосочетание представляет собой просто фразу «все монголы», без дополнительного значения имени собственного.

Из отечественных специалистов первой точки зрения придерживаются Ш. Сандаг[799], Е.И. Кычанов[800], монгольский историк Ш. Нацагдорж[801]. Вторую точку зрения отстаивают С.А. Козин[802], Н.Ц. Мункуев[803], Н.Н. Крадин[804]. Нам

---

[795] *Кляшторный С.Г.*, *Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. С. 198.

[796] *Сандаг Ш.* Образование монгольского государства… С. 34.

[797] Там же.

[798] Об этой дискуссии см. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 103–104.

[799] *Сандаг Ш.* Образование монгольского государства… С. 25–26.

[800] *Кычанов Е.И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 169.

[801] История МНР. С. 109.

[802] Сокровенное сказание. С. 84.

[803] *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах… С. 379–382.

представляется более вероятной вторая гипотеза. Если бы *Qamuq mongqol* представляло из себя государственное образование, у этого государства, помимо названия, должны были бы быть хоть какие-то властные институты. А в источниках ни о чем подобном не говорится. Напротив, после своей окончательной победы над степью Чингис, говоря об организации своей личной гвардии[805], возложил на неё много различных по своему характеру обязанностей — охранять особу хана, обеспечивать функционирование хозяйства ханской ставки, распределять добычу, участвовать в судебных делах[806]. Своему верному соратнику Шиги-Хутуху он поручил заведывание Верховным общегосударственным судом со словами: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй[807]». Эти функции являются обязательными чертами государства, а наличие специальных установлений Чингис-хана означает, что прежде ничего подобного в монгольской среде попросту не существовало. Созданное Чингисом образование, зарождающаяся империя, за счет наделения ее перечисленными выше институтами, получила определенную долю привлекательности в глазах соседних народов. Отечественный монголовед В.В. Трепавлов в связи с этим даже писал о своеобразной «монголофилии», как частном случае «империофилии» — явления не столь редкого в случае становления сильного государства в среде раздробленных соседей. Проявлениями этой «монголофилии» он назвал акты добровольного присоединения к Чингису тюрков Южной Сибири и Восточного Туркестана[808]. И с этим трудно не согласиться — что-что, а порядок и безопасность монгольские власти гарантировали.

---

[804] *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 151.

[805] Сокровенное сказание. С. 168.

[806] Там же. С. 170–174.

[807] Там же. С. 159–160.

[808] *Трепавлов В.В.* Степные империи. Монголы и татары. С. 7–8.

Еще один любопытный момент — словосочетание *Yeke Mongγol Ulus*, не встречающееся в «Тайной истории», однако написанное на печати Гуюка[809], а также, в переводе на китайский язык, встречающееся в «Мэнда бэйлу» и «Хэйда шилюе» (大蒙古国, *dà měnggǔguó*)[810]. Перевести его можно «Великое Монгольское государство» или «Государство Великих монголов»[811]. Поскольку речь также идет о названии государства, уместно будет рассмотреть этот вопрос немедленно. Специальную статью написал по этому поводу И. де Рахевильц[812]. Его интересовала дата принятия такого наименования и обстоятельства, при которых монголы стали называть себя «великим государством». Проанализировав ряд китайских письменных источников, в которых фигурирует этот термин, И. де Рахевильц пришел к выводу, что эпитет «великий» вошел в употербление в 1211 г., после того, как Чингис в открытую выказал неповиновение послам чжурчжэней и тем самым окончательно разорвал свою вассальную зависимость от империи Цзинь[813]. Отсутствие же такой формулировки в «Тайной истории» автор объясняет тем, что название было «дословным переводом китайского выражения, скопированного с официального наименования у империи Цзинь»[814], а также тем, что монголы Чингис-хана еще не осознали себя нацией, которая могла бы принять такое название. Однако со временем, по мере развития государственного самосознания, словосочетание «Великое Монгольское государство» вошло в употребление уже как официальное наименование империи, чему свидетельством является наличие этих слов на печати великого хана Гуюка, приложенной к письму римскому папе Иннокентию IV — более официальный документ трудно себе представить.

---

[809] *Mostaert A., Cleaves F.* Trois documents mongols des Archives secretes Vaticanes // HJAS. 1952. Vol. 15. P. 485.

[810] См. Хэйда шилюэ. С. 56. Прим. 2; Мэнда бэйлу. С. 52.

[811] О дискуссии по поводу перевода см. в: *Mostaert A., Cleaves F.* Trois documents Mongols… P. 486.

[812] *Rachewiltz I. de* The Genesis of the Name Yeke Mongol Ulus // EAH. 2006. № 31. P. 53–56.

[813] Ibid. P. 55.

[814] Ibid.

4.2 Чингис-хан как реформатор

На завоеванные территории монголы привнесли собственное административно-территориальное деление — на *улусы*. В основе этого деления лежало представление о государстве как о «достоянии всего рода того лица, которое создало державу»[815]. Ещё при жизни Чингис-хан выделил своим родичам такие уделы, рассматривая свою империю с точки зрения родовой собственности, от которой каждому представителю правящего Золотого рода полагается *улус* (крепостные вассалы), *юрт* (территориальное владение) и *инджу* (доход, соответствующий нуждам двора и войска)[816]. Именно такой подход в значительной мере обусловил быстрое дальнейшее разделение единой империи на несколько фактически самостоятельных государств. Выделение *улусов*, в которых владельцы выступали полновластными хозяевами, уже при Угэдэе расценивалось как угроза центральной власти великого хана. Против этого решительно выступал ханский советник Елюй Чуцай[817], убеждавший Угэдэя проявлять любовь и уважением к царевичам путем раздачи золота и шелка, но не земельных уделов. Угэдэй, однако, не последовал этому совету[818]. Распределение *улусов* считалось одной из непременных обязанностей хана, который мог даже отобрать владение, если обладал достаточной для этого военной силой. Система складывалась многоступенчатая: «царевичи, потомки первых владельцев *улусов*, получали в свою очередь уделы, становясь вассалами вассалов»[819]. Фактически под властью хана оставалась примерно половина населения страны: из 1830 тыс. семей, учтенных во время переписей 1233 и 1236 гг. приблизительно 900 тыс. принадлежало уделам монгольской знати и, таким образом, выпадало из-под ханского контроля[820].

---

[815] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 395.

[816] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 627.

[817] Подробнее о личности и деятельности Елюй Чуцая см. в: *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 11–29; 185–202; *Prawdin M.* The Mongol Empire. P. 233–247; *Rossabi M.* Khubilai Khan. P. 9–11.

[818] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 79.

[819] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 396.

[820] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 119.

Многие исследователи отмечают ещё одну характерную черту власти монгольского хана: наличие у него *харизмы* [821] — «особой субстанции, обеспечивающей благополучие всего социального организма» [822]. *Харизма* рассматривалась как обязательное условие успешного исполнения ханом своих функций, при этом она была связана не просто с конкретным родом, а со старшим в роде. Хан становился таковым по воле Неба, которому поклонялись монголы. В «Сокровенном сказании» сказано: «Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства»[823]. Через *харизму* происходила сакрализация власти, закрепление за ханом особых, жреческих функций[824]. В источниках есть несколько упоминаний того, как Чингис молится Великому Небу. Избегнув опасности во время нападения меркитов, будущий великий хан «обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, обнажив грудь, девятикратно поклонился солнцу» [825]. Перед походом на Хорезм он «поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник к земле. В течение трёх суток он молился и плакал»[826]. Подобный обряд был совершен и перед первым походом на чжурчжэней [827]. А нанеся поражение тайджиутам, Чингис сказал: «Верховному Небу, своему отцу, поклонимся!» Взойдя на высокий бугор, владыка разостлал свой потник, свой пояс повесил на шею и произнес молитву»[828].

Со временем идея обязательности Небесного покровительства особе хана нашла свое отражение в общемонгольском культе Чингис-хана как основателя правящего рода и обладателя благоволения Неба Тэнгри[829]. О поклонении Чингису

---

[821] Подробнее о ханской харизме см. в: *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.

[822] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 184.

[823] Сокровенное сказание. С. 107.

[824] *Скрынникова Т.Д.* Структура власти монгольских кочевников… С. 216.

[825] Сокровенное сказание. С. 98.

[826] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 189.

[827] *Juzjani.* Vol. 2. P. 954.

[828] Алтан Тобчи. С. 123.

[829] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 300.

пишут Дж. дель Плано Карпини[830] и Ц. де Бридиа[831]. Через Чингиса небесная благодать переходила и к его наследникам, также поклонявшимся Небу[832] и этим подтверждавшим сакральный характер своей власти. Участие Неба в судьбе хана отмечает и китайский автор Ли Чжичан. В «Си ю цзи» он описывает случай, когда Чингис-хан упал с лошади во время охоты, а кабан не тронул его. Даосский мудрец Чан Чунь, учеником которого и был Ли Чжичан, истолковал этот эпизод следующим образом: «теперь у святого лета уже преклонны; надобно поменьше охотиться; падение с лошади есть указание Неба; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства Неба»[833]. Власть и Небо в глазах монголов были связаны неразрывно. И это сближает их точку зрения с китайскими представлениями о верховном правителе, на что справедливо обратил внимание Ю. Дробышев, писавший о сходстве идеи Небесного покровительства, выражаемого через *харизму*, с традиционной конфуцианской концепцией Небесного Мандата[834]. Более того, по мнению Г. Франке, именно из Китая была позаимствована теория о Небе как источнике ханской власти[835], постепенно сформировавшаяся в монгольской среде как цельное мировоззрение.

После создания империи верховная власть оказалась закреплена за членами Золотого рода — потомками Чингиса от его главной жены Бортэ. Однако не следует забывать, что на заре монгольского возвышения правителя избирали среди представителей нескольких родов. Избрание Чингиса подробно описано в «Сокровенном сказании»: «посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом»[836].

---

[830] *Плано Карпини*. С. 29.

[831] *Де Бридиа*. С. 116.

[832] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 213.

[833] *Ли Чжичан*. С. 335.

[834] *Дробышев Ю.И.* Мандат Неба в руках монголов. С. 140.

[835] *Franke H*. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimating of the Yuan Dynasty. München, 1978. С. 18

[836] Сокровенное сказание. С. 108.

Подобным же образом избрали ханом Джамуху — неизвестный автор «Сокровенного сказания» перечисляет сальчжиутов, татар, унгиратов, тайчиудов и многих других, которые собрались вместе и договорились возвести его в ханы[837]. При этом в источнике также описан эпизод, когда Чингис укоряет предавших его Алтана и Хучара и напоминает, что им обоим предлагал в свое время стать ханами: «Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтай, мы предлагали: „Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!" — говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: „Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура". Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом» [838] . Из приведенного монолога видно, что знатность происхождения на заре монгольского могущества считалась одним из важнейших факторов, определяющих выбор предводителя.

Впрочем, сам факт выборности хана ни в коем случае не следует рассматривать как проявление демократии. Простой народ полностью выпадает из поля зрения авторов источников. В.В. Бартольд предложил свою концепцию распределения власти, согласно которой Чингис-хан был избран степной аристократией, искавшей славы и богатства, которые Чингис мог им обеспечить своими победами. Простой же народ, «искавший дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно вокруг Джамухи»[839].

Джамуха — персонаж не менее яркий, чем сам Темучжин. Борьба побратимов — один из наиболее впечатляющих сюжетов «Сокровенного сказания». В этой борьбе В.В. Бартольд видит не только противостояние честолюбия двух одаренных лидеров, но и столкновение двух слоев общества. Аристократия — «пасущие коней», простонародье — «пасущие овец и ягнят». Джамуха сказал Темучжину:

---

[837] Там же. С. 116.

[838] Там же. С. 137.

[839] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 258.

«Покочуем возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем возле реки — для овчаров наших еда готова»[840]. Этих слов Темучжин не понял, но их странность оказалась достаточным поводом, чтобы откочевать от своего *анды*. Именно с этого момента между ними началось открытое соперничество. По мнению В.В. Бартольда, Джамуха стал на сторону простого народа, был им провозглашен *гур-ханом*, а потом «демократическое движение было подавлено, и предводитель его стал вести жизнь искателя приключений»[841].

С.А. Козин был категорически не согласен с идеей В.В. Бартольда о противопоставлении аристократии и народовластия, однако, в свою очередь, уделял немало внимания Джамухе, равняя его с Чингисом как «замечательных», «одареннейших людей своего племени»[842]. И «разве только настойчивость в достижении целей да умение удержать и укрепить за собою достигнутое»[843] позволила Чингису одержать верх в этом долгом и упорном противостоянии. Иносказательное изречение, которое так витиевато трактует В.В. Бартольд, С.А. Козин истолковывал по-своему: Джамухе наскучило гостеприимство слишком практичной и рассудительной семьи Чингиса, поэтому он «подчеркнуто проявляет глубокое безразличие и равнодушие скучающего человека даже в таком животрепещущем в степной жизни вопросе своих друзей, как выбор общего кочевья, в то время как от него ждут дружеской инициативы, по крайней мере, хоть интереса к общему делу, к общей жизни»[844]. То есть видит именно то, что сказано, дословно, не выискивая скрытых смыслов.

Побратимы выглядят очень схоже, их избирают верховными ханами почти одновременно, и избирают, по мнению С.А. Козина, представители одного и того же круга — степной аристократии. Фактически, Чингис и Джамуха оказываются в

---

[840] Сокровенное сказание. С. 106.

[841] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 259.

[842] Сокровенное сказание. С. 39.

[843] Там же.

[844] Там же. С. 40.

совершенно одинаковых условиях, будучи избранными не за родовитость, а за личную одаренность[845]. Но на этом сходство заканчивается. Приемы управления, к которым прибегали побратимы, представляются С.А. Козину главным различием и, в сущности, предвестниками итога борьбы. Здесь речь не о народовластии или олигархии, как виделось В.В. Бартольду, а о тех специфических методах, которыми Чингис собирал своих подданных.

С.А. Козин тоже упоминает рядом с именем Джамухи слово «демократия»[846], но эта демократия должна была формироваться среди князей. Джамуха должен был стать первым среди равных, таким же ханом, как и любой другой, — удачливым военачальником, обеспечивающим успешные походы. Чингис же «шаг за шагом укрепляет лишь своё единодержавие»[847], и речи о каких-либо особых правах для тех, кто вручил ему верховную влатсь, быть не может. Это отмечал и В.В. Бартольд — представители знатных родов, добровольно поставившие над собой Темучжина в расчете на номинальное первенство, «почувствовали себя обманутыми в своих ожиданиях; такой человек, как Темучжин, не мог править иначе, как самовластно, и должен был требовать безусловной покорности даже от самых знатных своих подданных»[848]. Примером может служить один из походов Чингиса против татар (в «Сокровенном сказани» дата отсутствует, а в «Сборнике летописей» имеется противоречие: в одном месте назван 1182 г.[849], в другом — 1202 г.[850], установить истину пока не представляется возможным). Чингис приказал не задерживаться у добычи, «ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать своё прежнее место»[851]. Ослушались

[845] Там же.

[846] Там же. С. 41.

[847] Там же.

[848] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 259.

[849] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 120.

[850] Там же. С. 251.

[851] Сокровенное сказание. С. 123.

трое: сын Хутулы-хана Алтан, сын Нэкун-тайши Хучар, брат Есугея Даритай-отчигин. Чингис-хан велел отобрать у них захваченное добро. Затаив обиду на не в меру самовольного хана, эти трое вскоре его покинули, уведя своих людей и значительно ослабив Чингиса[852]. В конце концов, однако, каждого настигла смерть[853] — чего Чингис не прощал никогда и никому, так это измену. В живых остался только Даритай-отчигин, снисхождения к которому просили ближайшие соратники Чингиса — Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху: «Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и заветная память твоего блаженного родителя… прости же неразумному»[854].

Джамуха опирался только на знать. Чингис приближал к себе всех одаренных людей, без различия происхождения и социального положения. «В этом и заключалась мнимая «противоположность» их политических и социальных взглядов»[855]. И в целом с этими аргументами сложно не согласиться. Но вот ковычки со слова «противоположность» можно убрать — отсутствие внимания к социальному статусу человека, к его происхождению и знатности, а вместо этого акцент на личных талантах, еще долгое время будет явлением для любого общества экстраординарным. А Чингис именно из таких людей формировал новую военную знать — тех самых командиров, которые ставили в приоритет идеи хана, а не сохранение личных привилегий; которые ведали распределением добычи; которые дорожили не знатностью, а верностью Чингису[856].

В финале противоборства Джамуха, уже выданный *анде* своими же людьми, произносит длинный поэтический монолог, в котором по-своему объясняет причины своего поражения. Он представляют интерес и для нас, поскольку в нем

---

[852] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 251.

[853] Там же. С. 121.

[854] Сокровенное сказание. С. 176.

[855] Там же. С. 41.

[856] *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. С. 29.

характеризуется та система, которую создавал Чингис. «Верных друзей я не встретил. Вот почему побежден я *андой*… Был одинок от рождения я»[857]. Силу Чингиса Джамуха увидел в «друзьях», а точнее, в соратниках — в тех, кого Чингис приблизил к себе, кто хранил верность ему во всех жизненных перипетиях. Таких друзей у кичившегося своим происхождением Джамухи не было и быть не могло. Он остался в одиночестве, в то время как Чингис сумел собрать вокруг себя группу преданных единомышленников: «Семьдесят три на конях орлука служат в дружине твоей»[858]. А одиночество для того, кто мыслит удержать в своих руках власть, равнозначно поражению.

4.3 Семейные отношения и престолонаследование

Следующую особенность Чингис-хана как правителя отметил Т. Барфилд. Это крайнее недоверие к кровным родичам[859]. Причины этого следует искать в далеком детстве Темучжина, когда его семью покинули тайджиуты, а родной дядя Даритай-отчигин не оказал своим племянникам никакой поддержки. Разгоревшийся впоследствии конфликт вокруг захвата татарской добычи стал всего лишь открытым проявлением неприязни. Ещё в юности Темучжин убил своего единокровного брата Бектера только из-за того, что тот отнял у него сначала жаворонка, потом блестящую рыбку[860] («Сборник летописей», скорее всего, из идеологических соображений, об этом эпизоде умалчивает). Избравшие Темучжина первый раз верховным ханом Алтан, Хучар, Сача-Беки приходились ему дальними родственниками, но затем предали, не задумываясь. За что впоследствии и поплатились жизнями.

Все это наложило определенный отпечаток на мировоззрения будущего великого хана. Поэтому на протяжении всего своего правления он родичей до власти не допускал. Ключевых постов ни в армии, ни в империи его родня не

[857] Там же. С. 156–157.

[858] Там же. С. 156.

[859] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 297.

[860] Сокровенное сказание. С. 90.

получила. А военные подразделения, все же вверенные родственникам, «в обязательном порядке были укомплектованы тысячниками, доказавшими свою лояльность Чингису»[861].

Великий хан перестал искать опору своей власти в племенных объединениях. Напротив, одержав окончательную победу над меркитами, Чингис «приказал пораздавать всех этих меркитов до единого в разные стороны»[862] — чтобы впредь никому не повадно было бунтовать. Учитывая, какую большую роль играли в жизни кочевников того времени родоплеменные связи, нетрудно догадаться, сколь суровым было такое наказание. Право же восстановить единство племени рассматривалось как особая милость. Один из соратников Чингиса в минуту, когда тот награждал своих приближенных, обратился с просьбой: «не будет ли мне оказана милость — собрать воедино моих братьев, племя негус?»[863], другой просил позволения собрать баяутов, которые «разбросаны и разметаны по всем концам»[864]. Чингис уважил обе просьбы. Но речь тут шла именно о знаке благоволения, о предоставлении награды, а вовсе не о формировании административной единицы. Чингис-хан опирался на тех, кто был лично им выбран и лично ему предан. Ему — Темучжину, нареченному Чингис-ханом, а не абстрактному образу успешного военного вождя. Как пишет Т. Барфилд, военные подразделения монгольской армии «имели в своём составе представителей разных племен. Исключение было сделано для тех племен и кланов, чьи вожди постоянно поддерживали Темучжина, начиная со времени его первого избрания ханом»[865], и соответственно, которые доказали свою общую, разделенную на всех лояльность.

Итак, в формируемой Чингисом структуре управления отношения родства никаких привилегий не давали[866]. Напротив, могли рассматриваться как

[861] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 297.

[862] Сокровенное сказание. С. 152.

[863] Там же. С. 165.

[864] Там же. С. 164.

[865] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 296.

[866] Там же. С. 297.

потенциальная угроза. По подсчетам Т. Барфилда, число родичей, которых Чингис убил или открыто угрожал убить, достигает дюжины — «это были почти все его родственники по мужской линии, имевшие право на власть»[867]. При распределении войск между своими военачальниками Чингис предназначил членам семьи меньше половины: 44 500 из 95 000 воинов. А с течением времени и это число было уменьшено до 28 000, при том, что общая численность армии возросла до 129 000 человек[868]. Чингис-хан боялся за свою власть и ревниво охранял ее от любых посягательств, а родственники была как раз теми, кто мог представлять в этом отношении угрозу. Поэтому во все выделенные братьям и сыновьям подразделения обязательно назначались преданные Чингису тысячники[869].

Нукеры[870], прошедшие вместе с ним весь путь к созданию империи и ни разу не запятнавшие себя предательством, стали для Чингиса противовесом традиционному ханскому окружению, в которое традиционно должны были входить родичи и племенная элита. *Нукеры* были своего рода дружиной[871]. Своими самыми доверенными людьми Чингис называл первых боевых товарищей — Боорчу и Мухали[872]. Приближенные Чингисом удальцы оказались не только верными соратниками, но и одаренными военачальниками. Преданность и отвага — вот те качества, которые хан ценил в окружающих, даже во врагах. За примерами можно обратиться к «Сокровенному сказанию». В одном из сражений с тайджиутами под Чингис-ханом убили коня. Спустя некоторое время, одержав победу, Чингис спросил, кто стрелял. Лучник вышел и признался: «Это я стрелял с горы. Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь». Храбрый ответ пришелся Чингису по душе. «Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но ещё и сам себя выдает головой. Он достоин

[867] Там же. С. 298.

[868] Там же. С. 300.

[869] Сокровенное сказание. С. 175–176.

[870] Подробнее о нукерах см. в: *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 382–406.

[871] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов… С. 53.

[872] Сокровенное сказание. С. 190.

быть товарищем»[873]. Чжебе впоследствии стал одним из четырех великих полководцев Чингис-хана, вместе с Чжелме, Субэдэем и Хубилаем.

Ещё одно нововведение Чингис-хана касается принципа передачи власти. Традиционно в монгольском обществе наследуемое имущество распределялось между сыновьями. Старшие получали свою долю и выделялись в отдельные хозяйства, самый старший наследовал социальный статус отца, а самый младший оставался с родителями и потом получал все оставшееся после отца имущество[874]. Этот обычай весьма удивил европейских путешественников, оказавшихся среди монголов в середине XIII в.[875].

Младший из сыновей носил особый титул — *отчигин*[876]. Б.Я. Владимирцов трактовал его как «князь огня»[877], поскольку домашний очаг, хранителем которого он выступал, являлся сакральным центром жизни дома[878]. Среди родных Чингис-хана в источниках упомянуты три *отчигина*: младший брат Есугея Даритай-отчигин, младший брат Темучжина Тэмугэ-отчигин и младший сын Чингис-хана Толуй. При этом Тэмугэ иногда называют просто Отчигин-нойон[879]. Иллюстрацией к традиционно более тесной связи с родителями младшего сына может служить тот эпизод из «Сокровенного сказания», в котором Чингис-хан наделяет своих приближенных уделами и дает 10 000 юрт матери «совместно с Отчигином»[880]. Имя *отчигина* не оговаривается, но есть все основания полагать, что имеется в виду именно Тэмугэ, поскольку ниже отдельно упоминаются Толуй (ему дано 5000 юрт) и Даритай (его Чингис хотел казнить за предательство)[881]. Эпизоды с Толуем

---

[873] Там же. С. 119.

[874] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства… С. 204.

[875] *Рубрук*. С. 101.

[876] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 193.

[877] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 344.

[878] *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. С. 18–21; *Де Бридиа*. С. 117.

[879] Сокровенное сказание. С. 143; *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 147.

[880] Сокровенное сказание. С. 176.

[881] Там же.

и Тэмугэ как раз подтверждают монгольскую традицию, согласно которой младший сын остается подле матери.

Толуй как младший сын самого Чингис-хана со временем должен был унаследовать и подчиненные Чингису войска[882]. При распределении уделов ему досталась Монголия[883] как коренной юрт. Рашид ад-Дин написал о Толуе: «он ведал всем»[884]. А после смерти младшего Чингисида подконтрольные ему войска и юрты перешли в ведение его мудрой супруги Соркуктани-беги[885].

Однако нельзя упустить из виду один очень важный момент: Чингису наследовал не старший и не младший сын, а третий — Угэдэй[886]. Рашид ад-Дин по этому поводу писал: «Так как Чингис-хан испытал сыновей в делах и знал, на что годен каждый из них, то он колебался относительно передачи престола и ханства: временами он помышлял об Угэдэй-каане, а иногда подумывал о младшем сыне Тулуй-каане, потому что у монголов издревле обычай и правило таковы, чтобы коренным юртом и домом отца ведал младший сын. Потом он сказал: “Дело престола и царства — дело трудное, пусть им ведает Угэдэй, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войск, которые я собрал, — пусть ведает Толуй”»[887]. В «Сокровенном сказании» приводится беседа Чингис-хана со своими сыновьями, в ходе которой Чингис понимает, что кандидатура Угэдэя, выделявшегося среди братьев мягкостью характера и великодушием, наиболее подходящая, поскольку Джочи не все признают его сыном, а Чагатай слишком свиреп нравом[888]. О

[882] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 266, 274.

[883] Там же. С. 70, 274.

[884] Там же. С. 278.

[885] Там же. Т. 2. С. 111–113.

[886] Михаил Правдин утверждал, что Угэдэй был избран Великим ханом при содействии Елюй Чуцая, который убедил Чагатая и Толуя уступить брату ханский престол. См. в: *Prawdin M*. The Mongol Empire. P. 236–238. Эта версия не базируется на источниках, поскольку и в «Сокровенном сказании» (С. 191), и в «Сборнике летописей» (Т. 1. Кн. 2. С. 232; Т. 2. С. 8) говорится о том, что Угэдэя назначил своим преемником сам Чингис-хан.

[887] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 8.

[888] Сокровенное сказание. С. 184–186.

жестокости и неуступчивости Чагатая писал и Джузджани, высказавший, в частности, предположение, что именно по навету Чагатая Чингис отравил своего старшего сына Джочи[889].

Так было положено начало новому принципу престолонаследования — хан мог назвать своим преемником любого царевича. Утвердить нового хана должен был Великий *курултай*, на который собирались все члены Золотого рода[890]. *Курултай*, на котором был провозглашен ханом Угэдэй, описывает Рашид ад-Дин: все царевичи трое суток пировали, затем обсуждали дела государства и нарекли ханом Угэдэя, а тот стал отказываться в пользу своих братьев и дядьев и только после долгих уговоров согласился, после чего старшие братья и дядя усадили его на престол и провозгласили здравицу[891].

Т. Барфилд отмечал в речи Угэдэя, произнесенной перед воцарением, упоминание всех юридических принципов наследования, так или иначе существовавших в монгольском обществе того времени: передача власти от старшего брата к младшему, от отца к старшему сыну, от отца к младшему сыну и от хана к любому назначенному им преемнику[892]. Отсутствие четкости в этом жизненно важном для империи вопросе и привело к дальнейшему расколу. Учитывая, что у ханов было по несколько жен, количество царевичей, имевших по рождению права на престол, возрастало очень быстро. Согласно сведениями Марко Поло, у Хубилая «от четырех жен было двадцать два сына»[893]. Джувейни писал, что «число детей и внуков Чингис-хана свыше десяти тысяч человек»[894]. В «Алтан Тобчи» указано, что у Джочи было семь сыновей, у Чагатая четверо или пятеро, у Толуя не меньше четырех[895]. И хотя в абсолютной достоверности этих сведений

---

[889] *Juzjani*. P. 1145–1147.

[890] Сокровенное сказание. С. 191.

[891] *Рашид ад-Дин.* Т. 2. С. 19.

[892] *Барфилд Т.* Опасная граница. С. 325.

[893] *Марко Поло*. С. 95.

[894] *Джувейни.* С. 30.

[895] Алтан Тобчи. С. 243–244.

некоторые ученые сомневаются (например, Н.П. Шастина[896]), порядок величин становится вполне понятен.

Империя оставалась единой ещё при двух правителях — сыне Угэдэя Гуюке (1246–1248) и сыне Толуя Мункэ (Менгу) (1251–1259). Великий *курултай* являлся только формой окончательного утверждения уже сделанного Чингисидами выбора, но для победы всегда требовалось нечто бо̀льшее, чем просто одобрение большинства. После Угэдэя все великие ханы опирались в своём воцарении на военную силу. А Рашид ад-Дин приводит другой пример: после смерти Хубилая в 1294 г. между его внуками из-за престола возник спор, который разрешился в пользу более красноречивого Тимур-хана, поскольку присутствовавшие на *курултае* увидели, что он «лучше знает и красивее излагает *билики* (Чингис-хана — Е.Н.) и что венца и престола заслуживает он»[897].

Значение *курултая* постепенно сходило на нет, одним из показателей чего можно назвать эпизод с воцарением Мункэ. На *курултай* не прибыли царевичи рода Угэдэя и Чагатая, но Бату, старший представитель Золотого рода на тот момент, велел посадить Мункэ на трон, а «всякий, кто нарушит *ясу*, пусть лишится головы»[898]. Следующий хан, брат Мункэ Хубилай, вообще обошелся без общемонгольского *курултая*.

Каждое воцарение, после Угэдэя, неизменно сопровождалось внутренними потрясениями и даже военными усобицами. Рашид ад-Дин написал об одной из этих усобиц: «Так как Хубилай-хан находился в области Нангяс, а Хулагу-хан — на западе в областях тазиков и от них до столицы расстояние было большое, то Ариг-Бука, когда услышал известие о смерти брата, позарился на трон и царство»[899]. По тональности повествования видно, что автор считал эти притязания необоснованными. В противостоянии братьев, помимо традиционной борьбы за

[896] Там же. С. 374.

[897] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 206.

[898] Там же. С. 131.

[899] Там же. С. 148.

власть, нашли свое отражение противоречия, раздиравшие империю с самого момента ее основания: противоречия степного и оседлого образа жизни. Предшествующие ханы управляли из Каракорума[900], ставшего столицей в 1220 г. и расположенного на берегу реки Орхон на территории современной Монголии[901]. Рашид ад-Дин пишет, что по распоряжению Угэдэй-хана «ежедневно туда прибывали из областей пятьсот повозок, груженных съестными припасами и напитками»[902], из чего можно сделать вывод о полной неспособности города самостоятельно обеспечить себя продовольствием. Подтверждением этому служит другое место в «Сборнике летописей», где речь идет о военных действиях между Хубилаем и занявшим Каракорум Ариг-Букой: Хубилай перекрыл подвоз продуктов из Китая, и в городе «начался сильнейший голод и дороговизна»[903]. Именно Хубилай перенес свою столицу из степи, положив начало обособлению частей монгольской империи и выделению четырех самостоятельных государств. Столицей его династии Юань (元) стал сначала Кайфын (город в 550 км к северу от Пекина), а затем — Дайду (современный Пекин)[904]. Уместным будет здесь вспомнить концепцию Дж. Дардесса, согласно которой перенос центра власти при Хубилае ознаменовал не только торжество идей оседло-кочевого сосуществования, но и переход от ханской власти к императорской[905].

4.4 Подводя итоги

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В монгольской среде XII в. очевидно имелись признаки формирования государства, такие как социальная дифференциация и выделение правящей элиты. Однако основные функции государственной власти окончательно сложились только при

---

[900] О городе Каракоруме подробнее см. в: Древне-монгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965. С. 123–316.

[901] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 40.

[902] Там же. С. 41.

[903] Там же. С. 161.

[904] Там же. С. 175.

[905] *Dardess Jh.W.* Conquerers and Confucians. P. 8.

Чингисе, так что некоторые исследователи вполне обоснованно говорят «о формировании у монголов к 1206 г. ранней государственности»[906]. До воцарения Чингиса хан избирался аристократией для исполнения обязанностей верховного главнокомандующего, который должен дать возможность захватить богатую добычу. Именно военная удача определяла полноту власти. В дела внутренние хан не вмешивался. Вероятно, таким ханом стал бы в случаей своей победы Джамуха. Чингис-хан в корне изменил эту систему, железной рукой пресекая всякие попытки со стороны представителей знати (в том числе, его родичей) участвовать в управлении и навязывать ему свое мнение. Ещё одним нововведением для степи при Чингисе стало принятие на службу любого способного и верного человека, вне зависимости от его происхождения, с одновременным ограничением прав и контролем над действиями кровных родственников, и это должно было способствовать сплачиванию и укреплению государства. Однако решение Чингиса выбрать себе наследника вопреки существующим принципам передачи власти наряду с другой особенностью монгольского подхода к завоеванным владениям — рассмотрением их в качестве личной собственности правителя, стало одной из причин последующего ослабления империи по мере увеличения числа легитимных претендентов на престол из числа представителей Золотого рода.

[906] *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов… С. 62.

Глава 5. Монголы: «образ другого»

Образ монголов в сочинениях иностранцев, имевших с ними дело, — тема интересная, хотя недостаточно часто изучаемая. Из новейших исследований можно упомянуть статью М. Ким «Глобализирующаяся империя. Взгляд на монголов из тринадцатого века»[907]. В статье проведен анализ точки зрения на монголов, изложенной в сочинении Дж. дель Плано Карпини и в «Тайной истории монголов». По мнению автора, наиболее характерными чертами монголов в глазах современников были варварская жестокость с одной стороны — и стремление к упорядоченности абсолютной власти с другой[908]. Именно систему власти, абсолютного имперского господства, М. Ким считает тем фактором, который предопределил огромное влияние, которое монголы оказали на мир XIII в.[909] Еще одним любопытным исследованием на эту тему является книга П. Джексона «Монголы и Запад»[910], однако там автор смотрит на проблему «инакости» с разных сторон: не только интересующий нас взгляд на монголов, но восприятие представителей других стран самими завоевателями. Соответсвенно, акцент сделан на других источниках — послания монгольских правителей европейским монархам и европейские хроники[911]. При этом, что касается хроник, не все они писались непосредственными очевидцами, и потому имеют немало преувеличений и искажений, обусловленных страхом перед неведомой угрозой. Например, П. Джексон отмечает неоднократные упоминания каннибализма среди монголов[912], что слишком рознится с реальным положением вещей, привнося в их облик

[907] *Kim M.* Globalizing Imperium: Thirteenth-Century Perspectives on the Mongols // Literature Compass. 11/7 (2014). P. 472–483

[908] Ibid. P. 472.

[909] Ibid. P. 473.

[910] Jackson P. The Mongols and the West. London, 2005.

[911] Ibid. P. 135–137.

[912] Ibid. P. 140.

легендарность и напоминая о видениях Апокалипсиса, которые так занимали воображение средневековых авторов[913].

Мы же стави другие задачи: поиск более объективных и в то же время более реальных черт, отмеченных иностранными авторами в облике завоевателей. Для этого необходимо обратиться к более широкому перечню текстов. Начиная такого рода сравнительный анализ, разумеется, следует понимать, что у каждого свидетельства есть субъективные особенности, каждый автор обращал внимание на разные аспекты монгольского общества и мировоззрения. Однако эта работа позволит узнать, как воспринимали завоевателей представители ряда других культурно-цивилизационных комплексов. Для этого мы займемся самостоятельным сопоставлением сведений из сочинений европейских, китайских и мусульманских авторов, так или иначе соприкосавшихся с монголами[914].

5.1 Европейские легенды о монголах

Прежде, чем перейти к анализу всех выбранных нами текстов, необходимо напомнить следующее: европейцы формировали свои представления о воинственных пришельцах из далеких степей не только на основании впечатлений послов-очевидцев. Существовало также несколько легенд, отражавших не столько объективную степень информированности, сколько особенности европейского восприятия международной обстановки в тот период средневековья. Помимо широко известных эсхатологических предположений о прибытии монголов из самого Тартара, то есть преисподней, о которых говорится, например, в сочинении

[913] Ibid. P. 142.

[914] Подробнее см. в: *Нестерова Е.Р.* Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы // Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2011–2012 / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2013. С. 37–60; *ее же* Образ монголов в записках иностранных путешественников // Mongolica XIII. СПб., 2014. С. 22–29.

Матвея Парижского[915], надо вспомнить еще две. О пресвитере Иоанне и о царе Давиде.

Упоминание о некоем христианском государе, который в глубинах Азии воюет с неверными и вполне может оказаться подходящим союзником папе Римскому и крестоносцам, впервые встречается в записях баварского епископа Оттона Фрейзингенского в середине XII в., однако широкое распространение этой идеи произошло значительно позднее[916]. При этом имя «Иоанн» фигурировало как в сочинениях, написанных теми, кто не покидал пределов Европы, так и в записках путешественников, повидавших свет.

Автор вступительной статьи к «Книге Марко Поло» И. Магидович высказывал предположение, что первоисточником для легенды стала победа киданей над сельджуками в 1141 г., и только позднее, в середине XIII в. эти сведения, наложившись на известия о победах монголов над крупными исламскими азиатскими государствами, такими как Хорезм, халифат Айюбидов или Багдад, а также на информацию о появлении христиан в ближайшем окружении и среди родственников монгольских ханов, приобрели законченный вид[917].

Из рассматриваемых нами авторов некоего короля Иоанна несторианского вероисповедания упомянул в своем тексте Г. Рубрук, однако пояснил, что он правит народом найманов, и прославляют его найманы-несториане безмерно, «говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной»[918]. Другой раз Иоанн упоминается у Г. Рубрука при разговоре об уйгурах, уже с титулом «пресвитер»[919], однако никаких дополнительных подробностей автор не сообщает. Пресвитер Иоанн фигурирует и у Плано Карпини — как правитель христиан,

---

[915] Английские средневековые источники, IX–XIII вв. / Пер., ком. В.И. Матузовой. М., 1979. С. 137. Цит. по: Христианский мир и Великая Монгольская империя. С. 63.

[916] *Магидович И.* Вступительная статья // Книга Марко Поло. С. 9.

[917] Там же. С. 7–9.

[918] *Рубрук*. С. 115–116.

[919] Там же. С. 130.

обитавших в Индии, который, впрочем, успешно сразился с монголами, вторгшимися в его владения [920]. Из этих эпизодов можно заметить, что непосредственно с монголами Чингис-хана царь-христианин ни у Дж. дель Плано Карпини, ни у Г. Рубрука не ассоциировался.

В тексте Марко Поло пресвитер Иоанн (в переводе И.П. Минаева «поп Иван») упоминается как враг монголов, который взимал с них дань вплоть до самого момента прихода к власти Чингис-хана [921]. И это несколько сближает его по положению с Цзиньскими императорами, которые, судя по тексту «Тайной истории», также имели определенные даннические отношения с монголами, поскольку там описывается участие монголов в военных операциях чжурчжэней, а также присвоение чжурчжэньским сановником почетного титула самому Чингису[922]. Дань напрямую в тексте этого источника не упомянута, однако из «Юань ши» известно, что поводом к первому конфликту между империей Цзинь и Чингис-ханом послужил именно отказ Чингиса платить дань новому Цзиньскому императору, при том, что прежде он платил ее ежегодно[923]. Так что определенную параллель провести можно. При этом, согласно сведениям Марко Поло, «поп Иван» был убит в сражении с войсками Чингис-хана, который скончался через шесть лет после той битвы[924]. То есть в 1221 г. Однако, согласно большинству источников, в тот год Чингис воевал в Азии — штурмовал Бухару[925], Самарканд[926], Хорезм[927], Балх[928], так что никакой битвы с «попом Иваном» быть не могло. Из этого следует, что, скорее всего, «поп Иван» все-таки является плодом творческих

[920] *Плано Карпини*. С. 41.

[921] *Марко Поло*. С. 77-78.

[922] Сокровенное сказание. С. 113.

[923] История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 35.

[924] *Марко Поло*. С. 79.

[925] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 256.

[926] Там же. С. 206-208.

[927] Там же. С. 216.

[928] Там же. С. 257.

усилий европейских историографов, не имеющим под собой какого-либо конкретного прообраза.

История о царе Давиде, который предводительствует крещеными кочевниками, также встречается в целом ряде документов, авторы которых, впрочем, лично в монгольские ставки не ездили. Разбору этой легенды посвятил несколько исследований Роман Хаутала[929]. Суть рассказа о царе Давиде несколько схожа с историей о пресвитере Иоанне — в центре концепции находится христианский правитель, который теоретически может оказать ощутимую помощь христианскому воинству, сражающемуся против мусульман на Ближнем Востоке. Р. Хаутала провел явные параллели между текстами латинских источников и описанием хода Западного похода Чингис-хана, отмечая замечательное сходство[930]. О царе Давиде писал Жак де Витри, французский священник, а затем и кардинал, живший на Ближнем Востоке[931]. И его записи, и остальные латинские тексты не ставили под сомнение существование «царя Давида», что вызвало у Р. Хауталы закономерный вопрос — в чем причина цель столь явного искажения реальности в плане причин и обоснований поступков действующих лиц. Обоснование такой доверчивости кроется в идеологии Пятого крестового похода (1213–1221)[932], который закончился для крестоносцев неудачей, однако не остудил горячие головы, требовавшие реванша и торжества христианства над исламом на Ближнем Востоке.

При этом некоторые, например, папа Гонорий III, считали, что царь Давид и пресвитер Иоанн — это одно лицо[933], а некоторые, как Жак де Витри или Оливер

---

[929] *Hautala R.* Early Latin Reports about the Mongols (1221): Reasons for Distortion of Reality // Golden Horde Review. 2015. №1. P. 50–67; *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских текстов о монголах. Казань, 2015.

[930] Ibid. P. 55.

[931] *Марко Поло*. С. 10; *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий»… С. 7.

[932] Ibid. P. 58.

[933] См. послание папы Гонория III архиепископу Трира в: *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий»… С. 59–60. Еще о такой же точке зрения см. в: Там же. С. 106.

из Падерборна, — что это два разных правителя[934], иногда родича, иногда нет. В сочинении Альберика де Труа-Фонтен все три упомянутые нами в начале этого раздела легенды объединились в одну, согласно которой царь Давид и пресвитер Иоанн описаны как одна личность, которая предводительствует народом «тартаров», прибывших из Тартара[935].

Теперь оставим домыслы европейских авторов, в которых смешивается правда и вымысел, и обратимся к свидетельствам современников, контактировавших с монгольским обществом. Наши источники можно условно разделить на путевые заметки, которые оставили европейцы и китайцы, и общеисторические сочинения — наследие мусульманских историографов, так что начнем с заметок.

5.2 Сведения китайских и европейских путешественников

Для Китая выход монголов на международную арену пришелся на период правления династии Южная Сун (1127–1279). Она долгое время была вынуждена сосуществовать с двумя государствами на северных своих рубежах — тангутским Си Ся и чжурчжэньским Цзинь. Вооруженные столкновения и регулярная выплата немалой дани негативно сказывались на общем состоянии имперской экономики. На этом фоне начавшееся усиление Чингис-хана не показалась южносунскому правительству серьезной угрозой. Имели место частые переговоры и даже совместные военные операции[936].

Южносунский двор неоднократно отправлял послов к Чингису. Многие из них записывали свои впечатления, однако до наших дней сохранились далеко не все сочинения. Те же, что уцелели, представляют собой ценнейшие источники по периоду становления Монгольской империи, поскольку несхожесть местных обычаев, традиций и жизненного уклада с китайскими побуждала

---

[934] Там же. С. 97. Прим. 9; С. 111.

[935] См. фрагменты «Хроники» Альберика де Труа-Фонтен в: *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий»… С. 122–123.

[936] Подробнее см. в: *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов… С. 62–84.

путешественников к подробному описанию увиденного. И даже склонность китайских авторов к принижению остальных народов перед лицом собственного не умаляет их ценности[937].

Все путешественники обращали внимание на то, во что монголы одеваются, чем занимаются, где живут. Автор «Чанчунь си ю цзи» Ли Чжичан записал, что в степном краю «на земле не растет дерева, а только дикая трава; небо произвело здесь только холмы, а не высокие горы; хлеба здесь не растут; питаются же (монголы — *Е.Н.*) молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы»[938]. При этом юрты выкрашены в белый цвет[939]. По дороге путешественники заезжали во владения младшего брата Чингиса Тэмугэ, и видели несколько тысяч стоявших рядами черных телег и войлочных юрт. Автор отметил, что свои юрты монголы изготавливают из ивы[940]. В «Хэйда шилюэ» Пэн Дая писал следующее: «Их жилища — куполообразные палатки из войлока. У них нет (постоянных домов со) стенами и балками. Они кочуют в поисках травы и воды, не имея постоянного места. Когда правитель татар переезжает на другое место, чтобы заняться оградной охотой, так называемые чиновники переезжают вместе с ним»[941]. Некоторые пассажи этого фрагмента почти дословно созвучны описанию монголов, приведенному Ли Синьчуанем в его «Цзяньянь цзацзи»: они «не имеют городов, обнесенных стенами, и домов, только лишь войлочные шатры. [Они] выбирают удобные [места] с травами и водой и затем поселяются там»[942]. При этом надо помнить, что Ли Синьчуань непрестанно дополнял свое сочинение, обрабатывая новые источники, а «Хэйда шилюэ» были составлены в 1237 г., то есть еще при жизни Ли Синьчуаня, который скончался либо в 1243 г., либо год

[937] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV в. С. 17.

[938] *Ли Чжичан*. С. 285.

[939] Там же. С. 286.

[940] Там же. С. 287.

[941] Хэйда шилюэ. С. 23.

[942] *Ли Синьчуань.* Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 59.

спустя [943] . На этом можно построить предположение, что Ли Синьчуань ознакомился с сочинением Сюй Тина и использовал его информацию в ходе редактирования.

Марко Поло писал, что дома у них деревянные, круглые, перевязанные прутьями, и их легко расставлять. Телеги же, в которых перевозят жен и детей, покрывают черным войлоком[944]. Эти детали подтверждают данные из «Си ю цзи». Описал монгольские жилища и Плано Карпини: «круглые, изготовленные наподобие палатки, и сделанные из прутьев и тонких палок»[945]. Пишет он так же о двух видах юрт: разборных и неразборных, перевозимых на повозках[946]. Такие сведения есть и в тексте, записанном Ц. де Бридиа, с тем добавлением, что стоянки хана и князей называются *орды*[947]. По сравнению с сочинением Плано Карпини донесение Бенедикта Поляка содержит в себе больше точных монгольских терминов. Это позволяет предположить, что именно Бенедикт собирал основную информацию, которая затем была литературно переработана Карпини, отсеявшим то, что показалось ему неважным.

Из обычных занятий монголов Ли Чжичан называет рыбную ловлю, скотоводство и звероловство[948]. Это косвенно находит своё подтверждение и в «Хэйда шилюэ» — Пэн Дая отмечал, что монголы едят мясо, а не хлеб[949], добывают рыбу, а Сюй Тин пишет, что быков здесь «никогда не запрягают в плуг, и они только тащат повозки»[950]. В тексте Ли Синьчуаня сказано, что «для еды

[943] Там же. С. 24.

[944] *Марко Поло.* С. 80.

[945] *Плано Карпини*. С. 27.

[946] Там же. С. 28.

[947] *Де Бридиа*. С. 115.

[948] *Ли Чжичан*. С. 287–288.

[949] Хэйда шилюэ. С. 24.

[950] Там же. С. 23.

используют только крупный рогатый скот и баранов»[951]. Чжан Дэхуэй, в свою очередь, отметил, что рис является драгоценной редкостью[952]

В «Книге Марко Поло» говорится, что монголы едят «мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс[953]: их много на равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко»[954]. Подробное описание монгольского рациона и способов приготовления пищи оставил Г. Рубрук[955].

Ли Чжичан приводит описание одежды монголов, особенный интерес у него вызвал головной убор замужних женщин: они «надевают на голову бересту, фута в два вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины красной сырцовой тафтой; хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку, и называются *гугу*; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты, или выходят из них, нагнувшись вниз, и задом»[956]. Напомним, что и Чжао Хун не обошел молчанием этот прихотливый головной убор: «А все жены вождей имеют еще шапку *гу-гу*. Эта шапка сплетается из проволоки, по форме похожа на китайскую «бамбуковую жену»[957] и высотой свыше трех *чи*. Ее украшают темно-коричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней еще имеется торчащая вертикально палочка. Ее украшают темно-коричневым сукном»[958]. Встречается описание этого головного убора и в «Хэйда шилюэ»[959], и у Плано Карпини[960], и у Г. Рубрука[961].

---

[951] *Ли Синьчуань.* Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 60.

[952] *Чжан Дэхой.* С. 585.

[953] Вероятно, имеются в виду суслики.

[954] *Марко Поло*. С. 80.

[955] *Рубрук*. С. 95–98.

[956] *Ли Чжичан*. С. 288–289.

[957] «Бамбуковая жена» — длинный ствол бамбука, в котором просверливали отверстия и обнимали во время сна в жару. Воздух внутри ствола оставался прохладным.

[958] Мэнда бэйлу. С. 80.

[959] Хэйда шилюэ. С. 27.

Заслуживает внимания единодушно высокая оценка монгольских нравов. Ли Чжичан усмотрел в них «следы глубокой древности», поскольку письменности у них нет, послания передают только на словах; о церемониях не заботятся, а главное — «приказаний никогда не ослушиваются и, давши слово, не изменяют ему»[962]. Созвучная этому мысль прослеживается и у Чжао Хуна: «Церемонии при всех встречах весьма просты и слова весьма прямы … вообще их характер простой и в нем есть дух глубокой древности. Достойно сожаления, что учат их изменившие и бежавшие чиновники цзиньских разбойников! Теперь они постепенно уничтожают их первозданность, разрушают их естественность и обучают их коварству»[963]. Простоту и прямолинейность монголов Чжао Хун подтверждает и тем замечанием, что Мухали, оставленный в северном Китае наместником самого императора, «предупреждает подчиненных ему полководцев и солдат, чтобы они называли его только по детскому имени, как своих братьев, и не разрешает им называть его иначе»[964]. Чжан Дэхуэй описал церемониальное возлияние молока белой кобылицы, совершаемое князем (Хубилаем) из берестяных сосудов без каких-либо золотых и серебряных украшений и добавил с восхищением: «таково здесь уважение к простоте»[965]. Очевидно, китайцам, наблюдавшим разложение собственной изнеженной верхушки общества, весьма импонировала монгольская скромность и легкое отношение к богатству. Стоит вспомнить, что ни сам Чингис, ни его ближайшие потомки не искали личного обогащения ради обогащения. Великие ханы регулярно опустошали казну, раздавая сокровища приближенным и простому народу, особенно прославились этим Угэдэй и его сын Гуюк. О невероятной ханской щедрости пишет Рашид ад-Дин[966]. Привычка тратить казну

---

[960] *Плано Карпини*. С. 27.

[961] *Рубрук*. С. 100.

[962] *Ли Чжичан*. С. 289.

[963] Мэнда бэйлу. С. 78–79.

[964] Там же. С. 60.

[965] *Чжан Дэхой.* С. 585.

[966] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 258; Т. 2. С. 49–63, 121.

исключительно на придворные развлечения развивалась у юаньских правителей постепенно, по мере привыкания к китайскому образу жизни.

Верность слову и искренность высоко ценятся у всех народов. Сюй Тин писал о монголах: «Их обычаи чисты, а мысли прямолинейны. Потому и их язык лишен двусмысленности. По их закону, кто солгал, тот должен умереть. Поэтому [у них] никто не осмеливается обманывать. Хотя у них не было письменности, они сумели самостоятельно построить государство»[967]. Наилучшим монгольским законом Сюй Тин назвал именно смертную казнь за ложь[968]. Так же он отмечал, что «их повседневные потребности ограничиваются одеждой и пищей <…> Обычай татар, действительно, предписывает: «Не поднимай утерянного на дороге». Хотя разбои неизбежно случаются, их творят только люди из погибших государств»[969]. А едва ли сунские дипломаты имели желание приукрасить портрет своих северных недругов.

Ли Синьчуань — единственный автор, чей тон несколько выбивается из хора восхищений. По его словам, «люди татар все хитрые и коварные, стойкие и выносливые, безжалостные и имеют склонность к убийствам»[970], хотя при этом они «дерзки и хорошо сражаются»[971]. Может быть, причина такой оценки в том, что Ли Синьчуань не ездил к монголам, не видел их мир вживую, а потому не был готов принимать на веру высокую оценку, данную им другими авторами, теми же Пэн Дая и Сюй Тином.

Европейцы в первую очередь обратили внимание на отменную боеспособность монгольского войска. Марко Поло прямо писал, что они «в труде и лишениях выносливы более, нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и

---

[967] Хэйда шилюэ. С. 30–31.

[968] Там же. С. 38.

[969] Там же. С. 35.

[970] *Ли Синьчуань.* Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 60.

[971] Там же. С. 51.

царства самый способный народ»[972]. Францисканцы с уважением отзывались о монгольской морали: «Между собой живут мирно; разврат и супружеская измена встречаются среди них очень редко. Их замужние женщины своим целомудрием превосходят женщин других народов… воровство среди них является необычным делом»[973]; «хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою… это люди не изнеженные. Взаимной зависти у них, кажется, нет… никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может»[974].

Сочинение Ли Чжичана весьма субъективно. Как известно, Чингис-хан с уважением относился ко всем ученым, которые оказывались в поле его зрения, даже если они принадлежали к враждебному монголам народу. Примерами могут служить Елюй Чуцай или Чан Чунь. Вызвав к себе китайского мудреца, великий хан поручил сопровождающим «не заставлять его голодать и утомляться, заботиться о нем и путешествовать с ним помаленьку»[975]. Однако, читая описание путешествия, приходится помнить, что писалось оно перед лицом реальной военной угрозы, на завоеванной территории, а даосы были не настолько святыми, чтобы закрывать глаза на свою безопасность. Чингис-хан неизменно признается императором без эпитета «незаконный» [976], столь охотно употребляемого в отношении монгольских правителей авторами «Хэйда шилюэ»[977], и в целом не получает от Ли Чжичана негативной оценки, хотя фоном повествования служит весьма красочное описание военных невзгод, в которые была ввергнута страна[978]. Автор «Си ю цзи» всячески стремился подчеркнуть то внимание и уважение,

[972] *Марко Поло*. С. 81.

[973] *Де Бридиа*. С. 123.

[974] *Плано Карпини*. С. 34.

[975] *Ли Чжичан*. С. 281.

[976] Там же. С. 294, 301, 304, 376

[977] У Пэн Дая и Сюй Тина употребляется словосочетание 伪酋, досл. «мнимый вождь». Другие переводы определения 伪 — «так называемый, поддельный, узурпаторский, незаконный». Именно последнее значение выбрал для этого слова Н.Ц. Мункуев (см. *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы... Диссертация. С. 725, 727, 734, 735, 752, 761, 768, 804). См. также в: Хэйда шилюэ. С. 20, 21, 23, 31, 35, 49.

[978] *Ли Чжичан*. С. 283.

которое Чингис выказывал по отношению к Чан Чуню. Чингис повелел своим приближенным называть даоса «бессмертным»[979], а его последователей распорядился освободить от повинностей[980]. После возвращения Чан Чуня на родину хан написал ему: «С тех пор, как ты ушел отсюда, я еще ни один день не забывал тебя, и ты не забывай меня; поселись, где тебе любо в подвластных мне землях; хорошо, если твои ученики постоянно молятся и служат о моем долголетии»[981].

Особо автор «Си ю цзи» отметил, что даосы «являясь к Хану, не становились перед ним на колени и не били земных поклонов, а войдя в юрту, только наклонялись и складывали ладони»[982]. Одной из первоочередных задач своего произведения Ли Чжичан считал превознесение даосского учения, так что подчеркивание того факта, что даже перед лицом хана, завоевавшего полмира, даосы не выказывают раболепия, вполне естественно.

Чжао Хун от оценок воздерживается, не отрицая императорского титула Чингиса и называя Мухали *гован*[983]. В целом, он дает монголам весьма положительную оценку, обращая внимание на их радушие[984]. А вот Пэн Дая и Сюй Тин, говоря о монгольских завоевателях, постоянно употребляет определение «незаконный» (незаконные чиновники, незаконная гвардия, незаконные императрицы). Возможно, здесь стоит обратить внимание на даты написания источников. В 1221 г., когда монголов посещал Чжао Хун, основные их силы были брошены в поход на Запад, и могло показаться, что Сунский Китай избегнет участи своих соседей. Но в 1230-е гг. угроза расширения монгольских владений на юг ощущалась уже куда реальнее.

---

[979] Там же. С. 321.

[980] Там же. С. 335.

[981] Там же. С. 350.

[982] Там же. С. 330.

[983] Китайский титул 国王 соответствует княжескому. В современном языке, как правило, переводится «король».

[984] Мэнда бэйлу. С. 82–83.

Авторы «Хэйда шилюэ» часто проводят параллели между бытом монголов и китайцев. Например, перекочевку ханской ставки Пэн Дая сравнивает с переездом императорского поезда [985], налоговую систему — с практикой *шангун* — «снабжения императора»[986]. Сюй Тин же отметил сходство монгольского гадания по бараньей лопатке с китайским гаданием по черепаховым панцирям[987].

Только в «Хэйда шилюэ» мы находим интересное замечание о том, что, по крайней мере, один из сыновей Великого хана Угэдэя изучал китайский язык[988].

Недоумение у Пэн Дая вызвал тот факт, что в использовании рисунков на ткани татары не обращают внимания на социальное различие, так что у всех подряд можно встретить изображения дракона или феникса [989]. Для китайца подобная ситуация казалась совершенно немыслимой, поскольку эти символы традиционно олицетворяли императора и императрицу соответственно.

Кроме того, Пэн Дая приводит самые подробные сведения о состоянии языка монголов: «язык только разговорный, письменных знаков для него у них нет»[990], также он с удивлением отмечает, что у них нет ни фамилий, ни официальных прозвищ, а имена они легко меняют[991]. Интересно упоминание уйгурского письма, принятого монголами в делопроизводстве: «(Их письмена) выглядят как испуганные змеи и извивающиеся дождевые черви; они выглядят как волшебные письмена священных книг[992]; они выглядят, как нотные (знаки) *у* 五, *фань* 凡,

[985] Хэйда шилюэ. С. 23.

[986] Там же. С. 33.

[987] Там же.

[988] Там же. С. 20.

[989] Там же. С. 27.

[990] Там же. С. 28.

[991] Там же.

[992] 符篆 *фучжуань* — особые письмена даосов в виде замысловатых витых знаков по образцу древнего китайского почерка (см. Цыюань. С. 1128). Библиографию см. в: *Cleaves F.W.* A Chancellery Practice. P. 498. Note 15.

гун 工 и *чи* 尺[993]. Они — близкая родня уйгурским знакам[994]»[995]. Сюй Тин пошел в своем описании еще дальше и отметил, что у татар ныне в ходу три вида письменности — мусульманская (уйгурская), китайская и старинный обычай изготовления деревянных бирок с насечками[996]. О практике передачи информации путем нанесения меток на деревяшку упоминал также Ли Чжичан[997]. А в тексте Ли Синьчуаня сказано, что, так как у татар нет письменности, все сведения о перемещениях войска они передают, давая гонцам в качестве условных знаков узелки из травы, либо разломленные дощечки с насечками[998].

Чжао Хун сравнил уйгурскую письменность, принятую монголами для ведения дел с другими государствами, с китайскими нотными знаками для флейты, а также обратил внимание, что в последнее время «в сношениях с государством Цзинь у татар употребляется китайская письменность»[999]. Рубрук писал, что монголы переняли уйгурские письмена («они начинают писать сверху и ведут строку вниз»)[1000]; в его сочинении вообще перечислены несколько языков, имевших употребление в тех краях: «Тибетцы пишут как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как арабы, но умножают строки, восходя вверх, а уйгуры пишут сверху вниз»[1001]. Имеется у него самое

---

[993] 曲譜 *цюйпу* — нотная система времен династии Сун. Подробнее см. в: *Cleaves F.W.* A Chancellery Practice. P. 499–500. Note 17.

[994] 回回 *хуэйхуэй* переводится и как «уйгурский», и как «мусульманский». Н.Ц. Мункуев перевел этот фрагмент «Мусульманские буквы, вероятно, являются братьями (т.е. сродни — Н.М.) [монгольской письменности]» (См. в: *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы... Диссертация. С. 749).

[995] Хэйда шилюэ. С. 30.

[996] Там же. С. 30–31.

[997] *Ли Чжичан*. С. 289.

[998] *Ли Синьчуань.* Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 60.

[999] Мэнда бэйлу. С. 52

[1000] *Рубрук*. С. 129.

[1001] Там же. С. 155.

раннее[1002] западноевропейское описание китайской письменности — «пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово»[1003]. В то же время Марко Поло в своей книге об иероглифах не упоминает вовсе, что даже было использовано в качестве одного из аргументов в пользу теории, согласно которой он никогда не бывал в Китае, а оперировал информацией, полученной от других купцов [1004] . Впрочем, современные историки не склонны воспринимать эту теорию всерьез.

Все посольства вполне закономерно проявляли интерес к военному делу монголов. Пэн Дая сообщает нам о десятичной системе организации монгольского войска[1005]. Упоминание об этом находим также в «Истории Татар» Ц. де Бридиа[1006], и у Плано Карпини[1007]. Наиболее подробным описанием монгольской армии мы обязаны именно авторам «Хэйда шилюэ». Как нечто важное там отмечено существование у монголов всеобщей воинской повинности — «их войско состоит из людей старше пятнадцати лет. У них есть только конница, но нет пехоты»[1008]. Неизгладимое впечатление произвело на Пэн Дая монгольское искусство стрельбы из лука[1009].

Он также оставил детальное описание защитного и наступательного снаряжения монголов. Именно из «Хэйда шилюэ» мы узнаем о различных видах стрел, для каждого типа целей — свои, о нескольких типах щитов, о способе изготовления панцирей [1010] . Имеется упоминание камнеметов, которыми

[1002] Там же. С. 239. Прим. 236. Подробнее см. в: *Rockhill W.W.* The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World. London, 1900.

[1003] *Рубрук*. С. 155.

[1004] Более подробно об этой теории см. прим. 408 наст. работы.

[1005] Хэйда шилюэ. С. 37.

[1006] *Де Бридиа*. С. 117.

[1007] *Плано Карпини*. С. 44.

[1008] Хэйда шилюэ. С. 41

[1009] Там же. С. 39.

[1010] Там же. С. 42.

пользовались при штурме крепостных стен, причем Пэн Дая приводит цифру в четыре сотни орудий, использовавшихся во время осады северокитайского города Фэнсяна, на фоне чего его фраза «из остальной военной техники у них нет больше ничего, стоящего разговора» представляется всего лишь попыткой утешить будущих читателей перед лицом явной угрозы[1011]. Также ему удалось собрать некоторые сведения по тактике ведения боевых действий: на всех этапах осуществления военных операций монголы вели тщательную разведку [1012]; излюбленным приемом была тайная смена места лагеря после наступления ночи с сохранением костров на старом для предотвращения ночных нападений и введения противника в заблуждение[1013]; высокий уровень организации и подготовки войска позволял быстро проводить притворные отступления, засады и замыкания противника в кольцо [1014]. Об искреннем восхищении монгольской конницей говорит следующее сравнение: «что касается их стремительных конных ударов — они появляются, будто свалившись с неба, и исчезают, будто молния мелькнула»[1015]. С ощутимой долей уважения Пэн Дая заметил, что татары следуют принципам мудрого полководца и добывают провиант у противника[1016]. Сюй Тин добавил ко всему этому, что «лучше не рассуждать все время о мощи татар, а подумать о средствах и путях, с помощью которых мы можем сделать себя сильнее»[1017].

[1011] Там же. С. 43.

[1012] Там же. С. 44–45.

[1013] Там же. С. 46. Информация по поводу переносов лагерей подтверждается данными из «Сокровенного сказания», где описан случай, когда Ван-хан кереитский, не желая участвовать в утреннем сражении, ушел из лагеря в темноте, оставив разведенные костры, чтобы скрыть этот маневр от Чингис-хана (Сокровенное сказание. С. 125).

[1014] Хэйда шилюэ. С. 47–49.

[1015] Там же. С. 47.

[1016] Там же. С. 44.

[1017] Там же. С. 47.

Специальный раздел посвятил военному делу и Чжао Хун, заметивший, что «татары рождаются и вырастают в седле»[1018]. Упоминает он и катапульты (камнеметы)[1019]. При этом автор подчеркнул печальную действительность: «татары не щадят даже десятки тысяч людей во время осады, поэтому все города и крепости, на которые они нападают, в конце концов всегда бывают взяты»[1020].

В сочинении Ли Чжичана о воинском искусстве монголов не говорится. Возможно, это обусловлено тем, что в данном случае мы имеем дело с записками частного лица, в то время, как Чжао Хун, Пэн Дая и Сюй Тин являлись, в первую очередь, послами Южных Сунов, а известно, что посольские функции неразрывно переплетаются с функциями разведывательными. Так было не только в Китае. Плано Карпини напрямую пишет об этой своей задаче: «мы не щадили самих себя… чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их (монголов — *Е.Н.*) истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох»[1021].

Европейцы отнеслись к монгольскому военному искусству с не меньшим вниманием, чем китайцы. В тексте Ц. де Бридиа детально описывается традиционное для татар построение в три крыла, активное применение конных лучников, передвижение войска вместе с обозом[1022]. Карпини упоминает суровые методы поддержания дисциплины (за бегство одного казнили весь десяток, за бегство десяти — сотню), особо останавливается на оружии (лук, топор, «веревки, чтобы тянуть орудия»[1023], кривые мечи, копья), подробно говорит о шлемах и латах для солдат и коней[1024]. У него же мы находим любопытное описание способа

[1018] Мэнда бэйлу. С. 66.

[1019] Там же. С. 67.

[1020] Там же.

[1021] *Плано Карпини*. С. 24.

[1022] *Де Бридиа*. С. 123–125.

[1023] Эта фраза служит ещё одним подтверждением наличия у монголов осадной техники вроде катапульт.

[1024] *Плано Карпини*. С. 50–51.

форсирования водных преград: каждый воин обязан иметь при себе кожаный мешок, вмещающий все личное имущество, который при переправе привязывается к хвосту коня; впереди отряда один человек плывет рядом с лошадью, направляя её, а остальные безропотно следуют за ней[1025]. А Ли Синьчуань — единственный из рассматриваемых нами авторов, который рассказал о переходе замерзших рек: в зиму 1217 г., уходя с разграбленных чжурчжэньских территорий, татары «воспользовались тем, что Хуанхэ была скована льдом, раскидали золу [по льду] и провели войска»[1026].

Довольно подробно Плано Карпини писал о том, как монголы осаждают крепости (используют греческий огонь, запруживают реку, делают подкопы)[1027]. А Марко Поло, описывая сражение 1261 г. между Хулагу и Берке, говорит, что перед началом битвы монголы пускают конных лучников, чтобы те осыпали противника стрелами[1028]. Есть в его труде также несколько слов о традиционном монгольском оружии — лук, меч; единственный из всех авторов, он упоминает также палицу. При этом, по данным «Книги» подтверждается способность войска находится на полном самообеспечении — «питаются кобыльем молоком, да той дичью, что сами наловят, а кони пасутся на траве»[1029]. Отсутствие продовольственной зависимости от родной страны в дальнем походе выгодно отличало монгольскую армию от армий их оседлых противников.

На основании личных впечатлений очевидцев мы рассмотрели некоторые аспекты жизни монголов и монгольской действительности XIII–XIV вв. В записках китайских и европейских путешественников есть много общего, довольно часто приводимые сведения взаимно подтверждаются, так что в их правдивости сомневаться не приходится. Это ценные исторические источники, на их основании

[1025] Там же. С. 52.

[1026] *Ли Синьчуань.* Цит. по: *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары»… С. 67.

[1027] *Плано Карпини*. С. 53.

[1028] *Марко Поло*. С. 212.

[1029] Там же. С. 81.

можно сделать выводы о том, каким было монгольское общество в XIII в. и чем именно оно, в первую очередь, поражало современников. Верность слову, равнодушие к богатству с одной стороны, подчинение командирам, дисциплина и высокая боеспособность с другой, в сочетании с громкими военными успехами сделали их объектом повышенного внимания со стороны ближайших и не очень соседей.

Европейцы видели в них Божье наказание за грехи[1030], так же считали и мусульмане [1031] , а иногда эту идею провозглашали и сами монгольские правители[1032]. В то же время китайцы относились к ним с куда меньшим страхом, воспринимая саму возможность появления на китайских землях очередных кочевников достаточно спокойно, поскольку китайская история знала уже немало подобных примеров.

5.3 Мусульманские сочинения

Этот блок источников также представляет для нашей темы огромный интерес. Мы рассмотрим информацию из «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, «Табакат-и Насири» Минхаджа ад-Дина Джузджани, «Тарих-и Джахангушай» Ала ад-Дина Ата-Мелик Джувейни, «Сират ас-султан Джелал ад-Дин» Шихаба ад-Дина ан-Насави, «Аль-камиль фи т-тарих» Мухаммада аль-Джазири Ибн аль-Асира. Эти сочинения отличаются от проанализированных в предыдущем разделе особенностями положения их авторов. Если Плано Карпини, Рубрук, де Бридиа, Чжао Хун, Пэн Дая, Сюй Тин, Чжан Дэхуэй были послами, прибывавшими к монголам на некоторый определенный срок, необходимый для исполнения миссии, и за это время старались собрать доступную информацию по всем возможным аспектам, а Ли Чжичан и вовсе ставил своей задачей не описание монголов, а восхваление своего учения через картину уважения, оказанного его наставнику завоевателями, то литературная деятельность авторов из второй группы строилась

[1030] *Плано Карпини*. С. 24; *Де Бридиа*. С. 54–55.

[1031] *Джувейни*. С. 14, 44, 70.

[1032] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 205.

по совершенно иным принципам. Сторонники или противники монголов, они, тем не менее, не ездили к ним с посольствами и уж точно не старались как можно подробнее описать повседневную жизнь монгольских завоевателей для просвещения тех, кто их послал. Опираясь на личные наблюдения или рассказы очевидцев, эти авторы имели неограниченный запас времени на изложение своих взглядов, а главное, монголов воспринимали не в сиюминутной проекции, в рамках одной поездки, а в растянувшейся реальности, как часть картины мира. Они не стремились дать полную характеристику монголам, а рассказывали о них постольку, поскольку народ Чингис-хана вписывался в общую концепцию их произведений. Даже Джувейни, труд которого, из всех перечисленных, в наибольшей степени сконцентрирован именно на судьбе монголов и их предводителя, всю вторую часть своей истории посвятил Хорезму, рассказывая и о войнах, и о религиозной ситуации, и о деяниях хорезмских правителей. Что уж говорить об остальных авторах, которые писали своды истории, охватывающие многие регионы и укладывающиеся в широкие хронологические рамки, как, например, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина или «Насировы разряды» Джузджани, а то и вовсе были посвящены другим личностям — вспомним «Жизнеописание Джелал ад-Дина» ан-Насави.

Таким образом, не вызывает сомнений, что подход к изложению сведений о монголах был у мусульманских авторов совершенно другим, и это наложило свой отпечаток на структуру восприятия. Авторы не описывали, как какие-то диковинки, одежду монголов, их жилища, специфические женские головные уборы. Их мало занимал язык и письменность, поскольку противникам монголов до этого не было дела, а для их сторонников уйгурское письмо не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Им было неважно, чем монголы питаются — ведь в их задачи не входило познакомить читателей с возможной будущей угрозой, для чего важны любые подробности быта и повседневной жизни. С точни зрения Джузджани, Ибн ал-Асира или ан-Насави монголы были угрозой настоящего времени, реальной и чрезвычайно близкой.

В описаниях наших авторов имеется ряд общих тем, которым они уделяли особенно пристальное внимание. Среди них — размышления о причинах военных успехов монголов, рассказ об обстоятельствах вторжения войск Чингис-хана в Хорезм, о личностных качествах монголов, об их традициях и повседневных обычаях, о вере и отношении к религии. В соответствии с этим перечнем мы и распределим данные источников.

Уже первый из писавших о монголах авторов, Ибн ал-Асир задавался вопросом о причинах их столь впечатляюще быстрых побед. И назвал две: «Они (завоеватели) не нуждались в доставке им провизии и провианта, а гнали с собой овец, коров, лошадей и иных верховых животных и ели только их мясо. Их животные, на которых они ездили, рыли землю копытами и поедали корни растений, не зная ячменя. Если они останавливались в каком-нибудь жилье, то не нуждались ни в чем со стороны»[1033], что также отмечалось китайскими авторами как неоспоримое преимущество монгольской армии[1034], и деятельность хорезм-шаха — «успеху этих татар способствовало отсутствие защитника от них. Причиной этого было то, что хорезм-шах Мухаммед завладел многими странами, убил их правителей, перебил их [жителей] и стал один султаном [единой его] страны»[1035]. В своем последнем утверждении Ибн ал-Асир одинок, поскольку больше ни один автор не считал завоевательную деятельность Мухаммеда причиной его военного поражения. Его тактику ведения боевых действий против монголов, заключавшуюся в рассредоточении сил по крепостям — да, называли, высказывая мнение, что генеральное сражение, данное монголам на границе

[1033] Там же. С. 357.

[1034] Пэн Дая писал: «Каждый раз, когда они (монголы — Е.Н.) вторгаются в чужую область, они тотчас принимаются за грабеж и разбой, в точности как учил наставник Сунь У: «Провиант реквизируют у врага» См. в: Хэйда шилюэ. С. 44. Под указанным наставлением, скорее всего, подразумевается следующий фрагмент Сунь-цзы: «Силы подрываются, средства иссякают… Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника» См. в: *Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.–Л., 1950. С. 35.

[1035] *Ибн ал-Асир.* С. 358.

страны, могло бы их остановить. Джувейни приводит речь Джелал ад-Дина в канун монгольского вторжения: «мы должны по возможности собрать все войска вместе и выступить против них. И если у султана не хватает для этого храбрости, пусть он отправляется в Ирак, а войска передаст мне, чтобы я мог пойти к границе, и вступить с ними в бой, и сурово их покарать»[1036]. Как известно, Мухаммед отказался от этого предложения. Но хорезмскую экспансию, фактически обезглавившую присоединенные территории, счел причиной военной слабости региона только Ибн ал-Асир. И это наблюдение весьма ценно, поскольку является попыткой найти объективные причины победы монголов, а не просто признать их нашествие карой Божьей, которой невозможно противостоять.

Естественно, повышенным вниманием пользовались все моменты, касающиеся организации войска, стратегии и тактики, военного снаряжения.

Опять-таки, от Ибн ал-Асира мы впервые узнаем, что у монголов было развито саперное дело — при взятии Бухары под городские стены подводились подкопы[1037]. Умели они и запруживать реки, свидетельства чему встречаются у Рашид ад-Дина в эпизоде осады северокитайского города Дунпин[1038]. Военные инженеры при монгольской армии знали, как быстро наводить мосты через водные преграды[1039].

Так же во всех наших источниках встречается упоминание осадных орудий — при осаде Насы «против нее было установлено двадцать катапульт, которые тащили люди, собранные из областей Хорасана»[1040], а когда монголы собрались взять Нишапур (в современном Иране), «они находились здесь (в близлежащей деревне — Е.Н.), пока не восполнили недостатка в осадных орудиях: защитных стенах, подвижных башнях, катапультах и таранах. Они направились к Нишапуру

[1036] *Джувейни* С. 265.

[1037] *Ибн ал-Асир.* С. 363.

[1038] *Рашид ад-Дин* Т. 1. Кн. 2. С. 176.

[1039] Там же. Т. 2. С. 42.

[1040] *Ан-Насави.* С. 91.

и в тот же день установили двести катапульт с полным оснащением и метали из них»[1041]; во время осады Хорезма использовалась приспособления «в виде катапульт (*манджаник*), черепах (*матарис*) и осадных машин (*даббабат*)», а в качестве метательных снарядов, ввиду отсутствия камней, использовали круглые куски стволов тутовых деревьев, которые «размачивали в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни»[1042].

Джузджани упоминал катапульты, использовавшиеся монголами во время штурма Герата[1043] (на территории современного Афганистана) и Лохора[1044] (на территории современного Пакистана). У Рашид ад-Дина катапульты фигурируют в рассказе о борьбе Чингис-хана против Тимур-мелика, эмира Ходженда (на территории современного Таджикистана), который укрепился на острове посредине Сейхуна (Сыр-Дарьи)[1045]. Там же, в истории взятия Бухары, помимо катапульт, упоминаются сосуды с зажженной нефтью[1046]. Затем, когда часть монгольского войска направилась в Индию, для нападения на Мултан (на территории современного Пакистана) они по реке доставили камни для катапульт, поскольку в окрестностях подходящих метательных снарядов не имелось[1047]. У Джувейни также встречаются сведения о катапультах и стенобитных орудиях — они использовались при нападении на Дженд[1048] (в современном Казахстане). Кроме того, катапульты применяли во время штурма Талекана и Бамиана[1049] (ныне

[1041] Там же. С. 94.

[1042] Там же. С. 132.

[1043] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1037.

[1044] Ibid. P. 1133–1134.

[1045] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 201.

[1046] Там же. С. 206.

[1047] Там же. С. 224. Эти данные, вероятно, взяты из сочинения Джувейни. См. *Джувейни*. С. 95–96.

[1048] *Джувейни*. С. 59.

[1049] Там же. С. 90.

на территории Афганистана). С помощью катапульт был разрушен город Магас[1050] (древняя столица аланов на Кавказе).

Таким образом, не вызывает сомнений, что монголы обладали богатейшим арсеналом осадных механизмов, передовых для того времени, позаимствованным в Северном Китае вместе с инженерами, которые эти орудия строили и обслуживали[1051].

Одним из наиболее практикуемых военных приемов у монгольских полководцев было притворное бегство. Именно таким способом, по словам Ибн ал-Асира, они выманили из-за крепостных стен жителей Самарканда, после чего перебили своих «преследователей»[1052]. Другая тактика, засадная, упоминается у ан-Насави при описании сражения с Джелал ад-Дином: «когда татары[1053] увидели, что войск (противника — Е.Н.) много и положение серьезное, они оглядели своих избранных храбрецов под командованием тирана их бахадуров и спрятали их в засаде за холмом»[1054]. Кроме того, заслуживает упоминания тот факт, что хорезм-шах, в тексте ан-Насави, полагал, будто монголы ищут, в первую очередь, добычу, поэтому «лучший образ действий — это очистить страну и удалиться на время в пустыни и в горы, пока они не соберут во время нападений то, чем насытятся их глаза и руки, и не возвратятся. А люди спасутся от их внезапных набегов»[1055].

[1050] Там же. С. 185.

[1051] См. в: *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар… С. 37–38; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 429.

[1052] *Ибн ал-Асир.* С. 365.

[1053] В оригинальном тексте «Сират ас-Султан» монголы фигурируют именно под именем татар. Более подробно о том, почему возможна такая замена, и о соотношении двух этих этнонимов см. в: *Бичурин Н.Я.* Кто таковы были монголы. С. 85–92; *Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. P. 376–383; *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 434, 447; Мэнда бэйлу. С. 135; *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах… С. 377–408; *Викторова Л.Л.* Монголы. С. 161–163; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 132–135; *Lane G.* Daily life… С. 14–16; *Нестерова Е.Р.* Монголы, татары, черные татары — кто есть кто… С. 7–19.

[1054] *Ан-Насави.* С. 177.

[1055] Там же. С. 89–90.

Мухаммед полагал, что монголы — обычные разбойники-кочевники, которые нападают исключительно ради добычи. Возможно, такое мнение бытовало в среде хорезмийской знати, однако оно было необычайно далеко от истины.

Еще одной интересной деталью является методика форсирования монгольским войском водных преград. Ибн ал-Асир, говоря о движении монголов в Пенджаб, описал ее следующим образом: «Они прибыли туда и не нашли там лодок [для переправы через Джайхун]. Тогда они изготовили из дерева нечто вроде больших водопойных корыт, обтянули их коровьими шкурами, чтобы в них не проникла вода, положили в них свое оружие и пожитки, завели в воду лошадей, уцепились за их хвосты, привязав к себе эти корыта, так что лошадь тащила человека, а человек тащил корыто, наполненное оружием и прочим, и все они переправились за один раз»[1056]. Подобное описание имеется у Плано Карпини, только вместо корыт там фигурируют кожаные кошели[1057].

Общим для рассматриваемых нами сочинений является рассказ об обстоятельствах монгольского вторжения в Хорезм. Ибн ал-Асир, единственный из всех авторов, не упомянул провокационное письмо Чингис-хана к *хорезм-шаху*, в котором последний был назван «дорогим сыном». Это можно было бы объяснить тем, что данная информация не была известна за пределами ближайшего окружения монгольских правителей, к которому относились Джувейни и Рашид ад-Дин, однако в то же время о письме знал ан-Насави, который не принадлежал к числу сторонников завоевателей, и, тем не менее, приводит текст обращения достаточно подробно: «От меня не скрыто, как велико твое дело, мне известно и то, чего ты достиг в своей власти. Я узнал, что твое владение обширно и твоя власть распространилась на большинство стран земли, и поддержание мира с тобой я считаю одной из своих обязанностей. Ты для меня подобен самому дорогому моему сыну. Не скрыто и для тебя, что я завладел Китаем и соседними с ним странами тюрок и их племена уже покорились мне. И ты лучше всех людей знаешь,

[1056] Там же. С. 366.

[1057] *Плано Карпини*. С. 52.

что моя страна — скопища войск и рудники серебра и в ней столько [богатств], что излишне искать какую-либо другую. И если сочтешь возможным открыть купцам обеих сторон путь для посещения, то это [было бы] на благо всем и для общей пользы» [1058].

Джувейни, описывая инцидент с ханским письмом, приводит другой вариант текста: «Купцы из твоей страны были среди нас, и мы отправили их назад с почестями, о которых ты услышишь. И мы также послали в твою страну вместе с ними несколько купцов, чтобы они могли приобрести диковинные товары тех мест; а также, чтобы, наконец, вскрыть нарыв злых помыслов и удалить гной подстрекательств и мятежей»[1059]. Фраза про «дорогого сына» здесь отсутствует. Рашид ад-Дин, описывая этот эпизод в своем «Сборнике», скорее всего, обращался к каким-то третьим, не дошедшим до нас первоисточникам, потому что у него мы читаем наиболее полный вариант: «Купцы той [вашей] стороны пришли к нам, и мы отправили [их] назад таким образом, как вы услышите. Кроме того, мы послали вместе с ними в те [ваши] страны несколько купцов привезти в нашу сторону диковинки ваших краев и получить редкостные ткани [производства] тамошних краев. Величие вашей семьи и благородство вашего рода [ни для кого] не скрыты! Обширность пространства [вашего] государства и проникновенная сила ваших приказов ясны и знати, и черни в большей части земли. Для меня же вы — дорогой сын и лучший из мусульман. [Теперь], когда пределы, близкие к нам, очищены от врагов и полностью завоеваны и покорены и с обеих сторон определены соседские права, — разум и благородство требуют, чтобы с обеих сторон был бы проторен путь согласованности и мы взяли бы на себя обязательства помощи и поддержки друг друга в бедственных событиях и содержали бы в безопасности дороги от гибельных происшествий, дабы купцы, от многократных посещений которых зависит благосостояние мира, передвигались бы со спокойной душой. [Тогда],

[1058] *Ан-Насави.* С. 72–73.

[1059] *Джувейни*. С. 52.

вследствие [установившегося между нами] согласия, исчезнут поводы для беспокойства и пресечется поддержка разлада и непокорности!» [1060].

Таким образом, мы видим, что три наших автора уделили пристальное внимание обстоятельствам вторжения Чингис-хана в Хорезм, но при этом пользовались разными источниками, что обусловило различия в формулировках послания.

Ибн ал-Асир, в свою очередь, удовольствовался эпизодом с нападением на монгольских купцов в Отраре, предпринятом, по его мнению, с полного ведома и одобрения Мухаммеда: «Он (Чингис — Е.Н.) отправил группу купцов с большим количеством слитков серебра, бобровых мехов и других товаров в города Мавераннахра Самарканд и Бухару, чтобы они купили для него одежду для облачения. Они прибыли в один из городов тюрков, называемый Отрар, а он — крайний предел владений хорезм-шаха. Там у него был наместник. Когда эта группа [купцов] прибыла туда, он послал к хорезм-шаху, сообщая ему об их прибытии и извещая о том, что они имеют ценного. Хорезм-шах послал к нему [гонца], приказывая убить их, забрать все, что у них было, и отправить к нему»[1061]. То есть инициатором убийств в Отраре назван Мухаммед. Причина не объясняется, но решение и, соответственно, ответственность за последствия, приписаны *хорезм-шаху* единолично.

Того же мнения придерживается Джувейни — «султан разрешил пролить их кровь и признал захват их товаров законным»[1062]. Почти теми же словами описал ситуацию и Рашид ад-Дин[1063]. Поводом к пролитию крови в сочинениях этих двух авторов послужило отсутствие со стороны одного из послов должного уважения к правителю Отрара. В свою очередь, ан-Насави в качестве причины убийства назвал обыкновенную жадность, поддавшись которой, эмир Отрара написал *хорезм-шаху*

[1060] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 188.

[1061] *Ибн ал-Асир.* С. 358.

[1062] *Джувейни*. С. 52.

[1063] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 188–189.

лживое письмо, в котором объявил послов и купцов шпионами и добился от Мухаммеда разрешения их всех перебить, а имущество присвоить[1064]. Такое поведение ан-Насави можно объяснить его преданностью Джелал ад-Дину, сыну Мухаммеда, и, следовательно, желанием снять вину за произошедшее с отца своего покровителя.

Джузджани описал ситуацию с вторжением в Хорезм несколько иначе. Согласно его сведениям, Мухаммед намеревался завоевать некоторые территории, принадлежавшие империи Цзинь, и посылал своих соглядатаев для разведки. В одну из поездок произошла встреча его агентов с Чингис-ханом, который отправил вместе с ними Мухаммеду разные диковины и драгоценности, а также устное послание *хорезм-шаху* следующего содержания: «Я владыка рассвета, а ты владыка заката. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны из обеих стран приходят и уходят, привозя в твою страну драгоценные и обычные товары с моих земель, и наоборот»[1065]. Вместе с послами и подарками в Хорезм поехали монгольские торговцы, что вполне созвучно сведениям из других источников. По прибытии же в Отрар монголы были вероломно убиты правителем города, который «испросил на это разрешения у хорезм-шаха, исполнившись алчности при виде этих гор золота и серебра»[1066]. При совпадении последнего эпизода с данными ан-Насави, имеется ряд существенных отличий от всех остальных наших источников — хорезмийские шпионы на завоеванных Чингисом территориях, отправка ко двору Мухаммеда не просто торгового каравана, а разнообразных даров, что можно трактовать как предложение мирного сосуществования.

Общим для всех авторов — и сторонников, и противников монголов, является возлагание ответственности за вторжение Чингиса в Хорезм на *хорезм-шаха* или его наместника, родича его матери. Никто не отрицает того факта, что нападение

[1064] *Ан-Насави.* С. 74.

[1065] *Juzjani*. Vol. 2. P. 965–966.

[1066] Ibid. P. 967.

монголов было спровоцировано убийством их послов. Хотя нам представляется вполне допустимым, что монгольские посланцы действительно были шпионами, как писал эмир Отрара у ан-Насави, а сам поход Чингиса на Запад оставался исключительно вопросом времени.

Переходим к следующему пункту сравнения: все рассматриваемые нами авторы, вне зависимости от принадлежности к промонгольскому или антимонгольскому лагерю, одинаково высоко отзывались о личностных качествах монголов, таких как честность, правдивость, доблесть, верность командирам и хану, готовность сражаться до победного конца. И в этом они единодушны с китайскими послами.

Джузджани, один из наиболее непримиримых противников монголов, редко когда упоминавший их без эпитета «проклятый», тем не менее, рассказывает весьма выразительный «анекдот»: двое монгольских часовых заснули на посту, были приведены к начальнику, чистосердечно признали свою вину и безропотно приняли наказание — смертную казнь. Рассказчик, присутствовавший при этом, изумился: «Доказательств проступка нет. Если нарушители знали, что их ждет смерть, зачем они признались? Ведь если бы они отрицали свою вину, то остались бы живы». На это начальник казненных отвечал: «Монгол предпочтет быть убитым, но не солжет. Это вам привычно лгать. За это Бог и наслал на вас бедствие в нашем обличии» [1067] . Момент показательный, поскольку видно, как сам Джузджани впечатлен происходящим. Впечатлен настолько, что включил такой почти панегирический мотив в свой текст, исполненный неприкрытой ненависти к завоевателям. Ибн ал-Асир, в свою очередь, описал другой эпизод: во время сражений под Мервом один из монголов попал в плен к мусульманам и сказал им: «Если говорят, что татары убивают, это правда, а если говорят, что они убегают, то это неправда»[1068].

[1067] Ibid. P. 1080–1081.

[1068] *Ибн ал-Асир.* С. 373–374.

Ан-Насави, также принадлежавший к лагерю противников монголов, дал высокую оценку монгольским воинам через размышления *хорезм-шаха* Мухаммада: «А душой султана завладели страх и убежденность в их храбрости; он, как говорят, в своем кругу сказал, что не видел никого, подобного этим людям храбростью, стойкостью в тяготах войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом»[1069]. Он посчитал возможным написать следующее: «султан (Джелал ад-Дин — Е.Н.) после сражения близ Исфахана вернулся из Ирака — а его войска были напуганы тем, что увидели в деле с татарами, и их смелостью»[1070]. О войске, посланном Чингис-ханом под предводительством Джочи, автор сочинения сказал, что оно состоит «из отборных воинов, [верных], как потник седла, и [храбрых], как острые мечи»[1071]. А несколько далее, описывая последние дни подле Джелал ад-Дина, когда султан уже окончательно утратил связь с реальностью, поддавшись алкоголю, ан-Насави напрасно пытался его убедить, что монголы не могут уйти, не сразившись с ним[1072] — то есть не выполнив приказ своего правителя и не доведя начатую военную операцию до конца. Это ли не показатель воинской доблести и дисциплины. Так что исключительные личные качества монгольских воинов в бою — понятие бесспорное и признаваемое даже самыми ярыми их врагами.

Позиция Рашид ад-Дина и Джувейни в данном вопросе однозначна и вполне предсказуема. Храбрость монгольских воинов упоминается неоднократно[1073], они сравниваются со львами[1074]. Однако интересно отметить, что в этих сочинениях общее восхваление доблести и отваги монголов представляется более размытым, менее художественным. Основные витиеватые эпитеты, столь характерные для восточного историописания, применяются персонифицированно, к конкретным людям — чаще всего, к хану и его ближайшему кругу соратников (сыновья,

[1069] *Ан-Насави.* С. 49.

[1070] Там же. С. 213.

[1071] Там же. С. 119.

[1072] Там же. С. 283.

[1073] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 207, 209; *Джувейни.* С. 55, 106.

[1074] *Рашид ад-Дин.* Т. 2. С. 24, 37; *Джувейни.* С. 106.

военачальники). Например, о Чингис-хане сказано, что «на скрижали его чела [были] явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества»[1075]; он именуется «завоевателем мира и владыкой вселенной»[1076]; Толуй восхваляется как «не имеющий равных по храбрости и отваге» [1077] ; Мункэ описывается как муж «знаменитый своей мудростью и храбростью… и мир, этот необъезженный жеребец, будет укрощен шпорами его строгости и доблести»[1078]. В то время как в текстах монгольских противников признание выдающихся качеств монголов дается в более обобщенных характеристиках, без различения должности и звания. Монголы **все** храбры, честны и беззаветно преданны своим вождям.

Что касается монгольской повседневности, то не все рассматриваемые здесь авторы имели возможность общаться с монголами напрямую и наблюдать их жизнь и быт, как это могли себе позволить, например, китайские или европейские послы Пэн Дая, Сюй Тин, Чжао Хун, Г. де Рубрук, Дж. дель Плано Карпини. Однако интерес к особенностям повседневного уклада завоевателей — или, в случае с Джувейни и Рашид ад-Дином, — покровителей, безусловно, присутствовал.

Начнем, согласно хронологии, с ан-Насави, который описывает интересный случай, как нечто, позаимствованное у монголов Джелал ад-Дином: «в обычае султана было, что, если кто-либо из его сторонников во время сражения бежал или выказывал нерадивость в каких-либо случаях, султан подвергал его [новой] опасности и заставлял переносить трудности, пока тот не выявлял [должной] старательности в службе, которая смывала с него грязь его вины, и тогда султан выказывал удовлетворение. Это было в обычае только у татар, которые давали

[1075] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 75.

[1076] Там же. С. 152.

[1077] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 103.

[1078] *Джувейни*. С. 405.

[нерадивому] возможность исправиться, и он воспринял этот обычай»[1079]. Правда, в других источниках такой монгольский обычай не упоминается. Отдаленно похожая ситуация описана только в «Сокровенном сказании» в эпизоде возвращения к Чингису Джочи, Чагатая и Угэдэя после взятия Ургенча, когда царевичи не выделили долю добычи для своего отца. Чингис-хан сначала отругал их, но затем внял призыву своих соратников направить провинившихся сыновей в новый поход[1080]. Однако, как видим, тут сходство крайне незначительное. Существовал ли такой обычай у монголов в самом деле, или же ан-Насави был введен в заблуждение своими информаторами, неизвестно.

Еще один очень странный обычай упомянут у Ибн ал-Асира: «они (монголы — Е.Н.) не заключали брак, а с женщиной вступали в сношения несколько мужчин. Когда появлялся на свет ребенок, отец его не был известен»[1081]. Это утверждение представляется весьма сомнительным, поскольку из многих источников мы знаем о традициях бракосочетания, знаем, что монголы брали несколько жен, имели наложниц, если позволяла материальная обеспеченность. И в исторических текстах описано немало успешных и абсолютно официальных браков, таких, как, например, брак Чингиса и Бортэ[1082], Толуя и Соркуктани[1083], Хубилая и Чаби (Чабун)[1084], Угэдэя и Туракин[1085], Гуюка и Огуль-Гаймиш[1086]. Для своего сына Джочи Чингис просил руки дочери Ван-хана[1087] — правда, брак не состоялся, но сам факт обсуждения возможного бракосочетания однозначно зафиксирован в источнике. Также в «Сокровенном сказании» упоминаются браки в среде простых монголов —

[1079] *Ан-Насави.* С. 207.

[1080] Сокровенное сказание. С. 188.

[1081] *Ибн ал-Асир.* С. 357.

[1082] Сокровенное сказание. С. 87, 95.

[1083] *Рашид ад-Дин.* Т. 2. С. 103.

[1084] Там же. С. 153.

[1085] Там же. С. 8–9.

[1086] Там же. С. 114.

[1087] Сокровенное сказание. С. 127.

отец и мать Бортэ[1088]; татарская жена Чингиса Есуй, которая до знакомства с ханом было сговорена замуж[1089]; муж и жена Еке-Церен и Алахчит из рода кереитов[1090]; жена Чингисова брата Хасара[1091]; дочери чжиргинцев, которых они не должны самовольно выдавать замуж[1092]; конюший Сангума Кокочу с женой[1093], жена Борохула Алтани[1094]. Все выше приведенные данные свидетельствуют о том, что институт брака у монголов существовал и был вполне развит. Так что эти материалы из записей Ибн ал-Асира приходится расценивать как заблуждение, случайное или намеренное. В последнем случае причину можно было бы усмотреть в желании придать монголам некоторые отрицательные черты, варваризируя их образ для подчеркивания пропасти между безжалостными дикими завоевателями и страдающими от их набегов цивилизованными народами.

Однако если говорить о других сведениях из «Полного свода истории», то информация о религиозных обрядах монголов вполне достоверна. «Что касается их веры, то они поклонялись Солнцу при его восходе»[1095]. Правда, здесь хотелось бы уточнить, что монголы поклонялись не столько Солнцу, сколько Небу, именно его призывали в свидетели своих поступков и ему возносили молитвы. В «Алтан Тобчи» написано: «разбив тайджиутов, Чингис сказал: «Верховному Небу, своему отцу, поклонимся!». Взойдя на высокий бугор, владыка разостлал свой потник, свой пояс повесил на шею и произнес молитву»[1096]. Однако и для поклонения солнцу в монгольских источниках имеется подтверждение — этот обычай упомянут в «Сокровенном сказании»: избегнув опасности во время нападения меркитов, Чингис «обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс,

[1088] Там же. С. 95.

[1089] Там же. С. 124.

[1090] Там же. С. 129.

[1091] Там же. С. 139.

[1092] Там же. С. 140.

[1093] Там же. С. 141.

[1094] Там же. С. 165.

[1095] *Ибн ал-Асир.* С. 357.

[1096] Алтан Тобчи. С. 123.

за тесьму повесил на руку шапку свою и, обнажив грудь, девятикратно поклонился солнцу»[1097]. Об этих поклонениях писал и Рашид ад-Дин — перед походом на Хорезм Чингис «поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник к земле. В течение трёх суток он молился и плакал»[1098]; и Джузджани — прежде, чем напасть на чжурчжэней, Чингис «вошел в палатку, повесил вокруг шеи веревку и не выходил из палатки три дня и три ночи, и все это время все люди выкрикивали «Тенгри[1099]! Тенгри!»[1100]. То есть наши авторы были весьма точно осведомлены о верованиях монголов и их традиционных ритуалах.

Пару слов следует сказать об описании в рассматриваемых источниках погребального обряда монголов. Джузджани написал о похоронах Бату весьма подробно: «когда один из них умирает, они готовят под землей пространство размером с комнату или залу, пропорциональное рангу и достоинству проклятого, который, вероятно, отправился в ад. Они украшают его троном и покрывают землей. Они кладут туда сосуды и разную утварь, вместе с его оружием и доспехами, и всем, что ему принадлежало, с некоторыми его женами и рабами, мужчинами или женщинами, и тем, кого покойный любил больше всех. Когда они кладут проклятого на трон, они хоронят его любимых рядом с ним в том же месте. Ночью это место засыпают, и по нему прогоняют лошадей, так чтобы не осталось и следа»[1101]. Рашид ад-Дин сообщил, что Мункэ похоронили в местности Бурхан-халдун, подле Чингиса и Толуя[1102], и это наводит на мысль, что по традиции правителей предполагалось хоронить в определенном месте. Бурхан-халдун избрал для своего погребения сам Чингис[1103]. Там же сказано, что Борак[1104] был похоронен

[1097] Сокровенное сказание. С. 98.

[1098] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 189.

[1099] Тенгри — Великое Небо. См. в: *Викторова Л.Л.* Монголы. С. 147.

[1100] *Juzjani*. Vol. 2. P. 954.

[1101] Ibid. P. 1173.

[1102] *Рашид ад-Дин.* Т. 2. С. 148.

[1103] Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 234.

[1104] Борак — правнук Чагатая. См. в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 90–91.

в горах[1105] — возможно, тоже в соответствии с обычаем, поскольку и Бурхан-халдун — это гора[1106].

Смерть и похороны Чингиса, по информации из «Сборника летописей», сопровождались убийством всего живого, встреченного на пути следования гроба[1107], однако кончина других ханов подобными деяниями не отмечалась, так что здесь говорить о сложившемся обычае не представляется возможным. Оплакивание покойного продолжалось, согласно традиции, четыре дня[1108]. Осведомленность Рашид ад-Дина о таких подробностях вполне закономерна, учитывая его придворную службу и обилие источников, к которым он имел доступ. Джувейни в своем сочинении о погребальных традициях рассказывал немного — со смертью Гуюка все дороги были перекрыты и каждый должен был остановиться в том месте, где его печальная весть, и это названо монгольским обычаем[1109].

Джузджани описал странную традицию, согласно которой после смерти правителя новый не садится на престол в течение полутора лет, и этот период называется «три года — полтора года дней и полтора года ночей»[1110]. В других источниках ни о чем подобном упоминаний не встречается. Однако задержки между смертью предыдущего хана и воцарением нового действительно происходили, начиная с сына Угэдэя Гуюка, который наследовал отцу, но престол получил в результате упорной борьбы с членами Золотого Рода. Угэдэй же был избран ханом сразу после смерти Чингиса, поскольку именно такова была воля основателя империи. Он ее озвучил совершенно недвусмысленно[1111].

[1105] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 92.

[1106] Сокровенное сказание. С. 94.

[1107] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 258.

[1108] Там же. С. 235; Т. 2. С. 147–148.

[1109] *Джувейни*. С. 180.

[1110] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1144.

[1111] О решении Чингиса передать власть третьему сыну см. в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 8; Сокровенное сказание. С. 184–186.

Стоит упомянуть традиции возведения нового хана на престол. Об этом писали только Джувейни и Рашид ад-Дин, поскольку представителям враждебного монголам лагеря, вероятно, негде было почерпнуть нужные сведения. А может быть, они не казались им заслуживающими внимания.

Джувейни описал воцарение Угэдэя: после сорока дней шутливых споров и увещеваний братья и дяди Угэдэя обнажили головы, перекинули пояса через плечо, и самые старшие из присутствовавших — Чагатай, старший сын Чингиса, и Отчигин, младший брат Чингиса, взяли Угэдэя за руки и возвели на престол, и все присутствующие трижды преклонили колени и вознесли молитвы[1112]. Так же прошло воцарение Гуюка[1113] и Мункэ[1114]. Причем последний получил власть в свои руки почти через полтора года после смерти Гуюка[1115] — быть может, узнав о такой задержке, Джузджани и высказал предположение, что новый правитель не садится на трон в течение полутора лет после кончины предшественника, хотя на самом деле проблема была просто в междоусобных конфликтах между возможными претендентами на престол[1116]. Кроме того, и Джувейни, и Рашид ад-Дин упоминали масштабную раздачу богатств и опустошение казны при восшествии нового хана на престол и просто так, без особого повода[1117]. Так что эта сторона монгольского быта, в наибольшей степени свойственная «кочевым империям»[1118], оказалась замечена и отмечена авторами не монгольского происхождения, для которых подобная безоглядная щедрость представлялась чем-то достаточно необычным.

Если говорить о повседневной жизни простых монголов, то тут наши источники не слишком многословны. Ибн ал-Асир писал о монгольском рационе

[1112] *Джувейни*. С. 124.

[1113] Там же. С. 173.

[1114] Там же. С. 406.

[1115] Там же. С. 407.

[1116] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 131–136.

[1117] *Джувейни*. С. 126, 176; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 49, 121.

[1118] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 384–388.

— «у них не было запретной пищи, и они ели всех верховых животных, собак, свиней и прочее»[1119]. Джувейни отмечал, что монголы стремятся к простоте в обращении, не пользуются витиеватыми славославиями, и даже у правителя всего одно имя[1120]. На эту же особенность обратили внимание Чжао Хун, автор «Полного описания монголо-татар»[1121], и Пэн Дая и Сюй Тин, авторы «Кратких заметок о черных татарах»[1122].

Характерной чертой монгольского общества, не зафиксированной авторами антимонгольского толка, было регулярное проведение масштабных облавных охот, которые не только доставляли пропитание, но и служили полноценной тренировкой для армии по отработке слаженности действий и маневренности. Об этом весьма подробно писал Джувейни[1123] и Рашид ад-Дин[1124].

Что касается вопросов религии — не все авторы уделили им одинаковое внимание, однако то, что записано, безусловно, заслуживает внимания, тем более, что первоначальный подход монголов к конфессиональной политике выделялся на общемировом фоне того времени своей исключительной либеральностью. Об этом особо писал Джувейни, подчеркивая, что Чингис не делал различия для представителей разных конфессий и завещал такую линию поведения своим преемникам[1125]. Впрочем, на деле ее придерживались далеко не все Чингисиды. Источники рисуют весьма прихотливую картину религиозных предпочтений монгольской правящей верхушки.

Джузджани писал, что Чагатай был злейшим врагом мусульман[1126], и неоднократно проклинал его за это[1127]. При этом Угэдэй с его добротой и

[1119] *Ибн ал-Асир.* С. 357.

[1120] *Джувейни*. С. 20.

[1121] Мэнда бэйлу. С. 59.

[1122] Хэйда шилюэ. С. 28–29.

[1123] *Джувейни*. С. 20–22.

[1124] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 42.

[1125] Там же. С. 20.

[1126] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1107.

веротерпимостью противопоставлен своему свирепому брату. Один из эпизодов повторяется и в «Табакат-и-Насири», и в «Истории завоевателя мира» — Чагатай и Угэдэй увидели в реке мусульманина, совершающего омовение, и Чагатай велел немедленно его схватить, поскольку это было нарушением Ясы[1128], а Чагатай славился большой строгостью во всем, что касалось установлений Чингис-хана[1129]. Угэдэй предложил отложить вынесение приговора до утра, а сам послал своих людей бросить в реку в этом месте серебряный *балыш* и научить самого нарушителя правильному ответу. На следующий день этот мусульманин рассказал Чагатаю и Угэдэю, что упавший в воду *балыш* для него целое состояние, поскольку он беден, и только по этой причине он отважился преступить закон. В подтверждение его слов из реки в самом деле подняли *балыш,* и Угэдэй велел отпустить мусульманина, просто взяв с него обещание больше не совершать подобных действий[1130]. Наличие одного сюжета в двух сочинениях, написанных в разных странах примерно в одно и то же время может свидетельствовать, с одной стороны, о его приближенности к действительности, а с другой — об активном культурно-интеллектуальном обмене между Делийским султанатом, в котором писал Джузджани, и Багдадом, где работал Джувейни.

Джузджани утверждал, что Бату, возможно, тайно принял ислам и оказывал поэтому мусульманам всяческое покровительство[1131]. В связи с этим, говоря о его смерти, Джузджани написал: «да пребудет с ним милосердие Всемогущего, если он был истинным верующим, и да облегчит его страдания Всемогущий в аду, если он был неверным»[1132], из чего можно сделать вывод, что автор не был уверен в факте

[1127] Ibid. P. 1104, 1109–1111, 1148.

[1128] Согласно Ясе, запрещалось мыться и умываться в проточной воде. См. в: *Juzjani*. Vol. 2. P. 1107; *Джувейни*. С. 137; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 132.

[1129] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 93; *Джувейни*. С. 138;

[1130] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1108–1109; *Джувейни*. С. 138.

[1131] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1171–1172.

[1132] Ibid. P. 1173.

перемены веры. Также мусульманином назван брат Бату Берке[1133]; более того, ему приписывается призыв к Мункэ сменить вероисповедание, на который Мункэ якобы откликнулся[1134]. Другие источники факт принятия Мункэ ислама не подтверждают. Рашид ад-Дин писал, что первым из правителей ислам принял Газан-хан[1135], правнук Хулагу.

Сартак, сын Бату, назван у Джувейни христианином[1136]. Как и Гуюк-хан[1137], при котором «христиане процветали, а мусульмане не смели возвысить против них свой голос»[1138]. Рашид ад-Дин пишет о Гуюке более осторожно — просто отмечает, что приверженность к христианству одного из приближенных Гуюка, Кадака, «наложило отпечаток на характер хана», так что он оказывал христианам покровительство[1139]. А Сартака называет христианином и Джузджани — обращаясь к Берке, Сартак говорит: «ты мусульманин, я христианин, взглянуть на мусульманина для меня — к несчастью»[1140]. Христианкой была мать Мункэ, жена Толуя, Соркуктани-беки[1141], и, возможно, старшая жена Хулагу, Докуз-хатун[1142].

Ибн ал-Асир и ан-Насави вопросами вероисповедания у монголов не интересовались. Для них монголы были «неверными»[1143], без каких-либо подробностей.

[1133] Ibid. P. 1181, 1247.

[1134] Ibid. P. 1181.

[1135] *Рашид ад-Дин*. Т. 3. С. 164.

[1136] *Джувейни*. С. 184.

[1137] Там же. С. 178.

[1138] Там же. С. 179.

[1139] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 120–121.

[1140] *Juzjani*. Vol. 2. P. 1291.

[1141] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 128.

[1142] Там же. Т. 3. С. 18.

[1143] См., например, в: *Ан-Насави.* С. 42; *Ибн ал-Асир.* С. 361–364.

5.4 Подводя итоги

Таким образом, мы видим, что источники содержат немало любопытных фактов. Некоторые из них вызывают сомнения, как, например, информация Джузджани о переходе в ислам Бату. Некоторые подтверждаются в результате сравнения с другими материалами — факт принадлежности к христианству Соркуктани-беки или Сартака, явная неприязнь Чагатая к мусульманам. В любом случае, эти сведения позволяют оценить степень разнообразия религиозных предпочтений и в известной мере подтверждают общепризнанный тезис о выдающейся монгольской веротерпимости. Хотя, конечно, абсолютно мирного сосуществования религий не получалось, о чем свидетельствуют, например, преследования мусульман Чагатаем.

Итак, после рассмотрения и сопоставления пяти арабских и персидских исторических сочинений, в разной степени освещающих деятельность монголов, мы можем сделать несколько выводов. Большинство авторов уделили особое внимание обстоятельствам нападения Чингиса на Хорезм и все они признали за хорезм-шахом вину за это нападение. Все они были хорошо осведомлены о монгольской военной тактике, степени развития их военной инженерии и саперного дела, что отражено в наших источниках и вполне выдерживает перекрестный анализ. Далее, в источниках единогласно дается высочайшая оценка моральному облику монголов и их личным качествам, при том, что трое авторов находились в лагере противников монголов и не скрывали этого. Кроме того, можно признать наличие активного культурного обмена между Делийским султанатом и государством *иль-ханов*, поскольку сочинения Джузджани и Джувейни имеют ряд совпадающих сюжетов. Все авторы, по мере возможности, интересовались особенностями повседневной жизни и монгольских традиций, вне зависимости от принадлежности к лагерю противников или сторонников монголов. И, наконец, из материалов наших источников видно, что завещанная Чингис-ханом веротерпимость была все-таки не абсолютной, и некоторые авторы в своих текстах старались выразить свою оценку персонажей посредствам описания их

конфессиональной принадлежности, как, например, это делает Джузджани по отношению к Бату.

Глава 6. Аспекты взаимодействия монголов и китайцев

Завоевание Китая стало одним из ключевых эпизодов создания монгольского государства. Оно было задумано ещё при жизни первых великих ханов, но никто из них не успел в полной мере осуществить свой замысел. Ближе всех подошел к решению этой задачи великий хан Мункэ (1251–1259), который в рамках продолжения монгольской экспансии начал широкомасштабную операцию по наступлению на рубежи Южносунской империи. В 1255 г. его войска численностью тридцать *туменов* выступили в тщательно спланированный и заранее подготовленный поход [1144]. Однако летом 1259 г. [1145] великий хан неожиданно скончался [1146]. Покорение южных земель вновь откладывалось, а Золотой род Чингис-хана столкнулся с очередным кризисом престолонаследия, еще более масштабным, чем все предыдущие. Борьба за власть между младшими братьями Мункэ Хубилаем и Ариг-Букой породила глубокий раскол общества и, в конечном счете, положила конец существованию монгольской империи как единого государственного организма.

В научной среде завоевание Китая и последующее постепенное превращение мировой Монгольской империи в монгольскую империю с центром в Китае вызывает оживленную дискуссию до сих пор. Проблем немало. Это и оценка последствий завоевания для обеих сторон, и изучение взаимного влияния двух слишком разных миров, вынужденно сосуществующих в рамках одного государственного организма, и крайне противоречивая личность основателя династии Юань Хубилая, внука Чингиса. Сложность происходивших в Юаньском Китае процессов превращает их познание в занятие бесконечное, несмотря на множество уже существующих исследований. Из этой разнообразной литературы

[1144] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 145.

[1145] Рашид ад-Дин приводит другую дату — 1257 г. См. в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 147. Впрочем, китайские источники единогласно называют 1259 г. См. в: *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 303. Прим. 61.

[1146] Там же. С. 289.

хотелось бы выделить ряд работ, которые освещают те или иные интересующие нас аспекты монголо-китайского взаимодействия, давая возможность в комплексе изучить основные направления, по которым шло двустороннее влияние.

Весьма ценной является статья Ч. Далая [1147], опубликованная в уже неоднократно упоминавшемся нами сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе». Статья посвящена борьбе за власть, начавшейся после смерти Мункэ-хана и, таким образом, рассматривает общие предпосылки активизации китайско-монгольского взаимодействия. Автор обоснованно считает противостояние Хубилая и Ариг-Буки столкновением не только двух претендентов на престол, но и двух тенденций во взаимоотношениях с покоренным Китаем, двух взглядов на роль традиций в жизни общества. Также в рамках своего исследования он анализирует все последующие случаи смены правителя, подчеркивая возрастающую в междоусобных конфликтах роль дворцовых интриг, пришедших на смену открытым войнам[1148]. Интересное наблюдение — можно предположить, что в этом проявилось влияние китайского общества, имевшего долгую историю придворных заговоров.

Говоря о конкретных формах и результатах взаимодействя, мы должны также упомянуть ряд более узко специализированных монографий, посвященных конкретным проблемам культурного, политического и экономического развития.

Результаты завоевания для развития литературы и театра детально рассмотрены в книге Владислава Федоровича Сорокина [1149] «Китайская классическая драма XIII–XIV вв.»[1150]. Ценность ее в том, что автор впервые в отечественном китаеведении всесторонне рассмотрел уникальное явление юаньской драмы, знаменовавшей собой расцвет китайского театра на фоне

[1147] *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол… С. 323–334.

[1148] Там же. С. 330.

[1149] Список основных работ см. в: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь... С. 524–525.

[1150] *Сорокин В.Ф.* Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М., 1979.

иноземного завоевания [1151]. Объектами изучения оказываются история жанра, персонажи, сюжетные линии, личности авторов. Книга тем более интересна, что дает возможность увидеть другую сторону империи Юань — развитие национальной культуры, получившей вызов со стороны завоевателей.

Вопросы изменений монгольского языка в результате возникновения империи Чингисидов рассматриваются в нескольких исследованиях. Упомянем книгу «Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае» [1152] Ирины Тиграновны Зограф [1153] и статью Жансеита Кансеитовича Туймебаева «Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в письменных памятниках монгольских языков»[1154].

И.Т. Зограф, специалист по китайской филологии, изучала китайские документы эпохи Юань и на основании сравнения их с монгольскими документами того же времени выявила различные формы языкового взаимодействия двух народов. Она сформулировала тезис о складывании в XIII–XIV вв. специфической разновидности китайского языка [1155], использовавшейся исключительно в официальных бумагах и отличавшейся своеобразной, чрезвычайно монголизированной структурой. В то же время в работе уделено внимание и состоянию монгольского языка, подвергшегося влиянию китайского и позаимствовавшего немало китайских слов.

Ж.К. Туймебаев, доктор филологических наук, проанализировал историю развития языка монголов в период их возвышения, принятия ими письменности, особенности первичной адаптации уйгурского письма и поседующее появление

[1151] Там же. С. 1.

[1152] *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.

[1153] Список основных работ см. в: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь... С. 217–218.

[1154] *Туймебаев Ж.К.* Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в письменных памятниках монгольских языков // Basileus. С. 255–281.

[1155] *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция. С. 20.

письма квадратного[1156]. Автор кратко характеризует имеющуюся в историографии дискуссию об этапах формирования письменного языка[1157]. Отмечает специфику влияния тюркских и, в меньшей степени, китайского языков на монгольский язык, которое оказалось прямым последствием монгольской экспансии[1158].

Вопросы взаимодействия в сфере художественной культуры неплохо освещаются обширной монографией Марины Евгеньевны Кравцовой «История искусства Китая»[1159]. Эта книга касается нашей темы несколько опосредованно, поскольку монгольское правление представляется в масштабе рассматриваемого автором периода с 8 тыс. до н.э. до 1911 г. весьма незначительным отрезком времени. Исследование посвящено последовательному описанию китайского искусства во всем его многообразии: архитектуры[1160], декоративно-прикладного и изобразительного искусства[1161], изготовления фарфора[1162], шелкоткачества[1163], музыки[1164], разбития садов[1165]. Изменения, появившиеся в искусстве при династии Юань, рассмотрены в контексте предшествующих и последующих тенденций, показана их эволюция под монгольским воздействием[1166], так что складывается полноценная картина поступательного развития данной сферы жизни Китая, в том числе и под влиянием иноземного вмешательства.

Проблемы, связанные с судьбой китайского изобразительного искусства, осветил в своей специальной монографии знаменитый американский искусствовед

[1156] Там же. С. 270–272.

[1157] Там же. С. 256–260.

[1158] Там же. С. 276–277.

[1159] *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. М., 2004.

[1160] Там же. С. 830–867.

[1161] Там же. С. 620–628.

[1162] Там же. С. 690–692, 709–710.

[1163] Там же. С. 725–736.

[1164] Там же. С. 924–929.

[1165] Там же. С. 890–900.

[1166] Там же. С. 287–289.

Джеймс Кахилл. Его работа «Холмы по ту сторону реки»[1167] посвящена истории развития живописи в пору монгольского владычества, содержит биографии выдающихся художников того времени, анализирует особенности стиля, ставшие визитной карточкой нового поколения мастеров. Для нас она ценна наблюдениями, сделанными автором по поводу эволюции живописи в результате прихода монголов к власти в Китае[1168].

В отдельную группу стоит выделить работы, посвященные личности и деятельности первого императора династии Юань, великого хана Хубилая (1260–1294). Он представляется исследователям личностью весьма неоднозначной, поэтому у каждого имеется своя точка зрения на последствия его правления[1169]. Из современных узко специализированных работ крайне любопытна статья Александра Шайдатовича Кадырбаева «Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая» [1170] . А.Ш. Кадырбаев проанализировал обстоятельства прихода Хубилая к власти, его реформы государственного управления и налогообложения, военные и экономические реформы [1171] , сделал акцент на неподдельном интересе Хубилая к китайской культуре[1172] и пришел к выводу, что Хубилай был великим правителем, реформатором и воином[1173]. Таким образом, его действия на престоле Юаньской империи оцениваются А.Ш. Кадырбаевым сугубо положительно.

[1167] *Cahill J.* Hills beyond a River. Chinese Painting of the Yuan Dynasty, 1279–1368. N.Y., 1976.

[1168] Ibid. P. 3–14.

[1169] Более подробную историографию проблемы, например, см. в: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 252–285; *Гольман М.И.* История изучения Монголии... С. 70–77; *Мэн Д.* Хубилай. От Ксанаду к сверхдержаве. М., 2008. С. 119–122; *Нестерова Е.Р.* Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы. С. 37–60.

[1170] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Материалы XXXIX научной конференции / Отв. ред. А.А. Бокщанин. С. 56–75.

[1171] Там же. С. 65–67.

[1172] Там же. С. 68.

[1173] Там же. С. 71.

Специальная монография, посвященная судьбе Хубилая, вышла в 1988 г. из-под пера крупного американского монголоведа Мориса Россаби[1174]. Объектом исследования предстал, как следует из названия, Хубилай-хан, причем автор стремился показать его превращение из кочевника, которым он был по рождению, в правителя оседлого общества, каким он стал благодаря своим талантам организатора[1175]. Монгольское завоевание он оценивает, скорее, положительно, так как «история Евразии начинается с монголов», которые неразрывно связали Европу и Азию[1176]. Далее, автор считает, что и рассказы о монгольской жестокости преувеличены, поскольку сведения о ней содержатся в сочинениях авторов, принадлежавших к покоренным народам, следовательно, в глубине души враждебных завоевателям[1177] (исключение составляет только «Юаньчао биши», единственное собственно монгольское сочинение того времени). Чингиса он признает гениальным военным и политическим тактиком[1178]. Всю деятельность Хубилая автор расценивает как последовательное создание династии по образцу Тан, которое выражалось в типичном для китайских императоров принятии официального девиза правления[1179], большом интересе к биографии танского великого императора Тайцзуна[1180], возведении новой столицы Шанду по образцу традиционных китайских столиц[1181]. Из этой книги удалось почерпнуть немало полезных сведений о мероприятиях, проведенных Хубилаем для восстановления его *улуса* после долгой и опустошительной междоусобной войны.

Судьба Хубилая явилась также главной темой монографии Джона Мэна «Хубилай. От Ксанаду к сверхдержаве»[1182]. Эта книга любопытна акцентом на

[1174] *Rossabi M.* Khubilai Khan.

[1175] Ibid. P. XI.

[1176] Ibid. P. 1.

[1177] Ibid. P. 3.

[1178] Ibid. P. 4.

[1179] Ibid. P. 56.

[1180] Ibid. P. 67.

[1181] Ibid. P. 31.

[1182] *Мэн Дж.* Хубилай.

попытках глобализации, предпринимаемых монгольскими правителями — как Хубилаем, так и его предшественниками[1183]. Учитывая, что в своих рассуждения об этом явлении Д. Мэн не одинок[1184], следует признать актуальность подобной постановки вопроса. Последовательно освещая все этапы деятельности Хубилая, от первых шагов на политическом поприще, сделанных в годы правления его старшего брата Мункэ[1185], до самой кончины[1186], автор разделил книгу на четыре части, назвав их в честь времен года, каждое из которых символизирует состояние дел хана и его государства, так что, например, военные неудачи Хубилая в Японии и Вьетнаме оказались в разделе «Зима»[1187]. При этом Д. Мэн заметно политизирует свою работу, то и дело проводя параллели между деятельностью монголов и современных США[1188], между ассасинами Аламута и современными террористами[1189]. Мы не беремся судить, насколько он прав, привнося в безусловно историческое исследование столь явные элементы пропаганды и политической идеологии. Однако если абстрагироваться от данной составляющей книги, остается масштабный труд, опирающийся на обширную историографию и немалое количество источников по рассматриваемому периоду, что не позволяет оставить его в стороне.

Заметные изменения произошли в результате монгольского завоевания в медицине, чему посвящена небольшая по объему, но чрезвычайно информативная статья Владимира Евстегнеевича Еремеева «Цзинь-юаньская реформа в

[1183] Там же. С. 16–17.

[1184] Идея восприятия монголов как первых глобализаторов прослеживается также в совместном исследовании П.Ю. Уварова и А.Л. Рябинина, а также в статье М. Ким. См. в: *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. С. 180; *Kim M.* Globalizing Imperium: Thirteenth-Century Perspectives on the Mongols // Literature Compass. 11/7 (2014). P. 472–483; *Biran M.* The Mongol Empire: The State of the Research // History Compass. 11/11. P. 1021–1033.

[1185] Там же. С. 19–96.

[1186] Там же. С. 365–379.

[1187] Там же. С. 281–303, 316–331.

[1188] Там же. С. 53.

[1189] Там же. С. 56–57.

традиционной китайской медицине»[1190]. Автор наглядно показал, что контакт с монгольскими приемами врачевания оказался для китайских традиционных лечебных практик весьма плодотворен, несмотря на кажущийся слишком различным уровень развития знаний у обоих народов.

Ряд содержательных исследований содержится в сборнике «Китай под властью монголов»[1191] под редакцией Джона Ланглуа. Вводная статья «Основание династии Юань Хубилаем»[1192] посвящена политическим и ментальным аспектам переноса центра империи из степи в земледельческие районы. В этом процессе автор склонен видеть положительные последствия для Китая в целом, поскольку страна впервые за несколько столетий объединилась, а население ханьских и неханьских народностей взаимодействовало более активно, что способствовало созданию монолитного китайского народа [1193] ; кроме того, при монголах интенсивно развивалась китайская общественная мысль, поскольку, будучи малочисленными и ограниченными в возможностях понимания китайской учености, монголы так и не смогли установить над завоеванной страной полный идеологический контроль [1194] . Также содержателен материал, посвященный развитию официальной государственной историографии при монголах[1195] — в том числе, общегосударственному значению составления династийных историй Ляо, Цзинь и Сун при Тогон-Тэмуре (1333–1368). Автор статьи считает, что этот проект доказывает вовлеченность монгольских правителей в традиционные проблемы китайской государственности[1196]. В то же время нельзя не отметить, что статья,

---

[1190] *Еремеев В.Е.* Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // Общество и государство в Китае. Материалы XLI научной конференции. М., 2011. С. 145–149.

[1191] China under Mongol Rule / Ed. by J. Langlois. Princeton, 1981.

[1192] *Langlois J.* The Founding of the Yuan by Khubilai // China under Mongol Rule / Ed. by J. Langlois. P. 3–22.

[1193] Ibid. P. 10–13.

[1194] Ibid. P. 16.

[1195] *Hok-lam Chan.* Chinese official Historiography at the Yuan Court: the composition of the Liao, Chin and Sung Histories // China under Mongol Rule. P. 56–107.

[1196] Ibid. P. 57.

поднимающая тему влияния монголов на развитие китайского театра[1197], написана без учета важнейшей для данного вопроса работы В.Ф. Сорокина[1198], что несколько снижает её ценность.

Вопросы экономического и политического развития монгольской империи под влиянием китайской цивилизации освещаются в целом ряде исследований. Остановимся на работах крупного немецкого востоковеда Герберта Франке. Мы обращались к нескольким: «Деньги и экономика в Китае в период монгольского владычества» [1199] , «От племенного вождя до мирового императора и бога: узаконивание династии Юань»[1200], «Китай под властью монголов»[1201], «Северный Китай накануне монгольского вторжения» [1202] . Для всех работ характерны детальный анализ источников и внимание к проблемам взаимного влияния китайского и монгольского миров.

«Деньги и экономика в Китае в период монгольского владычества» — одно из самых фундаментальных исследований по данной теме. На базе большого числа источников автор разбирает не только экономическую ситуацию в Китае в эпоху Юань, но и ханские реформы, денежное обращение, анализирует изменения покупательной способности денег (исходя из смет расходов на дворцовый зверинец, сохранившихся от разных лет)[1203]. По его мнению, инфляция набрала

[1197] *West S.*Mongol influence on the development of northern Drama // China under Mongol Rule. P. 434–465.

[1198] *Сорокин В.Ф.* Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М., 1979.

[1199] *Franke H.* Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft. Leipzig, 1949.

[1200] *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: the Legitimation of the Yuan Dynasty. München, 1978.

[1201] *Franke H.* China under Mongolian Rule. Aldershot, 1994.

[1202] *Franke H.* Nordchina am Vorabend der Mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115-1234). Opladen, 1978.

[1203] *Franke H.* Geld und Wirtschaft… S. 150.

высокие темпы только в последние годы правления монголов[1204] — впрочем, с этим утверждением согласны не все востоковеды[1205].

В своей монографии «Узаконивание династии Юань» автор сравнивает монголов с другими иноземными династиями того времени — Цзинь и Ляо, выделяя общие и особенные черты их становления и развития[1206]. Истоки идеи универсализма великоханской власти он однозначно усматривает в китайской государственной идеологии [1207], также отмечает большую роль китайских советников, в первую очередь Елюй Чуцая, в процессе подтверждения законности воцарения Юань[1208].

«Китай под властью монголов» представляет собой анализ форм правления некитайских династий (Ляо, Си Ся, Цзинь, Юань), степень вовлеченности их правителей в китайскую традицию управления, образовательную политику Юань [1209], роль конфуцианства при Хубилае и его преемниках [1210]. Автор внимательно рассматривает языковую ситуацию в регионе в XIII–XIV вв.: языки канцелярии и документооборота, введение квадратного письма [1211]. Особо отмечены монгольские ханы, проявлявшие личный интерес к китайской эрудиции и достигшие определенных успехов в таких сферах искусства, как рисование, каллиграфия, стихосложение[1212]. В целом автор не склонен преувеличивать роль монгольских завоеваний в объединении региона, полагая, что обмен идеями и знаниями носил односторонний характер и, в то время как западный мир (в том

[1204] Ibid.S. 158.

[1205] Некоторые историки считают, что инфляция начала расти уже при преемниках Хубилая (см. *Schurmann H.* Economic Structure of the Yuan Dynasty. Massachusetts, 1956. P. 134; *Rossabi M.* Khubilai Khan. P. 124).

[1206] *Franke H.* The Legitimation of the Yuan Dynasty. P. 7–9.

[1207] Ibid. P. 18.

[1208] Ibid. P. 78.

[1209] *Franke H.* China under Mongol Rule. P. 15–20.

[1210] Ibid. P. 19.

[1211] Ibid. P. 22.

[1212] Ibid. P. 31–40.

числе, и азиатский) получил мощный импульс в развитии благодаря заимствованию книгопечатания, пороха, бюрократического аппарата, китайская цивилизация существенным изменениям не подверглась[1213].

Небольшое по объему исследование «Северный Китай накануне монгольского вторжения» также посвящено вопросам экономического развития, но на этот раз объектом исследования стала империя Цзинь. Первый раздел книги посвящен социальной структуре чжурчжэньского общества[1214], второй — хозяйству, торговле, товарообмену[1215], и именно он представляет для нас интерес, поскольку одним из главных торговых партнеров Цзиньской империи был Южносунский Китай, который в неменьшей степени, чем Северный, а может быть, и в большей, оказался вовлечен в монголо-китайский культурный обмен.

Существенным дополнением к книге Г. Франке «Деньги и экономика в Китае в период монгольского владычества» является фундаментальное исследование Герберта Шурмана «Структура экономики династии Юань»[1216]. Связь с работой Г. Франке отмечает и сам автор, выразивший надежду, что его монография дополнит общую картину экономического развития Юань, которую его предшественник представил через историю денежного обращения и финансов[1217]. Перечень поднятых вопросов весьма обширен: сельское хозяйство[1218], подушные и поземельные подати[1219], государственные монополии на соль[1220] и алкоголь[1221], налоги на чай[1222], зерно[1223], внутренняя и международная торговля[1224]. Все они

[1213] Ibid. P. 50–68.

[1214] *Franke H.* Nordchina am Vorabend… S. 12–26.

[1215] Ibid. S. 27–43.

[1216] *Schurmann H.* The Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge, 1956.

[1217] Ibid. P. VIII.

[1218] Ibid. P. 43–64.

[1219] Ibid. P. 65–73.

[1220] Ibid. P. 166–186.

[1221] Ibid. P. 203–212.

[1222] Ibid. P. 193–200.

[1223] Ibid. P. 75–81.

раскрываются на основании приведенных здесь же авторских переводов *цзюаней* 93 и 94 из «Юань ши». Кроме того, автор отмечает положительное влияние монгольского владычества на китайскую торговлю, поскольку правители Юань, в отличие от предшествующих династий, позволили купцам подняться на вершину могущества[1225].

Также упомянем ряд менее масштабных исследований, которые, тем не менее, сыграли свою роль в раскрытии изучаемой нами темы. Это «Империя монголов» Майкла Бургана[1226], «Военные учреждения династии Юань» Сяо Цицина[1227], «Вопросы законности и теория пяти элементов в имперском Китае» Чэнь Юаня[1228], «Китай как морская держава» Ло Жунбана[1229], статья Дж. Дардесса «Имеют ли монголы значение?»[1230]. «Империя монголов» — книга в большей степени научно-популярная, поскольку старается при небольшом объеме охватить всю историю монгольской империи, от ее возникновения при Чингис-хане и окончательного распада при Тамерлане[1231]. Однако научным консультатнтом автора выступал всемирно известный американский востоковед Кристофер Этвуд, и книга содержит ряд интересных наблюдений о результатах культурного взаимодействия.

Работа Сяо Цицина посвящена военному делу империи Юань, традициям монголов и заимствованиям у покоренных оседлых цивилизаций. Для освещения поднятой темы автор перевел на английский разделы из «Юань ши», посвященные

[1224] Ibid. P. 222–235.

[1225] Ibid. P. 7.

[1226] *Burgan M.* Empire of the Mongols. NY., 2009.

[1227] *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. London, 1978.

[1228] *Chen Yuan.* Legitimation Discourse and the Theory of the Five Elements in Imperial China // JSYS. 2014. Vol. 44. P. 325–364.

[1229] *Lo Jungpang.* China as a Sea Power. 1127–1368 : a preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People during the Southern Song and Yuan Periods. Singapore, 2012.

[1230] *Dardess Jh.M.* Did the Mongols Matter? // The Song–Yuan–Ming Transition in Chinese History. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2003. P. 111–134.

[1231] *Burgan M.* Empire of the Mongols. P. 74.

гарнизонной службе, имперской страже и системе военного устройства[1232]. При этом автор делает любопытные выводы о степени вовлеченности китайской культуры в процесс становления культуры Юань, например, отрицая попытки монголов перенять китайские традиции управления[1233]. Это не совпадает с позицией многих востоковедов, но имеет свою аргументацию, так что оставляет простор для последующих дискуссий.

Чэнь Юань в своей статье поднял вопрос об идеологической преемственности между династиями, рассматривая приход к власти Юань как частный случай на фоне регулярной смены императорской фамилии. Одним из факторов легитимного перехода престола он называет правильный выбор династийного цвета и элемента из т.н. «пяти стихий» (五行 *wǔxíng*[1234]). Автор подчеркивает, что перед Хубилаем стоял выбор, преемницей которой из китайских династий станет его Юань — Ляо, Цзинь или Южная Сун, и в свете этого анализирует имеющуюся информацию о цветовых предпочтениях юаньской верхушки[1235], поскольку официальных документов, провозглашающих избранные цвета и элементы, не сохранилось, и неизвестно, существовали ли они вообще. Результатом анализа стало предположение, что для Юань символами стали белый цвет и металл[1236], и это означало преемственность от чжурчжэньской династии Цзинь.

Монография Ло Жунбана акцентирует внимание на развитии военного флота Китая, охватывая время правления династий от Хань до Мин. Эпоха Юань выделена в отдельный раздел[1237], поскольку именно при Юань Китай, с одной стороны, провел ряд крупных морских операций, а с другой — в этот период с морским делом в полной мере познакомились монголы. Именно этот раздел и

[1232] *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment. P. 72–124.

[1233] Ibid. P. 3.

[1234] Согласно китайским космогеническим учениям, к пяти первоэлементам относятся *дерево*, *земля*, *вода*, *огонь*, *металл*. Более подробно об этом см. в: Духовная культура Китая. Т. 1. С. 451–457.

[1235] *Chen Yuan.* Legitimation Discourse. P. 348–352.

[1236] Ibid. P. 355–356.

[1237] *Lo Jungpang.* China as a Sea Power. P. 211–322.

представляет для нас интерес подробным анализом процесса развития юаньского флота как очередного результата монголо-китайского взаимодействия. В статье Дж. Дардесса анализируются положительные аспекты монгольского завоевания для Китая, такие как объединение Севера и Юга в границах одного государства[1238], разгром некитайских правительств (тангутов, чжурчженей, Дали) или открытие новых горизонтов для распространения китайской культуры[1239].

6.1 Провозглашение династии Юань

Разговор о монгольско-китайском взаимодействии справедливо начать с первого юаньского императора, поскольку именно его специфический подход к сосуществованию монголов и китайцев привел к имевшей место в дальнейшем культурной конвергенции. Впервые Хубилай проявил свои способности в ходе военных операций, организованных его старшим братом Мункэ (1251–1259). Он успешно справился с задачей покорения соседнего королевства Дали[1240], выполняя стратегический план великого хана по взятию Южного Китая в окружение[1241]. Затем он продолжал вести боевые действия против китайских войск вплоть до гибели великого хана[1242]. В частности, он осадил крупный город Эчжоу, и только

[1238] *Dardess Jh.W.* Did the Mongols Matter? P. 120.

[1239] Ibid. P. 117.

[1240] Государство к юго-востоку от Южносунской империи, на территории современной провинции Юньнань.

[1241] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 22; *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 286.

[1242] Обстоятельства смерти Мункэ-хана до конца не выяснены. Рашид ад-Дин писал, что великий хан скончался от болезни во время осады крепости Дали Шан (Хэчжоу). См. в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 146–147. О. Иоакинф (Бичурин) в своем исследовании, основанном на переводах из «Юань ши» и «Тунцзянь ганму», писал, что великий хан скончался во время осады города Чунцин. См. в: *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. С. 222. В свою очередь, Н.П. Свистунова отмечала в своей статье, что в «Юань ши лэйбянь» сказано, будто великий хан был смертельно ранен стрелой. См. в: *Шао Юаньпин*. Юань ши лэйбянь (Извлечения из истории династии Юань). [Б. м.], 1795. Гл. 1. С. 20б. Цит. по *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства … С. 303. Прим. 61.

известие о возведении на престол его младшего брата Ариг-Буки вынудило Хубилая снять осаду и заняться решением внутрисемейных проблем[1243].

Противостояние Хубилая и Ариг-Буки оказалось больше чем обыкновенной схваткой между двумя претендентами на верховную власть. В нем нашло своё отражение столкновение двух диаметрально противоположных подходов к управлению завоеванными землями, двух противоречивых тенденций, на протяжении многих лет существовавших в монгольском обществе[1244].

Возникли они одновременно с началом успешных походов Чингис-хана против земледельческих государств. Одну можно условно назвать традиционной для кочевников-завоевателей: набег ради добычи, отсутствие попыток поменять собственный жизненный уклад, нещадная эксплуатация покоренного населения без оглядки на возможные экономические последствия. Сторонники этой идеи, в частности, предлагали уничтожить всё население Северного Китая и превратить пахотные земли в пастбища. Чагатай, Гуюк, Хулагу, Ариг-Бука и большинство представителей старой знати придерживались именно таких взглядов[1245]. Их противники, напротив, полагали, что выгоднее обложить население посильными налогами, учитывая местную специфику быта и приемов управления. На этих позициях стояли Угэдэй, Мункэ, сам Хубилай[1246]. Видным идеологом второго направления был советник Чингиса и Угэдэя Елюй Чуцай[1247].

[1243] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 290.

[1244] Более подробно об этих тенденциях см. в: *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 1. С. 12–15; *Мункуев Н.Ц.* О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Труды БКНИИ СО АН СССР. 8. Серия востоковедения. 1962. С. 49–67; *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. Vol. 6. Cambridge, 1994. P. 421–422.

[1245] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы… Автореферат. С. 28.

[1246] Там же.

[1247] Подробнее о Елюй Чуцае см. в: *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник. С. 11–29, 185–202; *Prawdin M.* The Mongol Empire. P. 233–247; *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 9–11.

Дополнительными аспектами конфликта между братьями были отношение к китайским владениям и легитимность избрания. Ариг-Бука по воле Мункэ был назначен наместником в Монголии[1248], и уже одно это давало ему основания претендовать на великоханский престол[1249], поскольку в тот период Монголия считалась у Чингисидов коренным юртом, который по традиции наследовал младший сын вместе со всем отцовским имуществом, оставшимся после того, как старшим братьям выделяли долю ещё при жизни родителя[1250].

Хубилай к 1259 г. уже долгое время владел собственным уделом в Северо-западном Китае и управлял им на новый лад: размеры регулярных налогов были строго фиксированы, их сбором ведали чиновники не монгольского происхождения[1251]. Среди его советников, наряду с уйгурами и мусульманами, имелись буддисты, конфуцианцы, выходцы из Тибета — всего около сорока человек[1252]. И хотя будущий великий хан старался не давать какой-либо группе преимущественного влияния, к их советам он внимательно прислушивался.

Ариг-Бука придерживался других взглядов. Данных о его окружении и управленческой деятельности почти не сохранилось, поскольку битву за власть он проиграл, а официальные историографы монгольских правителей не считали нужным записывать о нем какие-либо сведения, кроме информации о попытках узурпировать трон. Однако известно, что, уходя в поход, Мункэ поставил его во главе остающихся монгольских войск и препоручил его заботам своего сына[1253]. Ариг-Бука был отважным и мужественным воином, что высоко ценилось кочевниками, однако уступал старшему брату по уровню образования[1254]. С другой стороны, те представители монгольского общества, чьи интересы он представлял,

---

[1248] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 44.

[1249] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 34.

[1250] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 204.

[1251] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 14.

[1252] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? С. 59–61.

[1253] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 145.

[1254] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 34.

не видели для правителя большой заслуги в знании китайского языка, сочинений конфуцианских ученых и различных наук, не имеющих прямого отношения к степной жизни. Напротив, внимание Хубилая к ценностям и достижениям оседлой цивилизации воспринималось ими как сигнал весьма тревожный.

Получив известия о смерти Мункэ, Ариг-Бука, пользуясь тем, что он уже находился в Монголии, быстро созвал *курултай*, который в 1260 г. признал его великим ханом. На этот *курултай* явились многие царевичи[1255]: сыновья Мункэ Асутай и Уренгташ, племянник Чагатая Алгу, сыновья Тогачара[1256], Кадана[1257], Орды[1258], Бельгутая[1259]. Сторону Ариг-Буки приняла и вдова Мункэ[1260]. В ответ на это Хубилай, опираясь на верные ему войска, в том же году созвал собственный *курултай* в Кайпине[1261].

Надо отметить, что не все исследователи признают именно такую последовательность событий. В изложении некоторых авторов первым *курултай* созвал как раз Хубилай[1262]. При этом они ссылаются на данные «Юань ши». Большинство же авторов принимают версию, изложенную Рашид ад-Дином, согласно которой Хубилай короновался вторым, уже в ответ на поступок младшего брата. В этой ситуации следует иметь в виду, что «Юань ши» (История династии Юань) составлялась практически сразу после изгнания монголов из Китая, в 1369 г. Вся работа заняла чуть больше года. Коллектив ученых опирался на целый ряд архивных документов, охватывавших правление всех юаньских императоров[1263], и

[1255] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 159.

[1256] Тогачар — внук Тэмугэ Отчигина, младшего брата Чингиса.

[1257] Кадан — сын Угэдэя.

[1258] Орда — сын Джочи.

[1259] Бельгутай — младший единокровный брат Чингиса.

[1260] *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол… С. 323.

[1261] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 160.

[1262] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства … С. 293; *Jackson* P. The Mongols and the West. C. 124; *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 53–54; *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 423.

[1263] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 173.

это, безусловно, плюс указанного источника, но надо помнить, что от ошибок никто не застрахован, даже авторский коллектив, тем более, если речь идет о делах столь давних. Между тем, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина был составлен в 1301–1311 гг.[1264], почти на полвека ближе к описываемым событиям[1265].

Как бы то ни было, в монгольских владениях сложилась система двоевластия[1266]. Четыре года длилось вооруженное противостояние двух братьев, досконально описанное Рашид ад-Дином[1267] и закончившееся полным поражением Ариг-Буки и его сдачей на милость победителя в 1264 г.

Исследователи по-разному оценивают обстоятельства победы Хубилая. Одни считают, что правда была на его стороне, что он выбрал единственный возможный путь сохранения жизнеспособности империи[1268], в то время как Ариг-Бука действовал исключительно ради своекорыстного интереса, не считаясь с существующими правилами[1269]. Такого мнения придерживается Рашид ад-Дин, автор, с которым нельзя не считаться. Впрочем, у него не было выбора, поскольку он состоял при дворе Чингисидов в Иране и не мог выказывать симпатии в адрес проигравшего претендента на престол, тем более что создатель государства *иль-ханов* Хулагу во время конфликта держал сторону Хубилая. Рашид ад-Дин описывал, как Ариг-Бука начал готовить вооруженное выступление, как пытался

[1264] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 1. С. 27.

[1265] На наш взгляд, бóльшая приближенность *иль-ханского* историографа к событиям, — и хронологическая, и по долгу службы, — придает его записям достоверности. При этом, однако, не стоит забывать, что Рашид ад-Дин был лицом официальным, состоял на службе у монголов и, следовательно, должен был излагать версию, одобряемую властями. Вторичность коронации снимала бы с Хубилая ответственность за развязывание междоусобной войны, представляя его, скорее, жертвой обстоятельств и излишнего властолюбия младшего брата, на дерзость которого Хубилай попросту был бы вынужден ответить.

[1266] Более подробно о борьбе Хубилая с Ариг-Букой см., например, в: *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 46–62; *Мэн Д.* Хубилай. С. 111–131.

[1267] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 161–165.

[1268] *Мэн Д.* Хубилай. С. 121.

[1269] Там же. С. 120.

усыпить бдительность брата любезными речами и подарками, как Хубилай был **вынужден** принять власть по настоянию своих приближенных[1270]. Из современных историков эту точку зрения разделяют М. Россаби [1271], А.Ш. Кадырбаев [1272], Н.П. Свистунова[1273], Д. Мэн[1274].

Их оппоненты пишут, что, «подкупом переманив на свою сторону незначительную часть монгольских князей, Хубилай незаконно созвал на окраине Монгольской империи, в Кайпине, другой *курилтай*, на котором самозвано провозгласил себя великим ханом»[1275], в то время как Ариг-Бука, находившийся в коренном юрте, взошел на престол «соответственно старинной монгольской феодальной традиции»[1276]. Данной точки зрения придерживаются Н.Н. Крадин[1277], Ю.И. Дробышев[1278], В.В. Трепавлов, прямо называющий Хубилая узурпатором[1279], Д. Чулууны [1280], коллектив авторов «Истории Монгольской Народной республики»[1281], И. де Рахевильц, который отмечал, что Ариг-Бука стал великим ханом вполне законно[1282].

Проведение *курултая* не на территории Монголии оказалось шагом чрезвычайно многозначительным. Этим демонстрировалось, куда сместится центр притяжения империи, если власть в своих руках удержит Хубилай. Кайпин возник в 1255–1259 гг. с ведома и согласия великого хана Мункэ, однако он рассматривал

[1270] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 159–160.

[1271] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 55.

[1272] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? С. 57.

[1273] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства… С. 293.

[1274] *Мэн Д.* Хубилай. С. 119–122.

[1275] *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае. С. 325.

[1276] Там же.

[1277] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 368–369.

[1278] *Дробышев Ю.И.* Мандат Неба в руках монголов. С. 138.

[1279] *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. С. 106.

[1280] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 173.

[1281] История МНР. С. 130.

[1282] In the Service of the Khan. C. 90.

его в качестве административного центра для захваченных китайских территорий, в то время как Хубилай строил далеко идущие планы по радикальному изменению структуры управления. Город возводился в соответствии с принципами китайского фэн-шуя[1283], что было совершенно нехарактерно для монгольских завоевателей, но бесспорно демонстрировало интерес Хубилая к культуре завоеванной страны. Впрочем, нужно отметить, что среди востоковедов имеется и такое мнение, согласно которому ни один из монгольских владык не стремились к перенятию традиционных для Китая форм управления[1284].

После победы над Ариг-Букой Хубилай построил также новую столицу, Даду (Ханбалык), на месте современного Пекина[1285]. Согласно сообщению Рашид ад-Дина, стены этого города были увенчаны семнадцатью башнями[1286]. Ещё более подробно описывает возведенные при Хубилае города Марко Поло [1287] . Каракорум[1288], считавшийся столицей империи с 1220 г., стремительно утрачивал своё значение. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что в годы боевых действий стала очевидна абсолютная зависимость города от внешних поставок продовольствия, поскольку окрестности прокормить его население были не в состоянии. Рашид ад-Дин сообщил, что ещё в годы правления Угэдэй-хана «ежедневно туда прибывали из областей пятьсот повозок, груженных съестными припасами и напитками» [1289] . Стоило Хубилаю перекрыть поток провианта из

[1283] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 31.

[1284] *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment. P. 3.

[1285] Ibid. P. 131.

[1286] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 174.

[1287] *Марко Поло*. С. 90, 93, 95.

[1288] Более подробно об этом городе, его архитектурных особенностях, планировке, строительных материалах и истории изучения см. в: Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965. С. 123–316. Это исследование пользуется заслуженным уважением среди востоковедов всего мира. См., например: *Rossabi M.* Khubilai Khan; *Allsen T.* Mongol imperialism. The policies of the grand qan Mongke in China, Russia and the Islamic lands. 1251–1259. Berkeley, 1987.

[1289] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 41.

Северного Китая, как в Каракоруме начались голод и народные волнения[1290], вынудившие Ариг-Буку искать победы в открытом бою. Так что Хубилай отлично понимал, откуда лучше управлять доставшейся ему частью империи.

Итак, если кратко сформулировать причины междоусобного конфликта, то можно процитировать Д. Лэйна: «сторонникам Ариг-Буки … казалось, что Тулуиды слишком сблизились с народами, которыми они управляли — с китайцами и персами»[1291]. Возможно, он был не так уж и не прав: Хубилай, ведя дела со своими китайскими подданными, проявлял замечательную политическую гибкость. Интересную мысль в связи со всем вышесказанным озвучил Д. Флэтчер. По его мнению, если бы в монгольской среде восторжествовали традиционные взгляды, сохранился бы кочевой образ жизни и соответствующий подход к завоеванным землям, это придало бы организму огромной империи куда более значительный запас прочности, в то время как, став на путь принятия культурных ценностей покоренных цивилизаций, монголы утратили монолитность, влившись в разрозненные народы отдельных государств, результатом чего и явился распад империи[1292].

Однако получилось все иначе. Четыре года активных военных действий завершились победой Хубилая и скоропостижной смертью мятежного брата через пару лет после поражения. Некоторые исследователи склонны полагать, что Ариг-Бука был отравлен[1293].

Здесь важно подчеркнуть: со смертью Ариг-Буки противостояние кочевого и оседлого образа жизни отнюдь не закончилась. Во главе поборников традиций встал Хайду, внук Угэдэя, бывший союзник Ариг-Буки, человек «умный,

---

[1290] Там же. С. 161.

[1291] *Lane G.* Daily life. P. 9.

[1292] *Флэтчер Д.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 250.

[1293] *Мэн Д.*Хубилай. С. 130; *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 424.

способный и хитрый»[1294]. Он участвовал в заговоре против хана Мункэ, был за это сослан, однако чудом избежал казни[1295]. Хубилай так и не смог нанести ему окончательное поражение[1296]: точку в этом споре удалось поставить только Тэмур-хану[1297] в 1301 г.[1298]. Сам Хайду в том же году получил смертельное ранение в бою[1299].

Об отношении Хайду к оседлому образу жизни наглядно говорит тот факт, что на одном из *курултаев* среди своих союзников он наказал им «жить в горах и степях, не подходить к городам»[1300]. Такие наказы можно было бы объяснить исключительно страхом перед возможной ассимиляцией и постепенным отходом от традиционных жизненных ценностей, боязнью показать своим людям другую культуру, в которой было больше места роскоши и комфорту, которая неизбежно сказалась бы на боеспособности его армии. Но это представляется лишь одной стороной медали. В то же самое время Хайду запрещал пасти скот на засеянных полях и излишне обирать население[1301], а это уже явный задел на более разумную, не хищническую, эксплуатацию подвластных территорий. Владения Хайду в Средней Азии, включавшие в себя часть улуса Чагатая и часть улуса Угэдэя, демонстрировали заметную политическую устойчивость, Хайду расширил их границы, с его мнением считались и Джочиды, и Чагатаиды.

И Ариг-Бука, и Хайду подозревали Хубилая в излишних симпатиях к китайской культуре и китайскому обществу. На первый взгляд, их подозрения

[1294] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 13.

[1295] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 47.

[1296] Подробнее о противостоянии Хубилай и Хайду см. в: *Рашид ад-Дин* Т. 2. С. 13–170; *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 578–584; *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол… С. 328–330; *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 48–50.

[1297] Тэмур — внук и наследник Хубилая, правил в 1295–1307 гг.

[1298] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 13.

[1299] Там же. С. 212.

[1300] *Бартольд В.В.* Туркестан… С. 583.

[1301] Там же.

были более чем основательны. Не стоит забывать, что Хубилая ещё Чингис-хан отметил как мальчика очень смышленого[1302]. К хорошему образованию, о котором позаботилась его мать, Хубилай мог добавить природную рассудительность, дальновидность и расчетливость.

Даже в момент наивысшего расцвета монгольского государства монголы оставались немногочисленным народом. По приблизительным подсчетам Н.Ц. Мункуева, к началу XIV в. **общая** численность монголов во всех частях мировой империи (то есть в четырех *улусах* — Джочи, Чагатая, Хулагу и Хубилая) составляла около 1,5 млн. человек[1303]. На долю китайских владений Хубилая приходится и того меньше. В то же время, в Северном Китае в середине XIII в. по результатам переписи было учтено свыше 1,8 млн. дворов[1304], а каждый двор — это, по меньшей мере, 5 человек. Добавить сюда Южный Китай — густонаселенный, процветающий, не страдавший от нескольких веков вторжений, перешедший под власть монголов не в годы правления Чингиса, когда непокорные города вырезались полностью, а при Хубилае, сознававшем экономическую ценность живых подданных. Получается около 60 млн. человек[1305]. Монголы были каплей в людском море, и Хубилай понимал это. Возможно, даже лучше, чем это казалось его соратникам.

С одной стороны, страх старой кочевой аристократии перед обращением к земледельческим ценностям, оказался оправдан. Хубилай не только прислушивался к китайским советникам. Он провозгласил себя китайским императором и дал своей династии имя Юань (元) в соответствии с китайской традицией. С другой, он, стараясь избежать ассимиляции, разделил своих подданных на несколько социальных групп: монголы (наивысшая, самая привилегированная часть общества, имеющая собственный суд, налоговые льготы

[1302] Там же. С. 153.

[1303] *Мункуев Н.Ц.* Некоторые проблемы… Автореферат. С. 14.

[1304] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 46.

[1305] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 426.

и право носить оружие), *сэмужэнь* 色目人[1306], дословно «люди разного вида» (все союзники монголов некитайского происхождения; к *сэмужэнь* относились такие персонажи, как Махмуд Ялавачи или Марко Поло), *ханьжэнь* 汉人 (китайцы Северного Китая, кидани, чжурчжэни). Со временем сюда ещё добавилась группа *наньжэнь* 南人 (жители Южного Китая, самый бесправный и в то же время самый многочисленный слой населения)[1307]. Заметим, что также есть мнение, согласно которому бояться отхода от традиционных ценностей следовало не монголам, а наоборот, китайцам, которые были в значительно бо̀льшей степени подвержены варваризации, чем монголы — китаезации[1308]. Ведь воспринять достижения высоко развитой культуры, будучи мало к этому подготовленными, не в пример труднее, чем позаимствовать что-то у культуры простой и примитивной. Монголов мог спасти их культурный уровень, в то время как китайцев он мог только подвести.

Тут, пожалуй, уместно будет задаться еще одним вопросом: а что же сама Монголия? Какая судьба постигла ее, колыбель мировой державы? С кончиной последнего общемонгольского великого хана Мункэ значение Монголии стало стремительно сходить на нет. Формально в пору владычества Юань этот край рассматривался как наместничество наследника престола. На начальном этапе становления империи имело место некоторое развитие земледелия, ремесла и торговли. Кое-какие шаги к поддержанию монгольской экономики предпринимал Хубилай[1309]. Однако затем «Каракорум постепенно пришел в упадок, потеряв значение центра империи»[1310], а сама страна обеднела и заметно обезлюдела, что подтверждают археологические изыскания[1311]. Так что масштабные завоевания не

[1306] Полное название — 各色名目之人.

[1307] О стратификации общества и ограничении прав *ханьжэнь* и *наньжэнь* см. в: Очерки истории Китая. С. 366–367; *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. С. 257; *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 428.

[1308] *Dardess Jh.W.* Did the Mongols Matter? P. 117.

[1309] *Rossabi M.* Khubilai Khan. P. 113.

[1310] История МНР. С. 133.

[1311] Древнемонгольские города. С. 18.

привели ни к дальнейшему развитию производительных сил, ни к росту народного благосостояния на родине завоевателей[1312].

6.2 Хан Хубилай и его советники

Практика привлечения чиновников из среды покоренного оседлого населения началась ещё при Чингис-хане. Основатель империи наставлял потомков: «Если найдете человека ученого и мудрого, то не удаляйте его от себя»[1313]. Чингис прекрасно понимал, что «для управления оседлыми народами необходимы образованные люди, которых он не мог найти среди своих монголов»[1314]. При этом завоеватель осознавал, что такое положение вещей дает образованным инородцам слишком большое преимущество и надеялся, что его потомки сумеют избавиться от столь опасной зависимости. В «Хэйда шилюэ» имеется интересное замечание, что сыновья Великого хана Угэдэя изучали китайский язык[1315]. В.В. Бартольд пишет, что уже при Чингис-хане «были отдельные монгольские юноши, усвоившие себе внешнюю сторону цивилизации и говорившие на нескольких языках»[1316].

Одним из наиболее известных его советников был уже упоминавшийся ранее Елюй Чуцай. Киданин по происхождению, он получил классическое китайское образование, знал китайский, киданьский, чжурчжэньский и монгольский языки и двадцать пять лет верой и правдой служил Чингису и Угэдэю (с 1218 по 1243 гг.)[1317], пытаясь сдержать ярость монгольской армии и привить монголам понимание ценности китайской культуры. Именно по его инициативе в 1237 г. «произведено было изыскание китайских ученых, для выбора на службу; они производимы были в чиновники в местах их нахождения»[1318].

[1312] История МНР. С. 133.

[1313] Алтан Тобчи. С. 189.

[1314] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана… С. 263.

[1315] Хэйда шилюэ. С. 20.

[1316] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. С. 264.

[1317] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 14.

[1318] Старинное китайское сказание. С. 201.

Елюй Чуцай являлся одним из, но далеко не единственным, — в окружении Чингиса состояли выходцы из Цзиньской империи, Хорезма, тангутского государства Си Ся[1319].

Хубилай следовал примеру великого деда. В число его советников входили буддийские монахи Хай Юнь и Лю Бинчжун, конфуцианец Яо Шу, ученик и последователь Елюй Чуцая Сун Цзычжэнь, племянник тибетского ламы Дрогён Согьял Пагпа (будущий Пагба-лама). Как видим, там нашлось место не только китайцам. Краткий обзор их биографий даст некоторое представление о том, что за люди окружили Хубилая и к чьим советам он прислушивался.

Хай Юнь [1320] родился в 1203 г. и в молодом возрасте заинтересовался буддизмом. В 1219 г. он впервые встретился с монголами, когда войска под предводительством Мухали взяли город Ланьчжоу. В последующие годы он странствовал по завоеванным землям и к 1222 г. сделался одним из наиболее выдающихся буддийский лидеров Северного Китая, где он и познакомился с Елюй Чуцаем, который в дальнейшем оказывал ему своё покровительство. С Хубилаем Хай Юнь впервые встретился в 1242 г. и в ходе этой встречи произвел на будущего великого хана большое впечатление своими рассуждениями о величии буддизма и о многих других предметах. Усилиями Хай Юня буддийские монахи Северного Китая были освобождены от податей и повинностей. И хотя надолго Хай Юнь при особе царевича не задержался, возвратившись в скором времени в свой храм в Пекине, тесная связь его с Хубилаем сохранилась: когда в 1243 г. у Хубилая родился сын, именно Хай Юнь дал ему имя — Чжэньцзинь (кит. 真金 «чистое золото», в монгольском варианте Джинким).

Яо Шу [1321] родился в 1203 г. в семье чиновников и получил отличное конфуцианское образование. Известно, что вскоре после 1233 г. он оказался в

[1319] Подробнее см. в: In the Service of the Khan. P. 46–224.

[1320] Подробнее о Хай Юне см. в: In the Service of the Khan. P. 224–240.

[1321] Подробнее о Яо Шу см. в: In the Service of the Khan. P. 387–400.

Каракоруме на приеме у великого хана Угэдэя, который не часто, но очень охотно беседовал с китайскими учеными. В 1251 г. Хубилай пригласил Яо Шу ко двору в свой негласный совет[1322]. Усилия Яо Шу были направлены на то, чтобы убедить Хубилая в необходимости великодушного управления страной в соответствии с конфуцианскими идеалами и по возможности сгладить последствия закономерно наступившего после монгольского вторжения хаоса. Принимая деятельное участие в организации похода против королевства Дали, Яо Шу убедил Хубилая не проливать крови без крайней нужды. Во многом благодаря его советам Дали удалось захватить быстро и без потерь, так что авторитет Хубилая в глазах соратников существенно возрос. Другим достижением Яо Шу было быстрое восстановление сельского хозяйства на перешедших под власть Хубилая территориях, а также культивация выращивания тутового дерева, что позитивно сказывалось на экономическом состоянии региона в целом. Когда Хубилай выступил в первый поход против Южных Сунов, Яо Шу отправился вместе с ним в качестве военного советника. А накануне второго похода он призывал монгольских военачальников к гуманному обращению с завоеванным населением. Ещё одним важным аспектом деятельности Яо Шу был надзор за образованием принцев. Хубилай уделял этому вопросу большое внимание. Однако в середине 1270-х гг. влияние Яо Шу и его китайских коллег стремительно пошло на спад на фоне конфликта с ханским советником Ахмедом[1323].

Лю Бинчжун[1324] родился в 1216 г. и уже в раннем возрасте обратился к буддизму. Огромная эрудиция Лю Бинчжуна произвела впечатление на Хай Юня, который в 1238 г. пригласил юношу сопровождать его ко двору Хубилая, что стало поворотным моментом в жизни Лю Бинчжуна. Со временем он стал одним из наиболее влиятельных советников при монгольском дворе. Примечателен дуализм воззрений Лю Бинчжуна: будучи в частной жизни убежденным буддистом, он

[1322] In the Service of the Khan. P. 390.

[1323] Подробнее об обстоятельствах и последствиях этого конфликта см. в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 186–190; *Марко Поло*. С. 97–100.

[1324] Подробнее о Лю Бинчжуне см. в: In the Service of the Khan. P. 241–261.

никогда не позволял своим религиозным убеждениям брать верх над целесообразностью в вопросах служебных; в качестве официального лица Лю Бинчжун все силы прилагал к перестройке монгольского типа правления по конфуцианскому образцу [1325] . В частности, он подробно изложил Хубилаю основные правила поведения китайского императора и составил обширную программу по организации управления китайскими землями, включавшую в себя разделение ведомств по военным и гражданским вопросам, снижение и фиксацию налогов, совершенствование судебной системы, унификацию мер веса, восстановление школ и экзаменов на государственную службу, реформу календаря. Хотя Хубилай и не имел на тот момент полномочий для ее реализации, тем не менее, сама программа произвела на будущего хана огромное впечатление. Кроме того, Лю Бинчжун посоветовал Хубилаю составить историю династии Цзинь[1326] — что само по себе должно было стать знаковым событием, поскольку вновь воцарявшиеся в Поднебесной династии традиционно записывали историю своих предшественниц. А это означает, что Лю Бинчжун видел в Хубилае реального, вполне легитимного кандидата на китайский императорский престол. После избрания Хубилая великим ханом Лю Бинчжун восстановил для него придворный церемониал, а также посоветовал дать вновь основанной династии китайское имя, предложив Да Юань — 大元, «Великая Юань»[1327].

Одним из примечательных результатов сотрудничества Хубилая и его верного советника некоторые исследователи считают строительство в 1256 г. Кайпина, ставшего со временем летней резиденцией юаньских императоров. Это был тщательно продуманный и взвешенный шаг. Местоположение города — во Внутренней Монголии, но при этом всего в десяти днях езды от Пекина, — говорило о многом: с одной стороны, это были монгольские земли, с другой, Хубилай ясно давал понять, что всё больше и больше поворачивается лицом к

[1325] Ibid. P. 247.

[1326] Ibid. P. 249.

[1327] Ibid. P. 261.

своим оседлым подданным. Это проявлялось в целом ряде решений, начиная с названия города и заканчивая его планировкой, традиционной для Китая. Лю Бинчжун участвовал в осуществлении проекта от начала до конца [1328]. А несколькими годами позже, в 1267 г., Хубилай привлек его к строительству новой столицы своих владений — Даду, известного по записям Марко Поло как Ханбалык[1329].

Еще одним выдающимся деятелем традиционной китайской культуры, приближенным к Хубилаю, стал Ван Юнь [1330]. Бывший чиновник на службе чжурчжэньской династии Цзинь, он впечатлил хана своей начитанностью, кругозором и жаждой знаний. Он, также как и многие его товарищи, поддерживал идею вхождения монгольской династии в сферу китайских традиций посредствам написания историй предшественниц, а еще поднимал вопрос о символической преемственности между династиями, выражаемой в цвете и первоэлементе, избираемом для нового правящего дома[1331]. Предлагая в качестве первоэлемента металл, он намеривался провести линию наследования от Юань к Цзинь, добавляя таким образом юаньскому престолу законности и стремясь привнести в монголо-китайские отношения элементы традиционной китайской философии — концепция последовательной смены первоэлементов как способа подтвердить легитимность смены власти существовала уже в период династий Цинь (221–207 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.)[1332].

Сун Цзычжэнь, следуя примеру Елюй Чуцая, которого он почитал своим наставником, советовал Хубилаю не проявлять излишней жестокости в ходе покорения южносунских земель[1333], чтобы не сделать невозможной добровольную сдачу городов и военных соединений, а также активно налаживал управление

[1328] *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 419.

[1329] *Марко Поло*. С. 93.

[1330] Подробнее о Ван Юне см. в: In the Service of the Khan. P. 371–386.

[1331] *Chen Yuan.* Legitimation Discourse. P. 350.

[1332] Encyclopedia of Chinese Philosophy // Ed. by A.E. Cua. NY., 2003. P. 781.

[1333] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 31.

страной по китайскому образцу[1334]. Ему принадлежали идеи создания управления надзора за делами чиновников, отмены наследования должностей, учреждения школ для детей чиновничества[1335]. И хотя далеко не все было реализовано — например, экзаменационная система при Хубилае так и не была восстановлена, — многие его начинания встречали со стороны великого хана одобрение и поддержку. Что же касается экзаменов — то тут вполне справедливым представляется замечание М. Бургана о том, что экзамены в традиционной китайской форме непременно привели бы на должности знатоков китайской словесности и конфуцианства, но вовсе необязательно людей, лично преданных Хубилаю, и это было для великого хана непреемлимо, поэтому он и отказался от идеи их восстановления[1336]. Регулярные экзамены при наборе на государственную службу возобновились только в 1313 г. эдиктом императора Аюрбарибады (1312–1320)[1337] и с 1315 г. проводились практически каждые три года вплоть до самого свержения династии в 1368 г.

Что касается отношений между Хубилаем и его китайскими советниками, то впервые они претерпели серьезные изменения после 1262 г. В том году на территории Северного Китая, в провинции Шаньдун, местный китайский военачальник Ли Тань, прежде верно служивший Мункэ во время его операций против Южных Сунов и после смерти великого хана продолжавший пользоваться доверием и поддержкой Хубилая, поднял восстание, намериваясь захватить находящиеся под его контролем земли и, вероятно, создать собственное государство[1338]. И хотя мятеж удалось быстро подавить, Хубилай пришел к выводу, что полностью доверять представителям завоеванного народа не следует[1339]. После

[1334] Там же. С. 32.

[1335] Там же.

[1336] *Burgan M.* Empire of the Mongols. P. 84.

[1337] *Кучера С.* Проблема преемственности культурной традиции при династии Юань // Роль традиций в истории и культуре Китая / Отв. ред. Л. Васильев. М., 1972. С. 280.

[1338] *Мэн Д.* Хубилай. С. 128.

[1339] In the Service of the Khan. P. 257.

этого хан по-прежнему обращался за советами к Лю Бинчжуну и его коллегам, но число советников некитайского происхождения начало стремительно расти — в качестве противовеса.

Хубилай осознавал необходимость объединения всех подконтрольных ему народов в единый государственный организм для придания обществу большей устойчивости и управляемости. Объявив своей официальной религией ламаизм, продолжая проводить политику общей веротерпимости, великий хан, тем не менее, не рассчитывал, что именно религия сплотит всех его подданных — представители конфуцианства, буддизма, христианства, ислама пользовались его покровительством, каждая конфессия полагала его своим сторонником[1340], однако вся эта религиозная пестрота, конечно, не могла стать залогом единства. Кроме того, Хубилай сознавал огромную разницу в культурном уровне развития подвластных ему народов. Оставалась административная сфера — такими огромными массами населения следовало управлять по единым правилам. Но тут возникало новое препятствие: языковой барьер. Монголы пользовались вертикальным письмом, которое позаимствовали у уйгуров ещё при жизни Чингис-хана. У китайцев, чжурчжэней, тангутов, тибетцев существовали собственные виды письма. Все они совершенно не сочетались между собой, поэтому Хубилай поставил перед своим выдающимся советником Пагба-ламой[1341] задачу выработать такую письменность, которая отвечала бы потребностям языков всех подданных империи Юань. «Принятие квадратного алфавита, по-видимому, увязывалось с политическими целями Хубилая, который намеревался ввести уйгуро-монгольский алфавит не только в Монголии, но и во всей империи Юань и сделать его основным»[1342]. В 1269 г. Пагба-лама завершил свою работу[1343]. Созданную им письменность предполагалось использовать, в том числе, и для китайского языка.

[1340] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? С. 62–63.

[1341] Подробнее о Пагба-ламе см. в: In the Service of the Khan. P. 646–654.

[1342] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 154.

[1343] История МНР. С. 140.

Современные исследователи не пришли к единому мнению относительно качества этого алфавита. Монгольский историк Д. Чулууны отзывался о нем весьма негативно[1344]. В то же время, А.Ш. Кадырбаев[1345], Ж.К. Туймебаев[1346], И.Т. Зограф[1347], М. Россаби[1348], коллектив авторов «Кембриджской истории Китая»[1349] отмечали его высокую точность звукопередачи и необычайную приспособленность к особенностям всех имеющихся в государстве языков. Однако, вопреки надеждам Хубилая, новая письменность не прижилась: представители завоеванных народов не спешили отказываться от родного письма в пользу искусственно созданного общегосударственного, который требовал бы прохождения нового обучения. Алфавит «не распространился сколько-нибудь далеко за пределы дворцов юаньских хаганов»[1350] и был забыт почти сразу после свержения династии. Попытка объединить монголов, китайцев и других подданных империи с помощью общей письменности провалилась.

Методы управление китайскими землями Монгольской империи

Теперь, пожалуй, следует остановиться на вопросе организации процесса управления в монгольских владениях и систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении данные[1351]. Уместно будет заодно отметить, какие элементы в этих

[1344] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 154.

[1345] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? С. 70.

[1346] *Туймебаев Ж.К.* Диагностические признаки выделения тюркских заимствований. С. 271.

[1347] *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция. С. 13.

[1348] *Rossabi M.* Khubilai-Khan. P. 157.

[1349] *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 466.

[1350] *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 154.

[1351] Этому вопросу уделяли внимание многие исследователи. См., например, в: *Д'Оссон К.* История монголов. С. 217–235; *Стратонитский К.А.* Монгольское управление... С. 10–29; *Бартольд В.В.* Туркестан... С. 494, 524; *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи // Феномен восточного деспотизма / Отв. ред. Н.А. Иванов. М., 1993. С. 314–318; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 443–465; *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 34–64; *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 61–73; *Farquhar D.* Structure and Function in the Yuan Imperial Government / China under Mongol rule. P. 25–56; *Endicott-West E.* Mongolian Rule in China. P. 15–127.

методах оставались чисто монгольским, а какие оказались переняты у оседлых подданных. Если присмотреться, станет видно, что монголы строили свою государственную структуру, основываясь отнюдь не только на заимствованиях. Как и в большинстве исторических явлений, тут имел место двусторонний процесс.

Начнем с выделения традиционно монгольских приемов. К ним, безусловно, относится строгий учет всей захваченной в военном походе добычи с последующим распределением ее между участниками похода и представителями Золотого рода, причем хан обязательно получал свою долю, вне зависимости от того, участвовал он в походе лично или нет. У Чингис-хана во времена Западного похода произошел серьезный конфликт со старшими сыновьями из-за того, что они, захватив Ургенч, не выделили ему положенную часть добычи[1352].

Также именно монголами была придумана система *ямов* — почтовых застав, на которых послы и гонцы могли сменить лошадей и получить самое необходимое. В источниках указано, что нововведение это было сделано ханом Угэдэем, который считал его одним из своих выдающихся достижений[1353]. Их упоминал и Чжан Дэхуэй, писавший, что на север от хребта Ехулинь «станции устроены и управляются монголами»[1354]. *Ямы* обслуживались силами местного населения, на которое возлагалась тяжелая ямская повинность, а перегоны от одной станции до другой охранялись специально поставленными для этого тысячами[1355]. Сильное впечатление ямская служба произвела со временем на Марко Поло[1356]. А значение *ямов* для контроля над территорией страны и вовсе трудно переоценить — ведь благодаря им информация и распоряжения передавались с недоступной прежде скоростью.

[1352] Сокровенное сказание. С. 188.

[1353] Там же. С. 197–198.

[1354] *Чжан Дэхой.* С. 582.

[1355] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 36.

[1356] *Марко Поло*. С. 121.

Воля правителя выражалась через вручение дощечек-*пайцз* (привычные русскому слуху *ярлыки*), система которых включала в себя несколько градаций. Различались *пайцзы* по материалу (золото[1357], серебро[1358], чугун, бронза[1359], дерево[1360]), изображению (голова льва[1361], голова тигра[1362], кречет[1363]) и нанесенному тексту[1364]. *Пайцзы* выдавали гонцам, послам, десятникам, сотникам, тысячникам, темникам, а также в качестве знаков особого отличия. В частности, Марко Поло рассказывал, что ему и его отцу с дядей для обратного путешествия в Европу были вручены *пайцзы* с изображением льва и кречета, и еще одна вовсе без изображения, и на всех было написано, чтобы предъявителям *пайцз* предоставляли лошадей и провиант и не чинили препятствий в пути[1365].

Традиционно монгольскими методами в империи Юань урегулировали споры в рядах правящей элиты. Если возникали серьезные противоречия, их разрешали с помощью обращения к Великой Ясе — собранию решений и установлений Чингис-хана, обязательных к знанию и исполнению для его потомков и подданных. О характере Ясы до сих пор ведутся споры: считать ли ее кодифицированным обычным правом, или это был просто сборник случайных прецедентов, затрагивающих самые разные сферы повседневной жизни[1366]. Упоминаниями Великой Ясы изобилуют «Юаньчао биши» и «История завоевателя мира», при этом из текста следует, что чем бы ни было это знание, оно носило закрытый,

[1357] *Джувейни*. С. 347.

[1358] Там же. С. 370.

[1359] *Марко Поло*. С. 223.

[1360] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 228.

[1361] *Марко Поло*. С. 93.

[1362] *Джувейни*. С. 177, 367, 370.

[1363] *Марко Поло*. С. 94.

[1364] См. в: *Марко Поло*. С. 93–94.

[1365] Там же. С. 47.

[1366] Дискуссию о том, что из себя представляла Великая Яса, подробнее см. в: *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 461–465; *Lane G.* Daily life... P. 205–227; *Ayalon D.* The Great Yasa of Chinggis khan. A Reexamination // Studia Islamica. 1971. Fasc. 33. P. 97–140; 1971. Fasc. 34. P. 151–180.

сугубо элитарный характер, а доступ к нему имели только Чингисиды и наиболее родовитая аристократия[1367]. Впрочем, как видно из источников, соблюдение Ясы носило выборочный характер: Рашид ад-Дин приводит слова Чингиса о том, что членов Золотого рода за первое нарушение Ясы следует «наставить словом», за повторное — наказать «согласно *билику*», на третий раз сослать, за четвертое нарушение — «да определят ему оковы и темницу», а за пятое «пусть все близкие и дальние его родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить»[1368]. То есть нормы Ясы на Чингисидов напрямую не распространялись.

Билики[1369], наряду с Ясой, являлись источником права. Они представляли собой изречения Чингис-хана, записанные, как правило, рифмованной прозой. Впоследствии *билики* составляли и другие ханы (Угэдэй[1370], Хулагу[1371]) которые постоянно держали при себе для этой цели специальных писцов. Знание *биликов* высоко ценилось монгольской знатью[1372]. Плано Карпини писал, что установления Чингис-хана «татары нерушимо соблюдают»[1373]. Правда, считается, что практика записывания *биликов* заимствована монголами у китайцев[1374], однако сами по себе *билики* отнюдь не являлись порождением китайской культуры.

Теперь задумаемся над тем, что монголы позаимствовали. В первую очередь, это касается любых систем учета и контроля — проведение переписи податного населения, установление фиксированных сумм налогов. Интересное наблюдение сделал Ф.В. Кливз, изучая письма *иль-ханов* Хулагуидов Филиппу Красивому и

[1367] *Джувейни*. С. 19.

[1368] *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 263–264.

[1369] От монгольского *билиг* — «мудрость».

[1370] *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 7.

[1371] Там же. Т. 3. С. 66.

[1372] Рашид ад-Дин описал случай, когда превосходное знание *биликов* Чингис-хана позволило Тимур-хану обойти своего старшего брата Камалу в споре за ханский престол на курултае 1294 г.: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 206.

[1373] *Плано Карпини*. С. 43.

[1374] См. *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 7. Прим. 2.

папе Римскому: официальные документы монгольского двора датировались именем дежурного офицера ханской гвардии и днём его дежурства — первым, вторым или третьим[1375]. Здесь мы имеем дело уже с сочетанием двух линий культурного наследия. С одной стороны, сама идея датировать документы, без сомнения, пришла от китайцев, поскольку в доимперский период монголы и документы-то составлять не умели. С другой, ханская гвардия в описанном виде — чисто монгольское явление, преобразованный Чингисом *кешик.*

Аппарат управления в империи Юань был также взят из китайского опыта. Он выглядел следующим образом: «его возглавляли два канцлера (левый — *цзо чэн-сян* и правый — *ю чэн-сян*). Им подчинялся государственный совет (*чжун-шу шэн*). Правый канцлер одновременно являлся главой правительства, в которое входили шесть *бу* (министерств, ведомств). Кроме этого, в центральный аппарат входили главный военный совет (*шу ми юань*) и главный цензорат (*юй ши тай*). Империя Юань была разделена на одиннадцать провинций (*шэн*), которые подразделялись на административно-территориальные органы управления более низкого иерархического уровня дороги (*лу*) и области (*фу*) и т.д. Параллельно существовало двадцать два военных округа (*дао*)»[1376]. То есть в административном устройстве китайские традиции преобладали, что вполне логично: к моменту создания империи у монголов попросту не успели появиться собственные традиции разделения подконтрольных территорий на отдельные субъекты с собственной администрацией.

А вот один из ключевых монгольских управленческих институтов, институт *даругачи*[1377]*,* впервые упоминается в «Юань ши» под 1214–1215 гг., когда Чингис-хан назначил их в Северный Китай[1378]. Следовательно, *даругачи* появились до того, как монголы утвердили свою власть над Китаем, и даже до того, как на службу к

[1375] *Cleaves F.W.* Chancellery practice of the Mongols. P. 520.

[1376] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 466.

[1377] *Endicott-West E*. Mongolian Rule in China. P. 2.

[1378] Ibid. P. 26.

Чингису пришел Елюй Чуцай [1379]. То есть *даругачи* — чисто монгольское изобретение. Они упоминаются в «Тайной истории», в эпизоде, где говорится о том, что Чингис-хан назначил «сартаульских советников-соправителей» к «монгольским *даругачинам*» в Китае [1380]. Под сартаульским народом подразумеваются жители Хорезма[1381], так что «сартаульские советники» — скорее всего, мусульмане, перешедшие на службу к Чингису, как сделал это, например, Махмуд Ялавачи[1382].

Изначально *даругачи* назывались военные наместники в покоренных областях, эта должность не оплачивалась, но передавалась по наследству [1383]. Однако постепенно *даругачи* превратились в чиновников гражданской бюрократии, занимавшихся широким кругом вопросов, вплоть до восстановления сельского хозяйства разоренных войной регионов[1384]. Указ Хубилая закреплял эту должность за представителями двух высших категорий населения — монголами и *сэму*[1385]. То есть представителям китайского населения доступ в ряды *даругачи* был закрыт. Из данного факта можно заключить, что полномочия этих чиновником были весьма широки, раз Хубилай посчитал необходимым зафиксировать привилегированное положение *даругачи* особым документом. Не следует забывать, что при всей своей открытости достижениям китайской цивилизации, Хубилай относился к образованной интеллигенции южного Китая с известной настороженностью.

6.3 Монголы и китайская культура

Последствия завоевания заметно ощущались в сфере декоративно-прикладного и изящного искусства. Причем далеко не всегда плачевные. Не

[1379] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 14.

[1380] Сокровенное сказание. С. 189.

[1381] Там же. С. 182.

[1382] Более подробно о Махмуде Ялавачи см. в: *Fairbank J.K., Twitchett D.* The Cambridge History of China. P. 374–375; In the Service of the Khan. P. 122–128.

[1383] *Endicott-West E*. Mongolian Rule in China. P. 25.

[1384] Ibid. P. 56.

[1385] Ibid. P. 81.

закрывая глаза на огромные людские потери, понесенные Китаем в ходе завоевания, в том числе, и среди творческой интеллигенции, надо признать, что имели место и позитивные подвижки. Не имея собственных технологий, сопоставимых по уровню развития с китайскими, монгольская элита всячески поддерживала местных мастеров. При монголах успешно продолжали своё развитие производство фарфора[1386], стекольное литье[1387], ювелирное и эмальерное дело[1388].

В качестве трофея Хубилай забрал в Ханбалык картинную галерею сунских императоров и сделал ее основой собственной коллекции[1389]. Он проявлял большой интерес к живописи, покровительствовал художникам и каллиграфам. Впервые в картинах в качестве самостоятельного элемента стали появляться каллиграфические надписи[1390]. Более того, именно в годы правления Юань окончательно оформилась идея объединить «три совершенства» образованного человека — владение каллиграфией, поэзией и живописью — в рамках одного произведения[1391]. Претерпели некоторое изменение и сюжеты: художники всё чаще стали изображать лошадей, всадников и сцены охоты, что больше соответствовало вкусовым предпочтениям правящей элиты[1392]. В то же время, они нередко обращались за сюжетами к живописи эпохи Тан[1393], выполняя таким образом самими на себя возложенную миссию сберечь родную культуру под властью иноземцев[1394]. Кроме того, отличительной особенностью юаньского периода стало преобладание среди художников любителей над профессионалами, что, в свою очередь, добавляло разнообразия техникам и манере творчества. Причина этой

[1386] *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. С. 705–706.

[1387] Там же. С. 782.

[1388] Там же. С. 287–289.

[1389] *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? С. 68.

[1390] *Кучера С.* Проблема преемственности… С. 289.

[1391] Encyclopedia of Chinese philosophy. P. 28.

[1392] Там же. С. 290.

[1393] Династия, правившая в Китае в 618–907 гг.

[1394] *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. С. 620–628.

закономерности кроется в том, что при Юань художники обучались и существовали в совершенно разных условиях, не связанные более Императорской Академией Живописи, действовавшей при Южной Сун в Ханчжоу[1395]. Результатом такого своеобразного пути развития стал высокий уровень качества и оригинальности юаньской живописи, так что мастера последующих эпох нередко обращались к ней для подражания и копирования[1396].

Начался расцвет театра. При монголах это развлечение получило широкое распространение среди элиты. О представлениях, устраиваемых на ханском пиру, подробно писал Марко Поло[1397]. При этом существенно возросло качество сочиняемых произведений, поскольку лишенные возможности реализовать себя на государственной службе образованные конфуцианцы из категории *наньжэнь* нередко находили возможность самовыражения в драматургии[1398]. Юаньская драма по праву считается вершиной китайского средневекового театрального искусства, завершая продолжительный этап развития, начало которого относится ещё к эпохам Тан и Сун[1399].

Весьма продуктивным оказался синтез в сфере медицины. Китайские традиции врачевания обогатились опытом, привнесенным кочевниками, а впоследствии в таком усовершенствованном виде распространились дальше по территории империи, в частности, проникнув в Тибет и положив начало знаменитым тибетским врачебным методикам[1400]. А китайская научная мысль в

[1395] *Cahill J.* Hills beyond a River. P. 4–5.

[1396] *Кучера С.* Проблема преемственности… С. 292.

[1397] *Марко Поло*. С. 101.

[1398] *Сорокин В.Ф.* Китайская классическая драма… С. 5–7.

[1399] Там же. С. 44–59.

[1400] *Lane G.* Daily life. P. 138–139; *Еремеев В.Е.* Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине. С. 145–149.

годы правления Юань пришла в соприкосновение с европейской, что оказалось для обоих цивилизационных комплексов весьма плодотворно[1401].

Позиционируя себя в качестве правителя оседлого народа, Хубилай по возможности восстанавливал привычную для городского населения Китая жизнь, нарушенную монгольским вторжением. Марко Поло оставил описания множества городов времен первого юаньского императора. И хотя они не отличаются большим разнообразием формулировок, так что все города названы «большими, красивыми, знатными, торговыми»[1402] и для всех них отличительной особенностью Марко Поло называет, в первую очередь, использование бумажных денег[1403], однако имеются и более конкретные упоминания городской повседневности. В частности, там упоминаются городские бани — «самые красивые, самые лучшие и самые просторные в свете; они так просторны, что зараз тут могут мыться сто мужчин или сто женщин»[1404]. До прихода в Китай бани были монголам неизвестны.

В то же время, в своем быту Хубилай сохранил некоторые черты, характерные для кочевой жизни. Марко Поло пишет, что в Кайпине у великого хана имелся большой бамбуковый разборный дворец[1405]. Любимым развлечением Хубилая была охота — с собаками, с ловчими птицами, облавная[1406]. Охоте он посвящал несколько месяцев в году, и это тоже оставалось ярко выраженной данью монгольским традициям.

6.4 Военное дело побежденных — вклад в новые победы

Влияние, которое оказало китайское военное дело на развитие монгольской армии, огромно. С одной стороны, контакты с Китаем дали монголам новые знания.

[1401] *Ratchnevsky P.* Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1959–1960. Vol. 9. S. 116.

[1402] *Марко Поло.* С. 134–138 и далее.

[1403] Там же.

[1404] Там же. С. 148.

[1405] Там же. С. 87.

[1406] Там же. С. 105–107.

С другой — в монгольских войсках появились представители завоеванных народов со своими традиционными способами ведения боевых действий: Р.П. Храпачевский пишет о китайцах, киданях и чжурчжэнях[1407]. С их появлением исследователь связывает первые упоминания о наличии в монгольской армии пехоты[1408]. Выглядит вполне логично: сами по себе монголы были отличными конниками, но с включением контингентов из оседлых подданных, не имевших столь богатого кавалерийского опыта, пехотинцы приобрели собственное назначение. Пехота на монгольской службе, хотя и без уточнения этнической принадлежности, упоминается у Джувейни в описании боевых действий монголов против *хорезм-шаха* и туркменов на территории современного Афганистана[1409].

Что касается первого вопроса, с технологиями, то здесь имеется обширное поле для анализа. В источниках отмечалось, что в свои первые походы монголы не всегда добивались успеха при попытках штурмовать городские укрепления, а опыты с саперными работами не всегда оказывались удачными. Например, во время осады тангутской столицы Чжунсина в 1209 г. сооруженная монголами плотина оказалась недостаточно прочной, так что вода прорвалась и затопила монгольский лагерь[1410]. При этом ряд менее крупных населенных пунктов они все же захватили[1411]. А в 1211 г. во время очередного похода в Северный Китай крупный город Дунцзин был взят не в результате осады, а хитростью — Джэбэ сделал вид, что отступает, а потом ночью внезапно атаковал ничего не подозревавших защитников и занял крепость[1412]. То есть успех был достигнут не с помощью хитроумной техники, а привычной тактикой ложного отступления. Однако по мере продвижения на юг, по мере накопления опыта и тщательного знакомства с технологиями побежденных, монголы становились все более и более

[1407] *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. С. 161.

[1408] Там же. С. 167.

[1409] *Джувейни.* С. 330.

[1410] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны… С. 50.

[1411] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 150.

[1412] Там же. С. 165.

умелыми специалистами по штурму городов. При этом надо понимать, что хотя покоренные государства Северного Китая принадлежали некитайским народам тангутов и чжурчжэней, но в основе их военного дела лежали именно китайские знания, позаимствованные ими в свое время точно так же, как при Юань учились у китайцев монголы.

М.И. Иванин высказывал предположение, что, помимо китайских, монголы имели доступ к знаниям и технологиям, принесенным в Азию с территории Римской империи после того, как там начались гонения на различные христианские секты [1413] . Это утверждение представляется достаточно обоснованным, поскольку доподлинно известно о немалом количестве несториан, обитавших в монгольских степях[1414]. Однако определяющим фактором признается именно соседство высокоразвитого Китая.

Как раз там, да еще в Персии, Чингис-хан нашел искусных инженеров, которые разбирались в осадной технике[1415]. Ее высочайший уровень отмечали и европейские авторы — Плано Карпини, Ц. де Бридиа, и китайские — Чжао Хун, Пэн Дая и Сюй Тин, о чем уже упоминалось выше[1416]. Сейчас нам хочется обратить внимание на тот факт, что все это было **позаимствовано** у завоеванного народа. Отмечал его и Е.И. Кычанов, писавший в своей статье о завоевании государства Си Ся: «монголы еще не имели опыта взятия больших городов, которым они овладели позднее, после знакомства с военной техникой китайцев, чжурчжэней, тангутов»[1417].

[1413] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар… С. 11.

[1414] Несториане были весьма многочисленны среди тангутов и кереитов (*Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. С. 68), уйгуров (Там же. С. 70), хотя их форма вероисповедания заметно отличалась от канонической (Там же. С. 75).

[1415] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар… С. 37.

[1416] См. С. 185–188 наст. работы.

[1417] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны… С. 49.

Именно придя в Южный Китай, монголы в полной мере освоили морское дело, причем не только в военном направлении, но и в мирном — торговом. Выше уже обсуждался тот факт, что в период сугубо кочевой степной жизни монголы прекрасно обходились навыками быстрой переправы через водные преграды с помощью кожаных мешков для личных вещей, которые привязывали к хвостам лошадей, после чего плыли вместе с ними через поток[1418]. Однако по мере расширения подконтрольных территорий возникла потребность и в улучшении корабельных технологий. Ло Жунбан совершенно справедливо отмечал, что воевать на море монголы не умели вплоть до окончательного покорения Южного Китая, и не потому, что не были знакомы с кораблестроением, а потому, что им это прежде не требовалось[1419].

Китайцы сумели выстроить для монголов боеспособный флот и научили им управлять. Среди них встречались перебежчики, как Лю Чжэн 刘整, талантливый китайский военачальник, перешедший на сторону противника после несправедливого обвинения, выдвинутого против него одним из офицеров его штаба[1420]. Имелись и те, кто давно, уже по семейной традиции, служил завоевателям, как, например, Чжан Хунфань 張弘範[1421], выдающийся флотоводец, сын генерала династии Цзинь, прослужившего монголам более двадцати лет[1422]. Их общими усилиями монгольский флот превратился в силу, положившую конец существованию империи Южных Сунов и обещавшую новые горизонты для экспансии. Насколько успешной оказалась эта морская экспансия — уже другой вопрос, однако если говорить исключительно о технической составляющей и качестве флота, то они оказались на высоте.

[1418] *Плано Карпини.* С. 52.

[1419] *Lo Jungpang.* China as the Sea Power. P. 211–212.

[1420] Ibid. P. 213.

[1421] Подробнее о нем см. в: In the Service of the Khan. P. 608–620.

[1422] Ibid. P. 608.

Что касается морской составляющей торговли, то здесь с приходом монголов на юг Китая произошел явственный рывок в развития заморских связей, когда правители Юань стали оказывать помощь и покровительство северокитайским купцам, активно занимавшимся разбоем и пиратством в Южно-Китайском море[1423], но помимо этого осуществлявшим торговый обмен с островами и приморскими районами. Учитывая, что при Южных Сунах купцы почетом и государственной поддержкой не пользовались, о чем речь более детально пойдет в следующей главе[1424], нетрудно догадаться, сколь важным оказалось появление монголов для установления таких широких торговых связей.

6.5 Подводя итоги

Монголы вторглись на территорию Китая ещё при Чингис-хане, однако лишь его внуку Хубилаю удалось завершить покорение страны, объединив под своей властью северные и южные земли. Будучи дальновидным политиком, Хубилай осознавал, что китайские советники его предшественников говорили правду: «Можно покорить империю, сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею». Необходимость привлекать к административной работе опытных образованных китайских чиновников была очевидна. Так же Хубилаю был очевиден тот факт, что центр тяжести Монгольской империи должен сместиться в более густо населенный и экономически развитый Китай. Ещё прежде, чем занять великоханский престол, Хубилай четко обозначил данное своё намерение, построив город Кайпин на границе Китая и Монголии, а затем организовав *курултай* для провозглашения себя великим ханом на китайской земле. Удел Хубилая находился в Китае, сам он участвовал в военных операциях против Южных Сунов, плацдармом для которых стал Северный Китай, поэтому неудивительно, что в последовавшей за смертью хана Мункэ усобице Хубилай смог опереться на китайские человеческие и экономические ресурсы, что в конечном итоге стало одной из причин его победы.

[1423] *Lo Jungpang.* China as the Sea Power. P. 309–311.

[1424] См. С. 259 и далее наст. работы.

Однако воцарение Хубилая сопровождалось столкновением его взглядов с позициями старой кочевой знати, не желавшей такого сближения с китайской культурой. Хубилаю пришлось сражаться сначала с Ариг-Букой, затем с Хайду.

Хубилай отдавал себе отчет в том, что полная ассимиляция вполне возможна. При нем был предпринят ряд мер по отделению монголов от остального населения империи. Вводилось разделение жителей империи на четыре социальные группы с разным уровнем прав и привилегий. Китайцы в массе своей отстранялись от управления, высоких должностей, им также запрещалось ношение и хранение оружия. Кроме того, Хубилай предпринял попытку внедрить новое универсальное письмо, чтобы не вести делопроизводство на китайском языке. Однако китайское влияние на систему государственного управления оставалось чрезвычайно велико. Китайские советники разъясняли великому хану суть конфуцианских принципов управления страной, привнесли в его жизнь элементы традиционных китайских церемоний. Хубилай принял многие нововведения, хотя кое от чего отказался: в частности, от экзаменационной практики, которую его китайские советники настоятельно рекомендовали возродить. Восстановление экзаменов на замещение государственных должностей дало бы китайским кандидатам слишком большое преимущество перед монгольскими. На это Хубилай пойти никак не мог.

В то же время результатом монгольского завоевания стали заметные изменения в изобразительном искусстве, литературном творчестве и научной мысли, и это позволяет заключить, что взаимодействие монгольской и китайской культур не было односторонним. Более того, к положительным последствиям можно отнести и объединение всех китайских территорий в пределах одного государства, которое заметно способствовало развитию национального самосознания населения и распространению китайской цивилизации. Монголы ликвидировали все некитайские государственные образования на Севере страны и тем самым положили конец регулярному захвату Северного Китая кочевниками. Следующим и последним вторжением с севера на китайские территории станет только захват власти маньчжурами и провозглашение их династии Цин в 1644 г.

Монгольское военное дело получило от контактов с северо- и южноокитайскими государствами очередной импульс в развитии. Доступ к опыту и технологиям более древних культур, наложившись на высокие боевые качества монгольских войск, способствовало дальнейшей успешной экспансии Чингиса и его преемников.

Повседневная жизнь рядовых монголов практически никаким изменениям не подверглась — исключением можно назвать разве что введение бумажных денег и распространение городских бань. В остальном монголы продолжали жить по прежним правилам, далеко не всегда имея доступ к позаимствованным у китайцев достижениям цивилизации. В целом есть основания утверждать, что китаизация коснулась, в первую очередь, монгольской элиты.

Глава 7. Некоторые аспекты евразийской торговли накануне и в ранний период установления монгольского владычества в Китае

Международная торговля всегда представляла немалый интерес для историков. И торговля в средние века — не исключение. Являясь одним из основных способов развития международных связей и побуждая людей расширять границы известной им ойкумены в поисках новых товаров, торговых путей и более высокой прибыли, она накладывала серьезный отпечаток на человеческое мировоззрение той эпохи. Средневековая торговля и факторы, влиявшие на ее становление, неоднократно становилась предметом внимательного изучения со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Из немалого количества работ стоит упомянуть фундаментальный труд В. Гейда[1425], написанный еще в конце XIX в., однако до сих пор не утративший своей научной актуальности. Также чрезвычайно полезной оказалась монография А.Л. Пономарева, посвященная развитию денежного обращения в Причерноморье в XIII–XV вв. [1426] Среди многообразия фактов, собранных и проанализированных автором, для нас наибольший интерес представляют данные по венецианской монетной системе, необходимые для понимания привычных Марко Поло денежных единиц. Кроме того, важными представляются сведения о монетах Золотой Орды[1427] как одного из монгольских государств, которые возможно использовать в качестве аналогии. Любопытными представляются в рамках нашей темы также наблюдения В. Чоцилтана, изложенные им в книге «Монголы и Черноморская торговля в XIII–XIV вв.»[1428]. Он отметил, что открытость к внешним контактам оказалась отличительной чертой Монгольской империи [1429] ; уделил большое внимание проблемам развития Шелкового Пути[1430]; проанализировал роль монголов в развитие черноморской

[1425] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant. Vol. 1–2. Leipzig, 1885.

[1426] *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.

[1427] Там же. С. 159–179.

[1428] *Ciocîltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the 13th and 14th Centuries. Leiden, 2012.

[1429] Ibid. P. 2.

[1430] Ibid. P. 37–54.

торговли[1431] и данные источников об особенностях положения купцов в этом регионе на основании данных Марко Поло, Пеголотти и некоторых других авторов[1432]. Кратко изложил основные этапы борьбы между генуэзскими и венецианскими купцами за преобладание в державе *иль-ханов*[1433].

Феномен формирования купеческих объединений, так называемых *ортагов,* в юаньском Китае изучала Е. Эндикотт-Вест, посвятившая этому вопросу одноименную статью[1434]. Автор проанализировала складывание этих поддерживаемых правительством групп, которые часто представляли интересы правящей верхушки общества, либо напрямую проводя операции на их средства, либо делясь с ними частью прибыли. Она отметила, что есть тендеция выводить преемственность между *ортагом* и особыми группами купцов, которые существовали в государствах чжурчжэней и киданей[1435], хотя последние имели гораздо меньше привилегий от правительства. В то же самое время, *ортаг* как явление стал формироваться у монголов еще до того, как они захватили южный Китай, в процессе спонсирования мусульманских купцов ханскими приближенными[1436]. В статье отмечена огромная роль, которую *ортаг* играл в развитии монгольской торговли, в частности, высокая степень контроля, которую он получил над морским направлением после падения империи Южная Сун[1437].

Создание державы Чингисидов, фактически поставившей под единый политический контроль все основные торговые маршруты, самым решительным образом повлияло на евразийскую торговлю. Исследователями правомерно ставится вопрос об изменениях в ее характере, вызванных монгольскими

[1431] Ibid. P. 30–36.

[1432] Ibid. P. 102–108.

[1433] Ibid. P. 125–139.

[1434] *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yüan China // Asia Major. 2. 1989. P. 127–154.

[1435] Ibid. P. 131.

[1436] Ibid. P. 132.

[1437] Ibid. P. 139.

завоеваниями[1438]. Например, С.П. Карпов особо отмечал, что период расцвета монгольского государства, в особенности при основателе династии Юань хане Хубилае, совпал с расцветом итальянской торговли, которая позднее, к XIV в., пришла в упадок[1439]. Одним из результатов монгольского завоевания стало то, что китайские земли оказались еще сильнее, чем прежде, вовлечены в мировой товарообмен. Другим, согласно заключениям специалистов по экономической истории, стал стремительный рост оборота серебра в целом на территории Евразии и принятие его как эквивалента при обмене, который пришелся на середину XIII в.[1440] и был обусловлен объединением большинства этих земель под властью монголов.

Непосредственно перед монгольским завоеванием, в правление династии Сун (960–1270), Китай имел весьма широкие внешнеторговые связи, охватывавшие как ближайших соседей (например, чжурчжэньская империя Цзинь[1441]), так и далекие острова (Ява, Цейлон[1442]). Необходимо, таким образом, по возможности выяснить, претерпел ли характер внешней торговли Китая существенные изменения после того, как на смену Южной Сун пришла монгольская династия Юань. В нашу задачу входит прояснение некоторых аспектов преемственности торговых отношений при переходе власти в Китае от Южной Сун к Юань и политической интеграции Китая в евразийскую монгольскую империю. Для этого будет проведен сопоставительный анализ данных о китайской торговле, содержащейся в разных

[1438] См., например, в: *Prawdin M.* The Mongol Empire. P. 329; *Haenisch E.* Die Kulturpolitik des Mongolischen Weltreiches. Berlin, 1943. S. 12; *Ratchnevsky P.* Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China. S. 114; *Чулууны Д.* Монголия в XIII–XIV вв. С. 74–75; *Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001. P. 12–14.

[1439] *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 268–269.

[1440] *Biran M.* The Mongol Empire. P. 1025.

[1441] Подробнее о торговле между династиями Сун и Цзинь см. в: *Franke H.* Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234). Opladen, 1978.

[1442] Подробнее об этом см. в: *Chau Ju-Kua*… Vol. 1. P. 70–87.

источниках, которые проливают свет на характер торговых операций, импорта и экспорта Юаньского Китая по сравнению с периодом правления династии Южная Сун.

7.1 Положение купцов при монголах и в Китае

Если обратиться к истории развития монгольской торговли, то начать следует с основателя империи Чингис-хана. В самом начале процесса объединения монгольских племен и завоевания сопредельных территорий Чингис не ставил своей задачей налаживание торговых связей, ограничиваясь получением выкупа в виде различных товаров, драгоценных металлов и предметов роскоши[1443], однако с течением времени его интерес к торговле заметно возрос.

Знаменитое письмо Чингиса к *хорезм-шаху* Мухаммеду, помимо оказавшегося столь оскорбительным для последнего обращения «дорогой сын», содержало следующие строки: «разум и благородство требуют <…> чтобы мы <…> содержали в безопасности дороги от гибельных происшествий, дабы купцы, от многократных посещений которых зависит благосостояние мира, передвигались со спокойной душой»[1444]. Не забывая о том, что Чингис, вероятно, искал повод для нападения и провоцировал своего соседа, обратим все же внимание на акцент, сделанный на значении торговой деятельности.

Джувейни писал, что торговать с монголами выгодно и сравнительно безопасно, так как указом Чингис-хана купцам должны были обеспечиваться условия для беспрепятственного проезда[1445]. С теми купцами, которые отправились в Хорезм[1446], были посланы приближенные родственников и нойонов Чингиса, получившие деньги для торговли в далекой стране[1447]. Кроме того, завоеватель

[1443] См. Сокровенное сказание. С. 180, 188.

[1444] *Рашид ад-Дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 188.

[1445] *Джувейни.* С. 51.

[1446] Факт отправки купцов в составе посольства подтверждает также Ибн ал-Асир. См. *Ибн ал-Асир.* С. 358.

[1447] *Джувейни.* С. 52.

активно и не без успеха использовал купцов в качестве своих шпионов и агентов, распространяющих среди местного населения нужные Чингису слухи [1448]. Среднеазиатские купцы всячески поддерживали Чингис-хана во время похода в этот регион, рассчитывая на улучшение общей ситуации в торговле[1449].

Преемник Чингиса, Угэдэй, при своем дворе также всячески привечал купцов и оказывал им различную помощь[1450]. Рашид ад-Дин писал, что при нем купцы ездили по стране на станционных лошадях[1451], что было весьма обременительно для простых жителей, несших ямскую повинность. В «Надгробной надписи на могиле Елюй Чуцая» упомянуто большое влияние, которым обладали при Угэдэе мусульманские купцы, получавшие на откуп налоги с целых провинций[1452].

Щедр был с купцами и Гуюк[1453]. Купцы пользовались немалыми льготами, имели прямые связи с монгольской правящей верхушкой и ханской родней[1454].

Мункэ, вступив на престол, лишил купцов права безвозмездно пользоваться ямскими конюшнями, утвердил собираемый с них согласно переписи налог. Тем не менее, положение торговцев все равно оставалось весьма прочным: они делились на несколько классов, некоторые получали финансирование напрямую из казны, обязуясь доставлять ко двору определенные товары[1455]. Но что ещё важнее, Мункэ взял на себя долговые обязательства своих предшественников перед

[1448] *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию… С. 113–114.

[1449] Там же. С. 120.

[1450] См., например, в: *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 54, 59.

[1451] Там же. С. 141.

[1452] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 22, 39, 84.

[1453] См. *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 121; *Джувейни.* С. 437.

[1454] О большом влиянии купцов на верхние слои монгольского общества писали в своих работах Н.Ц. Мункуев (*Мункуев Н.Ц.* Китайский источник…С. 21–22) и П. Рачневский (*Ratchnevsky P.* Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China. S. 114–115).

[1455] *Джувейни.* С. 439–440.

среднеазиатскими купцами[1456], обозначив тем самым понимание значения торговли для своего государства[1457].

После распада империи на четыре *улуса* купцы также пользовались ханским покровительством, поскольку монголы по-прежнему были заинтересованы в развитии торговли. В. Чоцилтан предлагает в качестве наглядного примера обратить внимание на то радушие, с которым встретил братьев Поло золотоордынский хан Берке в то время, когда они следовали на восток[1458].

Таким образом, можно видеть, что для монголов торговля неизменно представлялась занятием прибыльным, выгодным и почетным. Немало способствовала успешному развитию торговых отношений принятая у монголов веротерпимость, что совершенно справедливо заметил В. Гейд [1459]. Симбиоз представителей крупной торговли и великих ханов отмечал Ло Жунбан, приводя длинный перечень услуг, которые оказывали монголам купцы: разведывательные и агитационные функции на вражеской территории; финансирование армии, подарков ханской родне и строительства; капиталовложения в производство фарфора, шелка, лаковых изделий, бумаги и хлопковых тканей; контроль налоговой системы и печати бумажных денег[1460]. А В. Чоцилтан обратил внимание на полное отсутствие у монгольских правителей желания закрыть свои границы для иностранцев, ограничив торговлю с ними отдельными окраинными районами[1461]. Политика запрета на въезд внутрь страны для иностранных купцов имела место и в Европе, и в Византии, и в ряде азиатских государств, так что Монгольская империя на этом фоне выглядит исключением из правил.

[1456] Там же. С. 434, 437.

[1457] *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 289.

[1458] *Ciocîltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade. P. 100–101.

[1459] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant. Vol. 2. P. 66, 71.

[1460] *Lo Jungpang.* China as the Sea Power. P. 308–309.

[1461] *Ciocîltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade. P. 2.

В Китае складывалась несколько иная картина. Тенденция принижать купцов наблюдалась там издревле. Ещё задолго до рассматриваемого периода, в годы реформ Шан Яна, развернувшихся в IV в. до н.э., частная торговля подвергалась существенным ограничениям со стороны государства. Эти меры были направлены на уменьшение численности торговцев и снижение прибыльности их деятельности, дабы торговля осталась исключительной функцией государства[1462]; уважением купцы не пользовались[1463]. То же самое наблюдалось при династии Хань[1464]. Правители эпохи Тан всячески стремились ограничить прибыли крупных купцов[1465]. Со значительными препятствиями сталкивались торговцы династии Сун[1466]. При ее наследнице, Южной Сун, ситуация несколько изменилась в сторону оживления торговли, чему немало способствовала активизация морских связей, обусловленная смещением центра тяжести империи на юг[1467], хотя и северное направление сохраняло за собой позиции — с чжурчжэнями торговали весьма активно[1468]. После монгольского завоевания ситуация в китайской торговле продолжала улучшаться[1469].

В своей работе Чжао Жугуа описывает состояние торговли во всех окрестных странах, отмечает наиболее характерные для них товары, а кое-где даже дает информацию об уровне развития товарно-денежных отношений внутри страны. Этим его сочинение весьма напоминает некоторые разделы «Книги» Марко Поло, с той, разумеется, разницей, что хронологически их разделяет чуть больше пятидесяти лет.

[1462] Духовная культура Китая. Т. 4. М., 2009. С. 113.

[1463] Очерки истории Китая. С. 55.

[1464] Там же. С. 70.

[1465] Там же. С. 233.

[1466] Там же. С. 296

[1467] *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. С. 139, 144–145.

[1468] *Franke H.* Nordchina am Vorabend… S. 29, 34.

[1469] *Haenisch E.* Die Kulturpolitik des Mongolischen Weltreiches. Berlin, 1943. S. 12; *Schurmann H.* The Economic Structure… P. 7; *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. С. 171–172.

7.2 Структура сочинений Чжао Жугуа и Марко Поло

Безусловно, между этими двумя текстами имеется ряд различий, главное из которых — описываемые регионы. Марко Поло обращал больше внимания на территории Центральной Азии и Ближнего Востока, а также на собственно юаньские города и провинции, в то время как Чжао Жугуа сделал основным объектом своего сочинения ситуацию в Юго-Восточной и Малой Азии, немного — Африке, и на островах Индийского океана. Последовательность перечисления стран у Чжао Жугуа напоминает петлю: начав с восточного побережья полуострова Индокитай (Аннам[1470]), затем он движется на запад, через полуостров Индостан (Малабар[1471], Гуджарат[1472]) и соседние острова (Ява[1473], Цейлон[1474]), по территории Ближнего Востока (Мекка[1475], Багдад[1476]), далее — восточное побережья Африки (Сомали[1477], Египет[1478]) и прилегающие к нему острова (Мадагаскар[1479]), затем линия повествования поворачивает обратно на восток (Суматра[1480], Борнео[1481], Филиппины[1482]), до Формозы[1483], Кореи[1484] и Японии[1485], а заканчивает островом

[1470] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 47–50.

[1471] Ibid. P. 87–91.

[1472] Ibid. P. 92.

[1473] Ibid. P. 75–86.

[1474] Ibid. P. 72–74.

[1475] Ibid. P. 124–125.

[1476] Ibid. P. 102–109.

[1477] Ibid. P. 130–132.

[1478] Ibid. P. 144–145.

[1479] Ibid. P. 149.

[1480] Ibid. P. 152.

[1481] Ibid. P. 155–158.

[1482] Ibid. P. 159–160.

[1483] Ibid. P. 162–165.

[1484] Ibid. P. 166–169.

[1485] Ibid. P. 170–174.

Хайнань[1486], расположенным всего лишь через пролив от Цзяочжоу, первого пункта перечня. Всего сорок три наименования.

В тексте Марко Поло географических названий семьдесят два. Расположены они также весьма прихотливо. Начав описательную часть своего повествования с Армении[1487] и двигаясь затем в восточном направлении (Мосул[1488], Тебриз[1489], Персия[1490]), Марко Поло проходит Среднюю Азию и переходит к описанию китайских городов и провинций[1491], где, впрочем, попадаются инородные вкрапления (Бенгал[1492], Лаос[1493]). Затем, в третьей книге, приходит черед описания Индии и островов Индийского океана[1494]. Однако затем Марко Поло, как и Чжао Жугуа, обращается к Африканскому побережью (Мадагаскар[1495], Занзибар[1496]). Особняком стоит в «Книге» описание Росии[1497], последнего пункта в перечне упомянутых стран.

Некоторое сходство в выстраивании структуры произведения между источниками прослеживается. Картографически описание движется по воображаемому кругу, только в разные стороны: у Марко Поло — с запада на восток, у Чжао Жугуа — наоборот, с востока на запад. Но при этом оба автора отказываются от прямолинейного построения текста. Какую смысловую нагрузку это несет — покажет время и дальнейшие исследования.

[1486] Ibid. P. 175–190.

[1487] *Марко Поло*. С. 49.

[1488] Там же. С. 51.

[1489] Там же. С. 53.

[1490] Там же. С. 56–57.

[1491] Там же. С. 117–154.

[1492] Там же. С. 132.

[1493] Там же. С. 133.

[1494] Там же. С. 155–169.

[1495] Там же. С. 184–185.

[1496] Там же. С. 186.

[1497] Там же. С. 208.

Нас сейчас интересует другой вопрос. Среди перечисляемых Чжао Жугуа и Марко Поло географических названий имеется одиннадцать совпадений. На них мы и остановимся. Двигаться будем с запада на восток, начав с побережья Африки и закончив Японией.

Самой западной точкой списка будет остров Занзибар (层拔, *Céngbá*[1498] у Чжао Жугуа, *Zanquibar*[1499] у Марко Поло). Чжао Жугуа писал, что отсюда вывозят слоновьи бивни (象牙, *xiàngyá)*, самородное золото (生金, *shēngjīn*), желтый сандал (黄檀香, *huángtánxiāng*) и амбру (龍涎, *lóngxián*), а покупают охотнее всего белый (白布, *báibù,* досл. «белое полотно») и красный хлопок (红吉贝, *hóngjíbèi,* досл. «красный капок пятитычинковый, Ceiba pentandra»), медь (铜, *tóng*) и фарфоровые изделия (器, *qì*)[1500]. У Марко Поло мы видим упоминание торговли слоновьими бивнями (*dens d'olifans*) и амброй (*ambre*). Что касается импорта, то в «Книге» сказано кратко: купцы привозят множество своих товаров и распродают их на острове[1501].

Затем следует Мадагаскар (崑崙层期, *Kūnlúncéngqī*[1502] у Чжао Жугуа, *Madeisgascar* у Марко Поло). Как отмечал Чжао Жугуа, главными предметами экспорта являлись слоновьи бивни (象牙, *xiàngyá*) и носорожьи рога (犀角, *xījiǎo*). Также рядом находился остров, жителей которого в качестве рабов-привратников очень высоко ценили арабы[1503]. Марко Поло писал, что, помимо слоновой кости (*marchandises d'olifans*[1504], досл. «товары слонов»), на Мадагаскаре растет отличного качества красное сандаловое дерево (*arbres de cendal vermeil*[1505]) и

[1498] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 25.

[1499] Le Livre… Pt. 2. P. 684.

[1500] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 126.

[1501] *Марко Поло*. С. 186.

[1502] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 32–33.

[1503] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 149.

[1504] Le livre… Pt. 2. P. 677.

[1505] Ibid. P. 678

добывается амбра, так как «много китов в здешнем море; много и кашалотов»[1506]. В качестве импорта для Мадагаскара Марко Поло упоминал шелк и расшитые золотом ткани[1507], впрочем, этот набор был практически стандартным для торговли по Средней Азии и странам Индийского океана.

Далее к востоку располагается область Западной Индии Гуджарат, расположенная на северо-западе полуострова Индостан. У Чжао Жугуа она названа Гузерат (胡茶辣, *Húchálà*[1508]), в тексте Марко Поло встречается под именем *Gazurat*[1509]. Характеристику этому региону авторы дают разноплановую. Чжао Жугуа не многословен; он уделяет больше внимания множеству буддистских храмов, чем ситуации с торговлей. Однако, согласно его данным, Гуджарат богат «фиолетовой рудой» (紫矿, *zǐkuàng*, лекарственное сырьё из затвердевшей смолы деревьев, собранной лаконосными насекомыми), индиго (в оригинале отсутствует, возможно, имелась в виду как раз упомянутая выше «руда»), деревом миробалан, плоды которого активно использовались в медицине, и иностранным хлопком (番布, *fānbù*), который, судя по названию, привозили из-за границы, а затем обрабатывали на месте[1510].

Марко Поло, помимо индиго (*d'inde)* и хлопка, из которого, по его словам, изготавливали не только одежды, но и одеяла[1511], отмечал наличие в Гуджарате перца (*poivre*), имбиря (*gingembre)*, высокий уровень кожевенного производства — «много кож выделывают здесь, овечьих, буйволов, диких быков, единорога и всяких других животных <…> много судов ежегодно нагружают ими и вывозят в Аравию и в другие страны: в разные царства и страны идут отсюда кожи. Выделывают тут много прекрасных постилок из красной кожи с птицами и зверями;

[1506] *Марко Поло*. С. 184.

[1507] Там же. С. 185.

[1508] *Chau Ju-Kua*. Vol. 2. P. 16.

[1509] Le Livre… Pt. 2. P. 655.

[1510] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 92.

[1511] *Марко Поло*. С. 181.

претонко вышивают их золотыми и серебряными нитками. На вид они отличные; сарацины спят на этих кожаных постилках, и спать на них славно. Делают ещё тут прекрасные подушки, шитые золотом» [1512] . В оригинальном тексте, опубликованном М.Г. Потье, нет слова «постилок»; сказано просто *oeuvres de cuir*[1513] — «изделия из кожи». Однако И.П. Минаев и продолживший работу над переводом после его смерти В.В. Бартольд пользовались и другими изданиями и переводами «Книги». Можно предположить, что к временам Марко Поло торговля в Гуджарате несколько оживилась, по сравнению с эпохой Чжао Жугуа, что могло бы объяснить заметное расширение списка экспорта.

Царство Малабар (南毗, *Nánpí*[1514] у Чжао Жугуа, *Melibar* у Марко Поло), расположенное на западной побережье Индостана, заметно южнее и восточнее Гуджарата, описано у обоих авторов очень по-разному. У Чжао Жугуа сказано, что здесь производят всевозможный ситец (诸色番布, *zhūsè fānbù*), шьют одежды из хлопка (兜羅縣, *dōuluómián*, досл. «древесный пух, ива, дающая древесный пух») добывают жемчуг (珠, *zhū*). Экономические отношения миновали стадию натурального обмена — в ходу были серебряные монеты[1515] (白银錢, *báiyín qián*). В то же время, вышеперечисленные товары пользуются спросом в Палембанге (город на Суматре), где малабарцы закупают узорчатый шелк (繾, *xié*), тонкий шелк тафту (絹, *juàn*) фарфор (瓷器, *cíqì*), камфору (樟腦, *zhāngnǎo*), ревень (大黃, *dàhuáng*), коптис (黃连, *huánglián*, Coptis chinensis, лекарственное растение), гвоздику (丁香, *dīngxiāng*), сандал (檀香, *tánxiāng*) кардамон (豆蔻, *dòukòu*), алойное дерево (沈香, *chénxiāng*)[1516]. Из всего этого можно заключить, что торговля в регионе велась весьма активно.

[1512] Там же.

[1513] Le Livre… Pt. 1. P. 661.

[1514] *Chau Ju-Kua*. Vol. 2. P. 14–16.

[1515] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 88.

[1516] Ibid. P. 89.

Марко Поло писал, что Малабар богат пряностями — здесь растут перец (*poivre)*, имбирь (*gingembre*), корица (*canelle*); кроме того, имеются индийские (кокосовые) орехи (*de nois d'Inde*), турбит (*turbit*) — лекарственное растение, бокоран[1517] *(bouguerans)*[1518]. Среди ввозимых товаров он перечислял медь, золото (*draps à or*, «золотые листы») и серебро (*argent)*, упоминавшиеся у Чжао Жугуа гвоздику (*girofles)* и шелк (*Etoffe précieuse faite de soie et de coton* — досл. «драгоценные ткани из шелка и хлопка»)[1519]. Однако Марко Поло также отметил интересную особенность: жители Малабара каждое лето флотилиями по несколько судов выходят в море пиратствовать[1520]. Чжао Жугуа эти данные не подтверждает.

В центральной части Индостана располагается Мосул (勿厮离, *Wùsīlí*[1521] у Чжао Жугуа). У Марко Поло это название упоминается дважды. Первый раз — как город на севере современного Ирака (*Mausul*[1522]*)*, на берегу реки Тигр[1523], второй — как раз тот, который расположен в Индии, другое название — Телингана[1524], также упоминается под именами *Mutfili, Masulipatam*[1525]. Чжао Жугуа описывает только второй Мосул — такой вывод можно сделать из упоминания автором множества скалистых гор[1526], которых на Тигре нет. По его информации, на мосульских рынках огромное количество кораллов (珊瑚, *shānhú*) и изделий из асбеста[1527] (火浣布, *huǒhuànbù*). По мнению переводчиков «Чжу-фань чжи», асбест привозили из

[1517] Вероятно, тонкая шерстяная или хлопковая ткань, точное значение термина не установлено. Подробнее об этом материале см. *Марко Поло*. С. 230. Прим. 2; Le Livre… Pt. 2. P. 631. Note. 6.

[1518] *Марко Поло*. С. 180.

[1519] Le Livre… Pt. 2. P. 654.

[1520] *Марко Поло*. С. 179.

[1521] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 344.

[1522] Le Livre… Pt. 1. P. 44.

[1523] *Марко Поло*. С. 51.

[1524] Там же. С. 170.

[1525] Le Livre… Pt. 2. P. 627.

[1526] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 140.

[1527] Ibid.

Бадахшана[1528], а в Мосуле происходила его окончательная обработка. «Книга» Марко Поло сообщает, что в горах Телингана без счета алмазов, самых лучших на свете, а ещё там ткут *бокоран*, «самый красивый и тонкий в свете, самый дорогой и словно как из овечьей шерсти»[1529].

Восточное побережье Индостана — Коромандельский берег (注辇, *Zhùniǎn*[1530]), также привлек к себе внимание обоих авторов наших источников. Чжао Жугуа перечислил среди местных товаров слоновую кость (象牙, *xiàngyá*), кораллы (珊瑚, *shānhú*), стекло (玻璃, *bōli*), бетель (槟榔, *bīnglang,* плод арековой пальмы), кардамон (豆蔻, *dòukòu*), непрозрачное стекло (琉璃, *liúli*, досл. «стекло, глазурь»), разноцветные одежды (色丝布, *sèsībù,* досл. «из смеси хлопка и шелка»)[1531]. При этом он отметил, что торговцы заходят туда редко, так как на них налагаются суровые повинности[1532]. Возможно, именно это имел в виду Марко Поло, когда писал о добыче жемчуга: «налог купцы платят вот какой: прежде всего, царю дают десятую долю; платят они ещё и тем, кто заколдовывает рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом. Им они дают двадцатую долю … Здешний жемчуг расходится по всему свету. Собирает с него здешний царь большой налог и великое богатство»[1533]. Кроме того, власти наложили запрет на вывоз драгоценных камней и жемчужин, по весу превышающих *пол-сайе*[1534]. Марко Поло назвал этот край *Maabar, l'Ynde greigneur*[1535]. По поводу торговли он

[1528] Ibid. Note 1.

[1529] *Марко Поло*. С. 171.

[1530] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 332.

[1531] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 96.

[1532] Ibid.

[1533] *Марко Поло*. С. 166.

[1534] Там же. С. 167. *Сайе* — венецианская мера веса, равна 1/6 унции (28,35 г), то есть вывозу не подлежали камни весом более 2,3 г.

[1535] Le Livre… Pt. 2. P. 600.

писал, что царь ежегодно скупал самые лучшие драгоценности по двойной цене, чтобы копить и умножать своё доставшееся от предков богатство[1536].

Помимо торговли жемчугом, внимание венецианца привлек высокий спрос у местной знати на лошадей. Их завозили из Ормуза, Кейса, Зафара и Эс-Сохара ежегодно, по две и более тысячи голов, но до конца года доживало меньше ста: «коновалов здесь нет, ходить за лошадьми не умеют, от дурного ухода и падеж»[1537]. Кроме того, купцы не привозили кобылиц, чтобы не было естественного прироста[1538]. Марко Поло отмечал, что продают лошадей по пятьсот золотых *сайе*[1539], в то время как Чжао Жугуа писал, что вместо монет используют белые (глянцевые) раковины[1540] (白砑螺壳, *báiyà luóké*). Возможно, за время, разделяющее два сочинения, жители Короманделя ввели в денежный оборот металл.

Остров Цейлон (细蘭, *Xìlán*[1541] у Чжао Жугуа, *l'isle de Seilan* у Марко Поло) расположен практически на той же долготе, что и Коромандельский берег, но еще немного восточнее, поэтому он стоит следующим в нашем списке. До сих пор известный во всем мире благодаря своим драгоценным камням, он и в те времена активно ими торговал. Чжао Жугуа, опираясь на свои источники, оставил краткое описание роскошнейшего королевского дворца, который снизу доверху был украшен кошачьим глазом, голубыми и красными драгоценными камнями (вероятно, сапфирами и карбункулами), сердоликами и прочими драгоценностями, а также золотом и серебром[1542]. Правда, что касается обоих металлов, Чжао Жугуа немного далее писал, что они, наряду с лошадьми, слонами, шелком, фарфором, сандалом и гвоздикой были предметом импорта и выменивались у иностранных

[1536] *Марко Поло*. С. 167.

[1537] Там же.

[1538] Le Livre… Pt. 2. P. 615.

[1539] *Марко Поло*. С. 167.

[1540] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 97.

[1541] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 8–10.

[1542] Ibid. P. 72.

купцов на кардамон, кору магнолии (木兰皮, *mùlánpí*) — лекарственное средство, красное прозрачное стекло (红玻璨, *hóngbōli*), кошачий глаз (猫儿睛, *māorjīng*) и различные благовония[1543] (粗细香, *cūxì xiāng*, досл. «грубые и утонченные благовония»). В сочинении Марко Поло среди цейлонских товаров перечислены рубины, сапфиры, топазы, аметисты и бразильское дерево[1544] (*de bresil moult*), «лучшее в мире»[1545].

Хотелось бы отметить интересную деталь, упоминаемую в текстах обоих авторов. Чжао Жугуа писал, что у цейлонского правителя есть драгоценный камень пяти дюймов (五寸, *wǔ cùn*[1546], досл. «пять цуней») сияющий, словно факел во мраке, и обладающий некими магическими целебными свойствами[1547]. Марко Поло, в свою очередь, сообщал, что здешний царь владеет красивейшим в мире рубином величиной в пядь (около семи дюймов), ярким и красным, как огонь[1548]. В тексте М.Г. Потье сказано *long bien une grant paume*[1549] — досл. «длиной с ладонь». И.П. Минаев сознательно позволил себе применять при переводе некоторые исконно русские выражения там, где счел их уместными[1550]. Сведения о размерах драгоценности, конечно, немного не совпадают, однако, учитывая временной промежуток, разделяющий два сочинения, и тот факт, что Чжао Жугуа не бывал на Цейлоне лично, опираясь исключительно на записи своих предшественников и очевидцев, этот эпизод — замечательное подтверждение достоверности многих данных, сообщаемых как в «Чжу фань чжи», так и в «Книге о разнообразии мира».

[1543] Ibid. P. 73.

[1544] Бразильское дерево — дерево саппан, индийское красное дерево с твердой желтовато-красной древесиной. Страна в Южной Америке была названа «Бразилия» из-за того, что португальцы по прибытии обнаружили там дерево со сходной древесиной. См.: *Марко Поло*. С. 298. Прим. 5.

[1545] *Марко Поло*. С. 165.

[1546] Цунь 寸 — 3,33 см.

[1547] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 73.

[1548] *Марко Поло*. С. 165.

[1549] Le Livre… Pt. 2. P. 586

[1550] *Марко Поло*. С. 33.

Далее следует упомянуть Суматру. Чжао Жугуа выделяет на острове несколько областей: Палембанг (三佛齊, *Sānfóqí*)[1551], Кампар (監篦, *Jiānbì*)[1552], Ламбри (藍無里, *Lánwúlǐ*)[1553]. Продают там дерево саппан (蘇木, *sūmù*), белый ротанг (白藤, *báiténg*, «каламус четырёхпальчатый») и слоновьи бивни[1554], черепашьи панцири (瑇瑁, *dàimào*), благовоние ченьсу (沉速, *chénsù*), камфору, дерево гару, дерево лака (в оригинале стоит 降真香, *jiàngzhēnxiāng*, досл. «алойное дерево»)[1555], гвоздику (丁香, *dīngxiāng*), сандал, кардамон, жемчуг (真珠, *zhēnzhū*), ладан (乳香, rǔxiāng, досл. «босвеллия Картера»), розовую воду (薔薇水, *qiángwéishuǐ*), цветы гардении (梔子花, *zhīzi huā*), 腽肭臍, *wànàqí*, досл. «железы морского котика» — средство китайской медицины, мирра (没药, *mòyào*), алоэ столетник (芦荟, *lúhuì*), асафетиду (阿魏, *ēwèi*) и пучук (木香, *mùxiāng,* досл. «роза Бэнкса») — лекарственные растения, стиракс (苏合油, *sūhéyóu*) — дерево с ароматическими смолами, коралловые деревья (珊瑚樹, *shānhúshù,* другое значение этих иероглифов — «калина душистая», лекарственное растение), кошачий глаз, янтарь (琥珀, hǔpo), хлопковые материи и клинки[1556] (последние — продукция арабов, 大食诸番 (*Dàshí zhū fān*)[1557], дословно — «чужеземцы из Арабского халифата». Вероятно, имеются в виду выходцы из этой страны, обосновавшиеся на Восточной Суматре). Марко Поло назвал Суматру *la meneur isle de Java*[1558]. Он отмечал, что на Суматре водятся слоны (*oliphans*), носороги (*unicornes)* и отличные охотничьи ястребы (*pluseurs façons*), которые, вероятно, могли экспортироваться.

[1551] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 5–7.

[1552] Ibid. P. 9

[1553] Ibid. P. 9–10.

[1554] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 72.

[1555] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 6.

[1556] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 61.

[1557] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 13.

[1558] Le Livre… Pt. 2. P. 565.

Чжао Жугуа писал, что иностранные купцы в обмен на местные товары отдают жителям Суматры золото, серебро, фарфор, шелковую парчу (锦绫, *jǐn líng*), мотки шелковой пряжи (纈, *xié*), тонкую шелковую газовую ткань (绢, *juàn*), железо (鐵, *tiě*), сахар (糖, *táng*), рис (酒米, *jiǔmǐ*, перед иероглифом «рис» стоит счетное слово для алкогольных напитков, так что, возможно, имелось в виду рисовое вино), сушеный галангал (乾良薑, *qián liáng jiāng*, досл. «отличный сушеный имбирь»)[1559], ревень и камфору[1560]. Ревень широко применялся в медицине на территории Китая, так что есть все основания полагать, что иностранные купцы, о которых писал автор, прибывали, в том числе, из Китая.

Следующий объект списка совпадений, остров Ява, в сочинении Чжао Жугуа фигурирует в трех наименованиях: Западная (新拖, *Xīntuō*[1561]), Центральная (蘇吉丹, *Sūjídān*[1562]) и просто Ява (闍婆, *Shépó*[1563]). Западная Ява изобилует перцем (胡椒, *hújiāo*): зерна у него мелкие, но он тяжелый и лучшего качества, чем на Восточной Яве. Кроме того, там выращивают на продажу тыквы, бутылочные тыквы (匏, *páo*), сахарный тростник (甘蔗, *gānzhe*), бобы (豆, *dòu*) и баклажаны (茄, *qié*). Впрочем, купцы опасаются разбоя и бывают в тех краях редко[1564].

Два других региона Явы по описанию торговой ситуации схожи. Обилие продуктов питания, фрукты, дичь и морская соль. Из более дорогих товаров — слоновьи бивни, рога носорога, жемчуг, камфора, черепашьи панцири (玳瑁, *dàimào*), пользовавшиеся в Китае немалым спросом как атрибут гаданий; из пряностей — анис (茴, *huí*), гвоздика, кардамон, перец кубеба (毕澄茄, *bìchèngqié*), шафран (红花, *hónghuā*); из ценных пород дерева — алойное (降真香,

[1559] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 7.

[1560] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 61–62.

[1561] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 8–9.

[1562] Ibid. P. 12–14.

[1563] Ibid. P. 10–12.

[1564] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 70.

jiàngzhēnxiāng), сандал, саппан (苏枋, *sūfāng*); далее — бетель (槟榔, *bīnglang*), бамбуковые циновки (簟, *diàn*), сера (硫黄, *liúhuáng*), попугаи (白鹦鹉, *báiyīngwǔ*, досл. «белые какаду»)[1565]. Подробных сведений о том, в какие страны вывозились перечисленные товары, в источнике не имеется, однако известно, что китайское правительство запретило торговлю с Явой, опасаясь увеличения объема вывоза туда медных монет: местные монеты изготавливались из сплава меди, белой меди (латунь), серебра и олова (铜银鍮锡雜鑄 *tóng yín tōu xī zá zhù*)[1566]. Впрочем, контрабанда продолжала существовать: Чжао Жугуа пояснил, что купцы иногда просто упоминали эту страну под другим названием и продолжали вести с ней дела[1567].

Чжао Жугуа также сохранил для нас список импортируемых на Яву товаров. Помимо традиционных для региона золотых и серебряных изделий, разноцветного узорчатого шелка (五色缬, *wǔsèxié*), атласа, железного и белого купороса (绿礬白礬 *lǜfánbáifán*), лакированных изделий и фарфора (по поводу последнего автор уточнил, что речь шла именно о сине-зеленом и белом фарфоре) отдельно стоит выделить ряд лекарственных средств — фиалковый корень (白芷, *báizhǐ,* досл. «дудник даурский»), бура (鹏砂, *péngshā*), мышьяк (砷, *shēn*), гирчовник (川芎, *chuānxiōng*)[1568]. Последний Чжао Жугуа отмечал особо, так как он пользовался повышенным спросом благодаря эффективности в борьбе с головными болями, от которых страдали яванские сборщики перца, вдыхавшие едкие испарения[1569]. Также местное население активно покупало киноварь (朱砂, *zhūshā*), которую использовали в косметических целях[1570]. По сведениям Чжао Жугуа, киноварь

[1565] Ibid. P. 77–78.

[1566] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 12.

[1567] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 78.

[1568] Ibid.

[1569] Ibid. P. 83.

[1570] Ibid.

везли из Китая, где она была широко распространена как средство для окрашивания ногтей и шелковых одежд[1571] (染指甲衣帛, *rǎn zhǐjia yībó*)[1572].

У Марко Поло Ява фигурирует под именем *grant isle de Javva*[1573], и там нет речи о разделении на Западную и Центральную. Торговая ситуация на острове описана очень кратко. Как и Чжао Жугуа, он отметил наличие на Яве высококачественного перца (*poivre noir*), пользующегося большим спросом. Кроме перца, там закупают мускатный орех (*nois muguettes*), гвоздику (*girofle*), калган (*garingal*), кубебу (*cubebes*) и прочие «какие только есть на свете дорогие пряности»[1574]. И вслед за Чжао Жугуа он утверждал, что купцов приезжает сюда очень много, и они наживаются на здешней торговле[1575].

Ещё дальше, на восточном берегу полуострова Индокитай, располагалась Тямпа (占城, *Zhànchéng*[1576]). Чжао Жугуа также именует ее Чаньпо (占婆) или Чаньпа (占八)[1577]. У Марко Поло она фигурирует под названиями *Cyamba*[1578]. На основании имеющихся в описаниях географических ориентиров можно утверждать, что речь идет о государственном образовании, находившемся в Индокитае, на юге современного Вьетнама[1579].

Чжао Жугуа перечислил немало товаров, производимых в Чампе и закупаемых иностранными купцами для перевозки по морю в другие страны. Среди них — слоновьи бивни, бумага (箋, *jiān,* в переводе не упомянута), ароматическая смола (速香, *sùxiāng*), желтый воск (黄蠟, *huáng là*), эбеновое дерево (乌楠木, *wūmánmù*),

---

[1571] Ibid. P. 78, 83.

[1572] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 13.

[1573] Le Livre… Pt. 2. P. 559.

[1574] *Марко Поло*. С. 160.

[1575] Там же. См. также: *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 83.

[1576] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 1–3.

[1577] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 49.

[1578] Le Livre… Pt. 2. P. 552.

[1579] Подробнее см. в: *Марко Поло*. С. 297. Гл. CLXII. Прим. 1; *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 49. Note 1–2.

белый ротанг (白藤, *báiténg,* досл. «каламус четырехпальчатый») хлопковые ткани различной толщины, шелк, белый муслин, бамбуковые циновки, павлины (孔雀, *kǒngquè*) попугаи и рога носорогов[1580]. В обмен на эти товары иностранцы привозят камфору, пользующуюся спросом, так как из неё повсеместно изготавливают средства для умащения тела; мускус, сандаловое дерево(檀香, *tánxiāng*), лаковые изделия, фарфор, свинец (铅, *qiān*), олово и сахар[1581].

При этом он отметил, что вместо денег местное население использует натуральный обмен — рис, вино и прочие продукты питания[1582]. Однако, несмотря на столь невысокий уровень развития товарно-денежных отношений, в стране было принято соблюдать порядок во внешних торговых связях. На борт любого купеческого корабля поднимался чиновник, переписывал груз в книгу, сделанную из полосок кожи, и взимал пошлину, составлявшую 20% (十取其二, *shí qǔ qí èr*) стоимости всех товаров[1583]. Из этих сведений можно сделать несколько выводов: во-первых, торговля Чампы с другими народами велась достаточно активно, раз были установлены обязательные процедуры осмотра и описи импортных товаров, а во-вторых, наличие подобной информации у Чжао Жугуа позволяет предположить, что китайские купцы были не слишком редкими гостями в портах Чампы и имели возможность предоставить своим землякам информацию о ходе досмотров и взимании пошлин.

Марко Поло уделил торговле с Чампой гораздо меньше внимания. Он отметил, что главными экспортными товарами здесь являются алоэ (в тексте 1865 г. алоэ не указано), слоны и эбеновое дерево (*bois d'un fust noir que l'en appelle ybenus*)[1584], из которого изготавливают шахматные фигуры и чернильницы[1585]. По поводу шахмат

[1580] Ibid. P. 48.

[1581] Ibid. P. 49.

[1582] Ibid. P. 48.

[1583] Ibid. P. 49.

[1584] Le Livre… Pt. 2. P. 558.

[1585] *Марко Поло*. С. 160.

момент немного неясен — в тексте сказано *dont l'en fait les échecs noirs*[1586], то есть просто «черные шахматные фигуры». Возможно, чернила были упомянуты в каком-либо другом издании источника. Также Марко Поло писал, что слонов поставляют ко двору Хубилая в качестве дани (*font treu, au grant Kaan, d'oliphans, chascun an*[1587]).

Последняя, страна, название которой встречается у обоих авторов, это Япония (倭, *Wō*[1588] у Чжао Жугуа, *Sypangu*[1589] у Марко Поло). Чжао Жугуа писал, что здесь выращивают немалое количество деревьев, называемых криптомерия (杉木, *shāmù*, досл. «кедр») и ло (羅木, *luōmù*). Их распиливают на брусья и доставляют в Цюаньчжоу на продажу[1590]. Кроме того, Чжао Жугуа отмечал наличие в Японии золота, серебра, качественного шелка и затейливых хлопковых одежд[1591]. Драгоценные металлы, вероятно, не являлись предметом экспорта: эта информация находит своё подтверждение в сочинении Марко Поло[1592], поскольку именно ими должны были выплачиваться государственные подати[1593]. Однако, как сообщают комментаторы английского перевода текста Чжао Жугуа, золото в немалых количествах добывалось в Ошо уже с 749 г., а серебро на Цусиме — с 675 г.[1594]

Итак, мы рассмотрели материалы двух источников, разделенных почти полувековым промежутком. Сочинения Марко Поло и Чжао Жугуа заметно различаются не только по стилю изложения, но и по расставленным акцентам. Однако это не мешает на основе сравнительного анализа попытаться хотя бы приблизительно понять, каким образом развивалась торговля в регионе, какие

[1586] Le Livre… Pt. 2. P. 558.

[1587] Ibid. P. 553.

[1588] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 40–42.

[1589] Le Livre… Pt. 2. P. 537.

[1590] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 171.

[1591] Ibid.

[1592] *Марко Поло*. С. 156.

[1593] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 171.

[1594] Ibid. P. 175. Note 22.

товары пользовались наибольшим спросом. Кое-где также встречаются сведения о ценах на ту или иную продукцию. К сожалению, эта информация носит не систематический характер, так что для подробного сравнения данных недостаточно. Прежде чем делать какие бы то ни было выводы, необходимо учесть значительную разницу в платежных системах, обусловленную временной лакуной между составлением рассматриваемых источников и принадлежностью авторов к разным цивилизационным комплексам, а также ограниченность источниковой базы. Попробуем выразить цены через чистый вес драгоценных металлов как некую величину, общую для торговых операций любого из рассматриваемых периодов.

7.3 Сравнение цен и стоимости товаров

Пытаясь пронаблюдать эволюцию цен в регионе, следует иметь в виду, что соотношение серебра к золоту в разных странах в разное время существенно различалось. Чжао Жугуа, к сожалению, дает такие сведения только о порте Квилон (故臨, *Gùlìn*) на Малабарском побережье, где одна золотая монета приравнивалась к двенадцати серебряным[1595]. На западе сопоставимая пропорция, 1:11, наблюдалась в византийской и причерноморской торговле только в конце XIII в., после 1280 г.[1596], в то время как в Италии, и конкретно, в Венеции, на родине Марко Поло, в 1263–1285 гг. было узаконено соотношение 1:8,5[1597].

На Востоке в период пребывания там Марко Поло цена золота также была существенно ниже, чем в Европе. В Западной Юньнани купцы меняли золото на серебро один к пяти (*Et si vous di que il donnent .I. pois d'or pour .V. pois d'argent,* досл. «за одну горошину золота пять горошин серебра»)[1598], и это считалось выгодной сделкой, так как в тех краях не было серебряных месторождений[1599];

[1595] Ibid. P. 89.

[1596] *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем. С. 191.

[1597] Сейчас это соотношение составляет 1:80,7, то есть цена золота за восемьсот лет возросла практически десятикратно.

[1598] Le Livre… Pt. 2. P. 400.

[1599] *Марко Поло*. С. 128.

такая же пропорция указана для одного из городов империи Маджапахит (на западе Малайского полуострова) — Чжао Жугуа сообщает, что 2 *дэн* риса там стоят 1 *таэль*[1600] серебра, а 10 *дэн* риса — 1 *таэль* золота[1601], то есть соотношение получается как раз 1:5. В Караджане, на границе Юньнани и Бирмы[1602], золото и серебро соотносились как 1:8[1603]. На основании этого можно предположить, что на Западе золото стоило заметно дороже, в то время как в странах Юго-Восточной Азии, где имелось достаточно собственных месторождений, цена на него была не столь высока. Чжао Жугуа перечислял множество регионов, в которых золото рассматривалось как предмет экспорта: Цзяочжи[1604], Индия[1605], Занзибар[1606], Газни[1607], Джабрус[1608], Бусуанга[1609] и т.д. В сочинении Марко Поло подобная информация отсутствует — там золото фигурирует либо как предмет импорта с неоговоренным источником, либо как средство торгового обмена.

Возвращаясь к вопросу о ценах, надо сразу признать, что сочинение Марко Поло предоставляет нам на этот счет заметно больше информации. Венецианец пользовался при этом привычными ему европейскими денежными единицами и метрической системой. Чжао Жугуа в тех немногочисленных случаях, когда говорил о стоимости товаров, приравнивал все к *таэлям (лянам)* драгоценных металлов.

[1600] В эпоху Сун *таэль*, или, вернее, *лян* 两 (название *таэль* принято в англоязычной литературе) весил 37,301 г. См. Духовная культура Китая. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009. С. 325. В дальнейшем мы будем пользоваться термином *лян.*

[1601] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 68.

[1602] *Марко Поло*. С. 275–276. Прим. 1.

[1603] Там же. С. 125.

[1604] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 46.

[1605] Ibid. P. 111.

[1606] Ibid. P. 126.

[1607] Ibid. P. 138.

[1608] Ibid. P. 153.

[1609] Ibid. P. 163.

Итак, если внимательно прочесть «Описание дальних земель», получается, что на Яве за двадцать пять *лянов* золота (932,525 г) в урожайный год можно было приобрести от десяти до двадцати упаковок перца (главного яванского экспортного товара) объемом по 50 *шэн* 升 каждая, а в годы засухи — вдвое меньше[1610]. В эпоху Сун 1 *шэн*, как мера объема для сыпучих вещёств, равнялся 0,6641 л[1611], то есть одна упаковка перца вмещала 33,205 л, значит, за 932,5 г золота приобреталось от 332 л до 664 л перца. Учитывая, что в среднем один литр черного немолотого перца весит 560 г, получается, что в урожайный год цена на яванский перец варьировалась от 5 до 10 г золота за 1 кг перца.

В другом разделе своей работы Чжао Жугуа приводит некоторые сведения о ценах на рис в империи Маджапахит, однако эта информация представляется нам чрезвычайно странной из-за неправдоподобно высокой стоимости риса по отношению к золоту[1612]. В Камбодже, напротив, цены на рис были, по словам Чжао Жугуа, очень низкими: за 1 *лян* (37,301 г) свинца продавали 2 бушеля[1613] риса[1614].

Теперь рассмотрим информацию из «Книги Марко Поло».

В Сучжоу за один венецианский *гроссо* можно приобрести 40 фунтов отличного имбиря[1615] — *car, pour un gros venicien, en auroit on bien .Ix. livres*[1616]. Венецианский *гроссо матапан* в те времена был серебряным[1617], вес его составлял

[1610] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 83.

[1611] Духовная культура Китая. Т. 5. С. 335.

[1612] *Chau Ju-Kua.* Work... P. 68–69. В тексте сказано, что 2 *дэна* риса стоят 1 *таэль* серебра, а 10 *дэн* риса — 1 *таэль* золота, а согласно комментариям переводчиков, *дэн* в данном случае приравнивается к индийской мере объема *тола*, (Ibid. P. 132. Note 4) которая равняется примерно 12 г. При этом 1 *таэль* равняется 37,3 г.

[1613] Поскольку мы имеем дело с англоязычным переводом источника, то, следовательно, имеется в виду английский *бушель*, мера объема, равная 35,2 л, а учитывая, что 1 л риса весит около 750 г, то получается, что речь идет о 26,4 кг риса.

[1614] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 53.

[1615] *Марко Поло*. С. 146.

[1616] Le Livre… Pt. 2. P. 490.

[1617] *Пономарев А.Л.* Эволюция платежных систем. С. 192.

2,18 г[1618]. Венецианский фунт равнялся 0,477 кг[1619]. Значит, можно предположить, что за 2,18 г серебра давали 19,08 кг имбиря, а за один грамм серебра — 8,752 кг. При этом в Фуцзяне, расположенном значительно южнее, имбирь стоил вдвое дешевле — 80 фунтов за грош[1620] (*un gros venicien d'argent*)[1621]. Помимо имбиря, за серебряный грош можно было приобрести, например, три фарфоровые чашки, «таких красивых, лучше и желать нельзя»[1622] — в городе Дэхуа, на юго-востоке провинции Фуцзянь[1623], или трех фазанов (*l'en y auroit bien trois fesans pour un gros venesien d'argent*)[1624] в торговых местах по берегам Хуанхэ[1625]. А в Адене (на побережье Аравии)[1626] один грош стоила пара крупных рыбин[1627] (*Et si en ont tant que pour un venissien gros d'argenten auroitl'en .ij. bien grans*)[1628].

Помимо *матапана*, в сочинении Марко Поло фигурирует венецианская серебряная *марка*. В рассматриваемый период она, вероятно, весила 238,7656 г серебра[1629]. Достаточно крупная денежная единица. Она упоминается, например, в описании торговой ситуации в Гуджарате, где выделывают постилки из красной кожи, украшенные изображениями зверей и птиц, вышитых золотыми и серебряными нитями по десять серебряных *марок* (*Et si en y a de telles qui valent*

[1618] *Его же*. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2010. С. 45.

[1619] В книге С.П. Карпова приводится другое значение: 1 *пондо* — 90 кг. См. в: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики. С. 334.

[1620] *Марко Поло*. С. 152.

[1621] Le Livre… Pt. 2. P. 522.

[1622] *Марко Поло*. С. 154.

[1623] Там же. С. 293. Прим. 7.

[1624] Le Livre… Pt. 2. P. 359.

[1625] *Марко Поло*. С. 119.

[1626] Там же. С. 314. Прим. 9.

[1627] Там же. С. 190.

[1628] Le Livre… Pt. 2. P. 707.

[1629] *Пономарев А.Л.* Эволюция платежных систем. С. 72.

bien dix marcs d'argent)[1630]; там же изготавливают шитые золотом подушки по шесть *марок*[1631].

В другом месте венецианец в *марках* приводит стоимость лошадей. Из Адена в Индию возят коней по сто *марок* за голову[1632] (*Et si vendent bien un destrier .C. (cens) mars d'argent et plus*)[1633], а в Маабаре (на Коромандельском берегу) их продают ещё дороже — по пятьсот золотых *сайе* (*un cheval leur est bien vendu cinq cenz pois d'or, qui valent plus de cent mars d'argent*)[1634], «что составляет более ста серебряных *марок*»[1635]. Если попытаться добавить конкретики, то пятьсот *сайе* имеют предположительно эквивалентом 2362,5 г золота (*сайе* — мера веса, равнявшаяся 1/6 унции[1636], то есть 4,752 г). Так что утверждение автора вызывает некоторые сомнения: в ста *марках* 23876 г серебра, а учитывая, что соотношение золота к серебру колебалось в регионе от 1:5 до 1:8, получается, что стоимость в серебре 2362,5 г золота могла колебаться от 11812,5 г до 18900 г, из чего наглядно следует, что пятьсот *сайе* меньше ста марок. В любом случае, порядок величин очевиден.

Ещё одна денежная единица у Марко Поло, — золотой *безант*. Вес его в рассматриваемый период составлял 4,2 г золота. Согласно сведениям источника, правитель Адена установил собственную монополию на торговлю ладаном (*d'encens blanc*): он скупал его по десять *безантов* за *кантер (quintal)*, а продавал по сорок *безантов*[1637]. В одном *кантере* 47512,5 г[1638], то есть иностранные купцы покупали его примерно по 283 г за 1 г золота. Цена немалая, практически

[1630] Le Livre… Pt. 2. P. 661.

[1631] *Марко Поло*. С. 181.

[1632] Там же. С. 190.

[1633] Le Livre… Pt. 2. P. 704.

[1634] Ibid. P. 615.

[1635] *Марко Поло*. С. 167.

[1636] Там же. С. 262. Прим. 2.

[1637] Там же. С. 191.

[1638] *Pegolotti F.B.* La practica della Mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge-Massachusetts, 1936. P. 26, 32.

сопоставимая с ценой яванского перца у Чжао Жугуа (от 100 г до 200 г товара за 1 г золота). В другом разделе Марко Поло писал, что горностаевая шуба стоит тысячу *безантов*[1639] (*vaut mille bezanz une pelle d'ome*)[1640], а хорошая соболья — две тысячи[1641]. Меха были редким и дорогим товаром.

Подводя промежуточный итог сравнения, отметим несколько моментов. Марко Поло, как купец по роду деятельности, уделил вопросам цен гораздо больше внимания, чем Чжао Жугуа. Венецианца в наибольшей степени интересовали дорогостоящие товары, такие как ладан, меха, драгоценности, в то время как сведений о ценах на продукты широкого потребления, вроде риса, в «Книге о многообразии мира» нет. Мы же, на основании собранной информации, можем выдвинуть гипотезу, что цена на золото в регионе в течение XIII в. упала, поскольку при Чжао Жугуа золото относилось к серебру как 1:12, а при Марко Поло колебалась от 1:8 до 1:5. Обусловлено это может быть активизацией деятельности купцов, которые вкладывали в дело свои капиталы, наполняя золотом рынок. Хотя, конечно, следует понимать, что наши выкладки весьма приблизительны, поскольку источники дают слишком мало материалов для однозначных утверждений.

7.4 Степень развития товарно-денежных отношений в различных регионах

Теперь обратим внимание на сведения, касающиеся уровня развития товарно-денежных отношений. Чжао Жугуа писал, что монеты использовались на Яве (изготавливались из сплава меди, белой меди, серебра и олова, 60 монет составляли 1 *лян* (40 г) золота)[1642], в Малабаре (упоминаются только серебряные монеты)[1643], в

[1639] *Марко Поло*. С. 206.

[1640] Le Livre… Pt. 2. P. 751.

[1641] *Марко Поло*. С. 106.

[1642] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 78.

[1643] Ibid. P. 88.

Квилоне (есть упоминание и серебряных, и золотых монет)[1644], в Руме (также используются оба металла)[1645], в Японии (монеты исключительно медные)[1646].

На Коромандельском берегу, по словам Чжао Жугуа, вместо монет используют белые раковины[1647]. Марко Поло, в свою очередь, отмечал, что раковинами в качестве платежного средства пользуются также в некоторых городах провинции Юньнань, куда эти раковины завозят из Индии[1648], и в Караджане[1649]. В последнем случае нам представляется редкая возможность узнать обменный курс раковин на монеты: *et valent les .Ixxx. pourcelaines un pois d'argent qui font .ij. venissiens gros de Venisse*[1650], «восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному *сайе* или двум венецианским *грошам*»[1651]. Кроме того, и раковины, и золотые монеты имели хождение в области Толоман (*Tholoman*) на границе провинций Юньнань и Гуйчжоу (*Cugui*)[1652], а также в области Зардандан (*Zardandan*)[1653].

Учитывая бóльший интерес Чжао Жугуа к внешней торговле и обстановке за пределами Китая, можно предположить, что использование раковин вместо монет в Юньнани имело место и в первой половине XIII в., о которой писал наш китайский автор. В то же время Марко Поло, упоминавший в своем сочинении берег Коромандель, говорил о расчетах не раковинами, а именно драгоценными металлами: местный правитель покупал у иностранных купцов лошадей по пятьсот золотых *сайе* за штуку[1654]. Выводы из этого эпизода можно сделать двоякие. С

[1644] Ibid. P. 89.

[1645] Ibid. P. 141.

[1646] Ibid. P. 171.

[1647] Ibid. P. 97.

[1648] *Марко Поло*. С. 126.

[1649] Там же. С. 126.

[1650] Le Livre… Pt. 2. P. 389

[1651] *Марко Поло*. С. 125.

[1652] Там же. С. 134.

[1653] Там же. С. 128.

[1654] Там же. С. 167.

одной стороны, возможно, ко второй половине XIII в. раковины в этом регионе уже вышли из обращения, с другой — вполне может быть, что как средство внутренних платежей, они сохранились, а в описанной Марко Поло ситуации золото идет в оборот просто потому, что речь о внешней торговле.

Наконец, нельзя забывать о пошлинах, ведь они — неотъемлемая часть любой торговой системы. Исходя из хронологии, начнем с Чжао Жугуа. Его сведения носят не совсем систематический характер, о каких-то странах он дает информацию, о каких-то — нет, но это обусловлено осведомленностью его источников, поскольку лично Чжао Жугуа описываемые края не посещал.

В Чампе пошлина со всех торговых кораблей составляла 20%, при этом список товаров составлялся прямо на борту судна, сразу после его прибытия в порт[1655]. Чола на Коромандельском берегу непопулярна у купцов, поскольку там тяжелые повинности (что именно скрывается за этими словам, Чжао Жугуа, к сожалению, не объяснил)[1656]. У Марко Поло о пошлинах говорится немного больше. В Чэнду, например, пошлину для хана собирают на мосту, где располагаются торговые точки. И общий размер пошлины достигает тысячи золотых *безантов*[1657]. Большую пошлину, но без уточнения сумм, взимают на Янцзы[1658]. Касательно Ханчжоу Марко Поло указывает кое-какие цифры: 3,3% с пряностей (*Et toutez espiceries si paient .III. (trois) et tiers pars en tenars*)[1659], 10% с шелка и многих других ценных вещей (*et du vin qu'il font du ris et d'espices jet du charbon sepaie aussi moult grant droit; et de tous mestiers aussi, dont il en ya si grant quantité que ce est merveilleuse chose; et sepaie .X. (dix) pars en tenars*)[1660] — например, с рисового вина или угля[1661]. В Цюаньчжоу с индийских кораблей брали 10% пошлины на драгоценные камни и

[1655] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 49.

[1656] Ibid. P. 96.

[1657] *Марко Поло*. С. 121.

[1658] Там же. С. 144.

[1659] Le Livre… Pt. 2. P. 511.

[1660] Ibid.

[1661] *Марко Поло*. С. 150.

жемчуг; «за фрахт мелких товаров суда платят 30% , за фрахт перца — 44% (*Et du poivre .XLIIIJ. pour .c. (44 pour 100)*)[1662], алоэ, сандала и других крупных товаров — 40%[1663], и отдает так-то купец за фрахт, да как пошлину великого хана, все деньги, что привез с собою»[1664]. В Маабаре на берегу Коромандель купцы платили дважды: 1/10 всего — царю и 1/20 — тем людям, которые «заколдовывают рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом»[1665] (*Et si donnent avant au roy, pour son droit, la disieme partie de tout ce qu'il prennent. Et si leur convient aussi donner ans hommes qui enchantent les grans poisons que il ne facent mal ans hommes qui vont souhs l'eaue pour trouver les perles, le .XX. (20) de tout ce que il prennent*)[1666]. Наконец, не вдаваясь в подробности, Марко Поло отметил, что немалые подати в пользу великого хана платили купцы из Аньцина на северном берегу Янцзы[1667] (*Et si a grans marclians et riches, dont le seigneur en a grant prouffit d'euls*)[1668].

На основании изложенной информации можно предположить следующее: в эпоху Юань система сбора торговых податей заметно усложнилась по сравнению с прошлыми временами. Широкий спектр товаров позволял разграничивать их по ценности и облагать соответствующим сбором. Однако при этом не стоит забывать, что сведения Чжао Жугуа носят, к сожалению, далеко не исчерпывающий характер.

7.5 Китайская торговля по материалам Чжао Жугуа и Марко Поло

Последняя тема, которую хотелось бы поднять в рамках данной главы, это особенности торговли непосредственно с Китаем. Рассматриваемые источники затрагивают проблему торговли в целом, и Китай занимает там далеко не первое

[1662] Le Livre… Pt. 2. P. 532.

[1663] В тексте М.Г. Потье сказано: *et du cendal et d'autres grosses marchandises, du .C. .1, (50 pour l00)* (Le Livre… Pt. 2. P. 532), то есть 50%, вместо 40%. Очевидно, в разных изданиях источника встречается разная цифра. Чем руководствовался И.П. Минаев, выбирая 40%, — мы не знаем.

[1664] *Марко Поло*. С. 154.

[1665] Там же. С. 166.

[1666] Le Livre… Pt. 2. P. 607.

[1667] *Марко Поло*. С. 142.

[1668] Le Livre… Pt. 2. P. 470.

место по тщательности и информативности описания. Однако кое-что попытаться выяснить можно.

В период, описываемый Чжао Жугуа, главными предметами китайского экспорта были, безусловно, шелк и фарфор. Шелк покупали в Палембанге[1669] (三佛齊, *Sānfóqí*)[1670], в Даньмалине (单马令, *Dānmǎlìng*)[1671] — там также упоминаются и изделия из фарфора[1672], в Маджапахите[1673] (凌牙斯加, *Língyásījiā*)[1674], на Цейлоне[1675] (细蘭, *Xìlán*)[1676], в Малабаре[1677] (南毗, *Nánpí*)[1678]. На Яву везли шелк, сине-зеленый и белый фарфор[1679], на Борнео (佛泥, *Fóní*)[1680] — зеленый фарфор[1681]. Также фарфор пользовался популярностью на Филиппинах[1682] (麻逸, *Māyì*)[1683] и на островах Каламиан[1684] (三嶼, *Sānxǔ*)[1685].

Однако список вывозимых из Китая товаров этими двумя позициями явно не ограничивался. Бумага вместе с кистями для письма (纸笔, *zhǐbǐ*) пользовалась большим спросом в Цзяочжи (交趾, *Jiāozhǐ*[1686], регион между Гуандуном и

[1669] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 61–62.
[1670] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 5–7
[1671] Ibid. P. 7–8.
[1672] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 67.
[1673] Ibid. P. 68.
[1674] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 8.
[1675] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 73.
[1676] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 8–10.
[1677] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 89.
[1678] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 14–16.
[1679] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 78.
[1680] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 34–36.
[1681] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 156.
[1682] Ibid. P. 160.
[1683] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 36–37.
[1684] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 161.
[1685] *Chau Ju-Kua.* Vol. 2. P. 37–38.
[1686] Ibid. P. 1.

Вьетнамом)[1687]. В стране Даньмалин (單馬令, *Dānmǎlìng*, предположительно, на Малайском полуострове) покупали шелковые зонтики[1688] (絹傘雨傘, *juànsǎnyǔsǎn*). На Яву из Китая вывозили некоторые лекарственные растения[1689]. До 1234 г. имел место, по-видимому, активный вывоз за рубеж меди, запрещённый в указанном году специальным эдиктом[1690]. Товары из арабских стран, по словам Чжао Жугуа, привозят в Китай посредники из Палембанга[1691] (Суматра). На острове Хайнань (海南, *Hǎinán*) местные жители — представители племени Ли — покупали китайские шелковые одежды, вытаскивали из них цветные нитки и ткали занавеси, смешивая эти нитки с древесным хлопком[1692].

Не последнее место занимал в экспорте ревень. Его целебные свойства были широко известны китайским и чжурчжэньским ученым. Елюй Чуцай во время осады войсками Чингис-хана северокитайского города Линъу (1226 г.) в качестве добычи взял себе два вьюка ревеня, которым лечил монголов, страдавших от повальной эпидемии[1693]. И Гильом де Рубрук, писавший о монголах в середине XIII в., отмечал, что ревень активно используется для врачевания[1694]. Так что это растение являлось весьма ценным товаром. Чжао Жугуа отмечал, что ревень охотно покупали на Восточной Суматре[1695] и в Малабаре[1696]. Именно с закупок ревеня началась русско-китайская торговля в XVII в.

[1687] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 45.

[1688] Ibid. P. 67.

[1689] Ibid. P. 78.

[1690] Ibid. P. 78, 82. Note 16.

[1691] Ibid. P. 114.

[1692] Ibid. P. 183.

[1693] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник… С. 72.

[1694] *Рубрук Г.* С. 151–152.

[1695] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 62.

[1696] Ibid. P. 89.

Что касается импорта, то информации ещё меньше. С Борнео ввозили камфору, сандал, панцири черепах (для гаданий) и слоновую кость[1697] — ее могли ввозить и из других стран, поскольку Чжао Жугуа перечисляет множество экспортеров слоновьих бивней. Жители Хайнаня выменивали у китайцев соль, железо и морепродукты на хлопок и изделия из него, дерево гару и коноплю[1698]. А арабские купцы через Палембанг везли в Китай жемчуг, пряности, благовония, кораллы, стекло[1699].

Теперь посмотрим, что писал о китайских торговых операциях Марко Поло.

Ревень (*reobarbe*) в его время производился в горах Сучжоу (*Siguy*)[1700], откуда «купцы развозили его по всему свету»[1701]. В Ланьчжоу добывали «лучший в мире мускус»[1702] (*treuve l'en le meilleur muglias du monde*)[1703], в Иньчуане изготавливали белое сукно из верблюжьей шерсти, которое «развозилось по всему Китаю», а возможно, и за его пределы[1704] (*au Catai, et par les autres parties du monde*)[1705].

В столицу Юаньской империи, по словам Марко Поло, привозят хорошие вещи со всего Китая, драгоценные камни и жемчуг из Индии[1706]. Большая торговля ведется по реке Хуанхэ — везут имбирь, шелк, дичь[1707]. В Тибете, входившим в состав империи Хубилая, большим спросом пользовались кораллы (*coral*)[1708]. К слову, во времена Чжао Жугуа кораллы импортировали из Чолы на

[1697] Ibid. P. 157.

[1698] Ibid. P. 183.

[1699] Ibid. P. 114, 116.

[1700] Le Livre… Pt. 2. P. 488.

[1701] *Марко Поло*. С. 75.

[1702] Там же. С. 84.

[1703] Le Livre… Pt. 1. P. 204.

[1704] *Марко Поло*. С. 84.

[1705] Le Livre… Pt. 1. P. 207.

[1706] *Марко Поло*. С. 108.

[1707] Там же. С. 119.

[1708] Там же. С. 123.

Коромандельском берегу[1709] и из Палембанга на Восточной Суматре (дословно в тексте сказано «коралловые деревья»)[1710], где, кроме прочего, местные купцы закупали кораллы у арабов, занимаясь перепродажей их дальше в Китай[1711]. Кроме того, Марко Поло сообщил, что из Черчена (*Siarciam*, юго-восток Кашгарии) в Китай везли яшму и халцедон[1712] (*jaspe et calcidoine, de quoi s'aporte à vendre au Çatay*)[1713]. В городе Ганьфу упоминается пристань, к которой прибывают суда с различными товарами из Индии и других стран[1714].

«По всему миру развозят» также фарфоровые чашки из Дэхуа (*Tyunguy*) в провинции Фуцзянь[1715]. Конечно, говоря обо «всем мире», Марко Поло несколько преувеличивает, однако факт широкого экспорта фарфора из Китая бесспорен. Также Марко Поло упоминал высококачественный мускус из Эргинула (Ланьчжоу)[1716]. О городе Таянчу (*Taianfu*) сказано, что купцы из него идут в самые разные страны, а производят там вино, шелк и конскую сбрую[1717], из чего можно предположить, что именно эти товары подлежали вывозу.

7.6 Подводя итоги

Два рассмотренных нами сочинения являются ценнейшими источниками по истории торговли, товарного обмена и тенденций экономического развития региона на протяжении XIII в., от заката династии Южная Сун до воцарения Хубилая, основателя династии Юань. Из них следует, что на протяжении XIII в. перечень стран, с которыми Китай мог иметь внешнеторговые связи, претерпел весьма незначительные изменения. С приходом к власти монголов

[1709] *Chau Ju-Kua.* Vol. 1. P. 96.

[1710] Ibid. P. 61.

[1711] Ibid. P. 116.

[1712] *Марко Поло*. С. 71.

[1713] Le Livre… Pt. 1. P. 147.

[1714] *Марко Поло*. С. 148.

[1715] Там же. С. 154.

[1716] Там же. С. 83.

[1717] Там же. С. 117.

активизировались связи с азиатским регионом, что находит свое логичное объяснение в завоевании территорий современного Ирана будущим *иль-ханом* Хулагу. В остальном же различия в наборе описанных авторами источников стран кроется, скорее, в обстоятельствах их создания, чем в реальной действительности.

Также удалось выяснить, что золото в регионе в период деятельности Чжао Жугуа ценилось дороже, чем при Марко Поло. Становится понятно, что на Востоке при монгольском владычестве в Китае золото стоило дешевле, чем на Западе в те же годы. Сравнить цены на другие товары, к сожалению, не представляется возможным, т.к. больше совпадений в данных источников нет. Что касается пошлин, то при монголах образовалась сложная система, с градацией сборов в зависимости от вида товара. Вероятно, подобная картина наблюдалась и при династии Южная Сун, но Чжао Жугуа не оставил об этом информации.

При Южной Сун и при Юань Китай весьма активно торговал с соседями, вывозя шелк, фарфор, ревень и другие лекарственные растения. При Южной Сун также экспортировали медь, при Юань — лошадей из Юньнани. При Южной Сун ввозили камфору, слоновую кость, ценные породы дерева, черепашьи панцири, хлопок, драгоценные камни, благовония, стекло и пряности. При монголах основные пункты этого перечня сохранились, торговля лошадьми активизировалась.

Таким образом, мы можем предполагать, что воцарение династии Юань в целом положительно сказалось на торговой ситуации в регионе. Положение купцов упрочилось по сравнению с предыдущим периодом. Внешние связи сохранились и расширились. Развитая система сбора пошлин свидетельствует о высоком уровне организации чиновничьего аппарата. Ассортимент импортируемых и экспортируемых товаров заметно пополнился.

Заключение

В канун XIII в. на границах северного Китая кочевали воинственные племена, занимавшиеся набегами на территорию оседлых земледельцев и собиравшие добычу и дань. В исторических источниках племена эти фигурируют под разными названиями — «татары», «черные татары», «монголы». Такое богатство выбора было обусловлено целым рядом факторов, однако сейчас мы, по результатам наших изысканий, можем выделить основные причины этого многообразия. К ним относятся особенности китайского историописания, согласно которому ближайших соседей-кочевников называли татарами; привычка распределять окрестные народы по уровню вовлеченности в китайскую культуру, исходя из представления о Китае как о центре цивилизованной ойкумены; стремление монголов упрочить позиции через принятие названия успешного в прежние времена племени татар. Также мы можем отметить, что самоназванием для народа Чингис-хана все-таки было «монголы». Все остальное — дань традициям, притязание на международный авторитет, либо умозаключения авторов исторических сочинений, представителей других национальностей, то есть факторы внешние. Что касается формулировки «черные татары», встречающейся в китайских сочинениях, то наша гипотеза, основанная на изучении цветовой символики, заключается в следующем: через такое определение китайские авторы отмечали малую степень вовлеченности монголов в сферу влияния китайской культуры.

В указанный период монголы представляли из себя скопление родов, враждовавших друг с другом и с соседями, имевших едва различимые зачатки государственности, выражавшиеся в том, что кочевая знать избирала военных вождей — ханов для руководства эпизодически возникавшими племенными союзами в условиях борьбы в Степи либо внешних походов. При этом функции хана были ограничены внешнеполитическими вопросами: организация успешного похода, справедливый раздел добычи, принуждение оседлых соседей к открытию приграничных рынков и выплате дани для получения кочевниками товаров земледельческой цивилизации. Что же касается жизни внутри племенных

объединений, то хан практически не имел там никаких полномочий. Его авторитет зависел только от его военных успехов и легко мог быть утрачен, что наглядно демонстрирует судьба Есугея. Чингис-хан изменил устоявшийся порядок вещей. Начав с традиционных функций хана-военачальника, он постепенно сформировал из числа лично преданных ему *нукеров* аппарат управления, с помощью которого поставил под контроль все сферы жизни своего *улуса*, границы которого ему удалось существенно расширить сначала за счет соседей-кочевников, а затем — за счет земледельческих государств Китая и Средней Азии.

Выстроив систему своей единоличной власти, Чингис-хан всячески подчеркивал оказываемое ей небесное покровительство, в чем следует видеть косвенное влияние соседнего Китая, обладавшего сходными, хотя и гораздо более проработанными и детализированными концепциями. При этом китайская идеологическая база не вытеснила полностью монгольских традиционных представлений о власти, так что при преемниках Чингиса начал формироваться своеобразный симбиоз. Из Китая с течением времени были заимствованы пышный церемониал и обычай давать девизы правлениям; от кочевого прошлого осталась сложная система наследования — законные права на престол по традиции могли предъявить братья правителя, его старший и младший сыновья, а в дополнение к этому Чингис сам создал прецедент, назначив наследником третьего сына, так что в итоге, по мере увеличения числа потенциальных претендентов, процесс передачи власти все чаще сопровождался военными столкновениями. Обе культурные традиции сходились в концепции покровительства высших сил правящему роду. Таким образом, в результате нашей работы мы убедились, что высшая государственная власть у монголов развивалась под большим влиянием южных соседей и в финале своего развития, в годы правления династии Юань, представляла собой симбиоз монгольских и китайских элементов.

Оказавшись силой, которая прокатилась по всей Азии до Европы, монголы попали во многие сочинения современников, среди авторов которых были те, кто ездил к монгольскому двору в качестве послов, те, кто состоял на службе у

монгольских правителей, а также те, кто писал о монголах с другой стороны фронта. Такой разброс идеологических установок привел к немалому разбросу и в оценках самих монголов, однако формируемый источниками образ представляет огромный интерес для исследований.

В нашей работе такой анализ впервые был проведен на основании двенадцати сочинений, что позволило выявить ряд закономерностей. Все авторы единодушно высоко оценивали морально-нравственные устои монгольского общества, их верность, преданность, храбрость и дисциплину. При описании некоторых обстоятельств роста монгольского влияния многие авторы допускают идеологически окрашенные искажения, кое-что замалчивая. Большинство тех авторов, чьи народы пострадали или могли пострадать от военного столкновения с монголами, считали их карой за грехи или даже предвестниками конца света. В результате своего исследования нам удалось выяснить, что китайцы единственные воспринимали монголов без каких-либо эсхатологических аналогий. Для них, на фоне многократных завоеваний кочевниками на протяжении всей истории, монголы стали просто еще одной группой завоевателей, покорившей сначала северные, а потом и южные китайские территории и объединившей таким образом весь Китай в руках одной династии. То есть монголы не расценивались, как некое уникальное бедствие. Скорее, просто как еще одна страница истории.

Монгольское завоевание стало своего рода катализатором процессов культурного взаимодействия между оседлым китайским населением и кочевым монгольским. Годы, на протяжении которых династия Юань правила Китаем, оказались временем интенсивного взаимодействия двух культур в самых разных сферах жизни. Китайская бюрократическая система стала одним из главных приобретений монгольского правительства и наложила глубокий отпечаток на управление не только империей Юань, но и другими монгольскими владениями — в частности, государством *иль-ханов* в Персии. Регулярное взимание подушных и поземельных налогов, государственные монополии, как традиционные элементы китайской экономики, соседствовали с элементами, привнесенными монголами, —

институтом *даругачи*, ямской повинностью, обязанностью поставлять веревки для ханской облавной охоты.

Заимствованная у китайцев структура управления предъявляла свои требования к уровню подготовки чиновников. Уже при Угэдэе по совету Елюй Чуцая к государственным делам стали привлекать образованных китайцев. А с XIV в. в Китае возобновилась традиционная практика сдачи экзаменов на чин с сохранением, однако, льгот для монголов и *сэму*, которые, вне всякого сомнения, не могли на равных тягаться с китайцами в знании конфуцианских канонов, а потому, при абсолютно равных условиях, никогда бы не смогли добиться занятия высоких постов. А это в планы юаньских императоров не входило — им были нужны противовесы для сбалансированного управления при сохранении ряда монгольских особенностей на фоне распространения китайской политической мысли. Впрочем, несмотря на все указанные оговорки, конфуцианцы постепенно завоевывали позиции в государственной структуре, приобретая всё больший вес к концу правления династии.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в результате монгольского завоевания процесс культурного взаимодействия проходил в двух направлениях — монголы подверглись китаизации, но при этом и сами оказали на китайскую культуру немалое влияние. Кроме того, из нашего исследования следует, что именно поход на Китай позволил монголам впоследствии успешно продолжить свою экспансию, используя позаимствованные в Китае знания и технологии.

Огромную роль достижения китайской цивилизации сыграли в формировании экономики монгольской мировой империи. Привычное для Китая бумажное денежное обращение не только сохранилось при монголах, но и, благодаря включению Китая в более обширный имперский ареал, распространилось за пределы Юаньского государства. В результате сравнительного анализа посвященных торговле сочинений мы доказали, что внутренняя и внешняя торговля при монголах переживала несомненный расцвет, интенсифицировался

международный товарообмен, который стал возможен на пространствах Азии во многом благодаря установлению над ее территорией единого правления, упорядочиванию отношений правительства и купцов, а также покровительству, оказываемому торговцам ханами. Развитие получили контакты с Европой.

Результатом китаизации, признаком того, что ханы старались проявить себя в первую очередь как китайские императоры, следует считать появление официальных девизов правления, а также предпринятую согласно распоряжению монгольских правителей работу по составлению историй предшествующих династий. Представления монголов о характере верховной власти также подверглись явному китайскому влиянию. Идея мандата Неба, сходная с концепцией ханской *харизмы*, была понята и принята монгольскими ханами вместе с чисто китайской концепцией универсализма и безграничности императорской власти. Причем эти элементы начали проявляться уже при жизни Чингис-хана, считавшего себя государем всех, даже ещё не завоеванных земель.

Активно шло взаимодействие в культурной сфере. Успехи декоративно-прикладного искусства, живописи, каллиграфии, искусства изготовления фарфора были признаны современниками Юаньской династии и исследователями. Расцвет традиционного театрального искусства также пришелся на годы монгольского владычества. Двусторонние процессы имели место в языке. Монгольский язык заимствовал терминологию, требовавшуюся в новых условиях жизни для быта, организации делопроизводства, обозначения должностей. В китайском языке сформировалась особая разновидность, известная как «язык официальной канцелярии». В нем интерференция затронула не только лексику, но и грамматический строй, так что иногда в китайском предложении порядок слов был монгольским. Впрочем, существовала эта разновидность ровно столько же, сколько и династия, а затем была предана забвению.

Синтез китайских и монгольских идей наблюдался в медицине, повседневной жизни, увлечениях знати. С течением времени великие ханы все больший интерес

стали проявлять к традиционной китайской эрудиции, занимаясь изучением конфуцианского канона и пробуя свои силы в стихосложении.

С другой стороны, для самих китайцев монгольское завоевание имело особое значение, поскольку именно при монголах север и юг Китая оказались объединены под одной властью, что способствовало формированию монолитного китайского народа. Бунты и восстания происходили при Юань не реже и не чаще, чем при других династиях. Из этого можно заключить, что монголы, восприняв китайскую традицию управления, объявив китайское название династии, заимствованное из древней «Книги перемен», и приняв на службу чиновников-конфуцианцев, в какой-то мере заместили собой функцию императора Поднебесной. Престол был священен вне зависимости от того, кто его занимал. Но это продолжалось только до тех пор, пока с правителем было благоволение Неба. Утрата высшего мандата на управление проявлялась в стихийных бедствиях, военных неудачах, неурожае. Все эти явления имели место во второй половине XIV в., когда монголы потеряли свои китайские владения. И это вполне соответствовало китайской традиции, допускавшей восстание против неугодной Небу династии.

Монгольские завоевания изменили жизнь не только покоренных народов. Еще в большей степени изменилась жизнь самих завоевателей. И если смотреть в исторической перспективе, не в лучшую сторону. Чингис-хан покорил полмира, его армии неудержимыми волнами прокатились по Азии, докатились до Европы, его полководцы почти не знали поражений. И, тем не менее, это возвышение не пошло на пользу монгольскому народу. Потому что с войсками уходили лучшие, те, кто выживал в битвах, вместе с семьями оставались на захваченных территориях, а в собственно Монголии оставались более слабые. Чингис-хан растратил генофонд своего народа, так что больше не рождались богатыри, подобные описанным в «Сокровенном сказании». Однако монгольское завоевание привело к соприкосновению многих культур, интенсифицировало обмен знаниями и товарами и, как большинство исторических процессов, не может быть оценено однозначно.

Список сокращений

AS — Asiatische Studien

EAH — East Asian History

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies

JRAS — Journal of Royal Asiatic Society

JSYS — Journal of Song-Yuan Studies

SV — Studi Veneziani

ZS — Zentralasiatische Studien

БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина.

ППВ — Памятники письменности Востока

Список источников

1. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Дая и Сюй Тина / Введ., комм. Н.Ц. Мункуева, пер. Н.Ц. Мункуева, Линь Кюнъи // Проблемы востоковедения, 1960, №5. С. 133–158.
2. Bretschneider E. Si yu lu // Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. London, 1910. P. 9–24.
3. Chau Ju-Kua. Work on the Chinese and Arab Trade in the 12th and 13th c. / Trans. by F. Hirth and W.W. Rockhill. NY.: Paragon Book Reprint Corp., 1966. — 2 vol.
4. Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1948. — 215 s.
5. Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. by C.J. Tornberg. Vol. I–XIV. Upsaliae et Lugduni, Batavorum, 1851–1876. — 14 vol.
6. Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impéria le de Khoubilaï-Khaân, par Rusticien de Pise // Par M.G. Pauthier. Paris: Firmin-Didot frères, fils, 1865. — 832 p.
7. Meng-Ta Pei-Lu und Hei-Ta Shih-Lüeh. Chinesische Gesandtenberichte über die Frühenmongolen 1221 und 1237 / Üb. und komm. von P. Olbricht und E. Pinks. Wiessbaden: Otto Harrassowitz, 1980. — 264 s.
8. Pegolotti F.B. La practica della Mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge-Massachusetts: Mediaeval Academy of America, 1936. — 443 p.
9. Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World. London: Hakluyt Society, 1900. — 303 p.
10. Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1965. — 132 p.
11. Tabakât-i-Nâsirï: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A. H. 194 [810 A.D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. By the Maulâna, Minhâj-ud-Dïn,

Abu-‘Umar-i-‘Usman / Transl. from Original Persian Manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I–II. London: Gilbert & Rivington, 1881. — 2 vol.

12. The History of the World-Conqueror by Juvaini. Manchester: University Press, 1997. — 362 p.
13. The Secret History of Mongol / Trans. by U. Onon. Richmond: Surrey, 2001. — 293 p.
14. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Trans. by I. de Rachewiltz. Shorter version. Madison: University of Wisconsin, 2015. — 296 p.
15. The Tabaqât-i Nâsiri of Aboo ‘Omar Minhâj al-din ‘Othmân, ibn Sirâj al-din al-Jawzjani / Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and ’Abd al-Hai. Calcutta: n.p., 1864. — 468 p.
16. The Travels of an Alchemist. The Journey of the Taoist Ch’ang-ch’un from China to the Hindukush at the Summons of Chingiz Khan. Recorded by His Disciple Li Chih-ch’ang / Tr. by A. Waley. London: Routledge & Kegan Paul, 1931. — 188 p.
17. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Пер., введ., ком. и прил. Н.П. Шастиной [ППВ 10] М.: Наука, 1973. — 440 с.
18. Английские средневековые источники, IX–XIII вв. / Пер., ком. В.И. Матузовой. М.: Наука, 1979. — 269 с.
19. Васильев В.П. Записка о монголо-татарах («Мэнда бэйлу») // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Ч. 4. СПб., 1857. С. 216–235.
20. История Тартар брата Ц. Де Бридиа // Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Квадрига, 2002. С. 75–126.
21. Джувейни. Чингис-хан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004. — 688 с.
22. Е Лунли. История государства киданей / Пер. с кит., введ., комм., прил. В.С. Таскина [ППВ 35]. М.: Наука, 1979. — 606 с.

23. Ибн ал-Асир Ал-Камил фи-т-та’рих (Полный свод истории). Избранные отрывки / Пер., прим., ком. П.Г. Булгакова; введ. Ш.С. Камолиддина. Ташкент–Цюрих: АН РУз, 2005. — 595 с.
24. История Золотой империи / Пер. и комм. Г.М. Розова, отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 289 с.
25. Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.–Л.: Изд. АН, 1950. — 404 с.
26. Ли Синьчуань. Цзяньянь илай чаоъе цзацзи. («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзяньянь»). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2010. — 985 с.
27. Марко Поло. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано / Пер. И.П. Минаева, вступ. статья И.П. Магидовича. Алма-Аты: Наука КазССР, 1990. — 347 с.
28. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 1. Сюнну / Пер., пред., комм. В.С. Таскина. М., 1989; Вып. 2. Цзе. М., 1990; Вып. 3. Мужуны. М., 1992; Вып. 4. Ди и цяны. М.: Восточная литература, 2012. — 4 т .
29. Мэнда бэйлу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. [ППВ 26]. М.: Наука, 1975. — 288 с.
30. Панкратов Б.И. Образцы переводов из «Юаньчао биши» / Подготовка к печати и предисловие Ю.Л. Кроля // Mongolica. К 750-летию Сокровенного сказания. М.: Восточная литература, 1993. С. 103–125.
31. Плано Карпини. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., Госиздат Географической литературы, 1957. С. 23–86.
32. Путевые заметки китайца Чжан Дэхоя во время путешествия его в Монголии в первой половине XIII столетия / Пер., ком. П.И. Кафарова

[Записки Сибирского отдела императорского Русского географического общества]. 1867. Т. 9–10. Вып. 11. С. 582–591.

33. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А.И. Малеина, ред., вступ. статья, прим. Н.П. Шастиной. М.: Госиздат Географической литературы, 1957. — 288 с.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Т. 1. Перевод Л.А. Хетагурова, редакция и примечания А.А. Семенова. М.; Л., 1952; Т. 2. Перевод Ю.П. Верховского, примечания Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, под редакцией И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960; Т. 3. Перевод А.К. Арендса под редакцией А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1946. — 3 т.
35. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. С. 87–194.
36. Си ю цзи или описание путешествия на Запад / Пер., прим. о. Палладия (Кафарова) // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 261–434.
37. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. / Введ., пер., словари С.А. Козина Т. 1. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. — 621 с.
38. Старинное китайское сказание о Чингис-хане / Пер., ком. П.И. Кафарова // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. С. 149–295.
39. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане / Пер. П.И. Кафарова // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 1–258.
40. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. — 588 с.
41. Хэйда шилюэ. Краткие заметки о черных татарах // Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, пер. под ред. Е.Р. Нестеровой. М.: Восточная литература, 2016. — 254 с.
42. Чжоу Цзюфэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин-вай дай-да) / Пер., комм., введ. М.Ю. Ульянова [ППВ 131]. М.: Восточная литература, 2001. — 534 с.

43. Шемякин А.Н. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августа Бюрка, с дополнениями и поправками К.Ф. Нейманна. Пер. с нем. М.: б.м., 1863. — 528 с.
44. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») / Критический текст, пер., пред., ком., прим. и ук. З.М. Буниятова [ППВ 107]. М.: Восточная литература, 1996. — 799 с.
45. Юаньчао биши (Секретная история монголов) / Издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. [Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. Вып. 8. Т. 1]. М.: Восточная литература, 1962. — 614 с.

Список использованной литературы

На русском языке

46. Базарова Б.З. О русских переводах названия «Юаньчао миши» // Тайная история монголов. Источниковедение, филология, история / Отв. ред. Б.З. Базарова, П.В. Коновалов. Новосибирск, 1995. С. 15–25.
47. Бартольд В.В. Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. — 759 с.
48. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963. — 763 с.
49. Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай. СПб.: Нестор–История, 2009. — 488 с.
50. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978. — 319 с.
51. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010. — 404 с.
52. Бичурин Н.Я. Кто таковы были татары XIII века // Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010. С. 171–175.
53. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. СПб.: Типография Карла Края, 1828. — 613 с.
54. Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ, 2008. — 462 с.
55. Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.: Типография Карла Края, 1829. — 457 с.
56. Бичурин Н.Я. Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850. № 24. Кн. 2. С. 85–92.
57. Бичурин Н.Я. Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII века // Московский вестник. 1828. № 14. С. 197–202.

58. Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов в китайской империи // Феномен восточного деспотизма / Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: Наука, 1993. С. 314–318.
59. Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1984. — 4 т.
60. Булаг. Изучение «Сокровенного сказания» в Китае // Mongolica. С. 87–98.
61. Basilues. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Восточная литература, 2007. — 325 с.
62. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. — 235 с.
63. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. — 224 с.
64. Владимирцов Б.Я. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов [Классики отечественного востоковедения]. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–530.
65. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов [Классики отечественного востоковедения] Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Восточная литература, 2002. — 557 с.
66. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 141–208.
67. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы… С. 166–185.
68. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе. М.: Наука, 1988. — 223 с.
69. Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы… С. 484–502.
70. Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы… С. 323–334.

71. Данилов С.В. К вопросу о традициях градостроительства кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. С. 182–191.
72. Д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. / Пер. и пред. Н. Козьмина. Т. 1. Иркутск: ОГИЗ, 1937. — 295 с.
73. Древне-монгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. — 418 с.
74. Дробышев Ю.И. Мандат Неба в руках монголов // Basilues. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Восточная литература, 2007. С. 137–156.
75. Дробышев Ю.И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Общество и государство в Китае. Материалы XLII научной конференции. Ч. 3. М., 2012. С. 274–315.
76. Думан Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы… С. 335–376.
77. Духовная культура Китая / Отв. ред. М.Л. Титаренко. В 6 томах. М.: Восточная литература, 2006–2010. — 6 т.
78. Духовная культура Китая. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006. — 368 с
79. Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. — 887 с.
80. Духовная культура Китая. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. — 876 с.
81. Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Восточная литература, 2009. — 964 с.
82. Духовная культура Китая. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Восточная литература, 2009. — 1120 с.
83. Духовная культура Китая. Т. 6. Искусство. М.: Восточная литература, 2010. — 1081 с.

84. Еремеев В.Е. Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // Общество и государство в Китае. Материалы XLI научной конференции. М., 2011. С. 145–149.
85. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. — 196 с.
86. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. — 274 с.
87. Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов — историк // Работы по истории и этнографии монгольских народов. [Классики отечественного востоковедения]. М.: Восточная литература, 2002. С. 13–50.
88. Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М.: Наука, 1984. — 147 с.
89. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар при Чингис-хане и Тамерлане / Под ред. генерал-лейтенанта князя Н.С. Голицына. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1875. — 252 с.
90. История Ирана с древнейших времен до начала XVIII в. / Отв. ред. В.В. Струве. Л.: Изд. ЛГУ, 1958. — 391 с.
91. История Китая / Отв. ред. А.В. Меликсетов. М.: Изд. МГУ, 2007. — 752 с.
92. История Китая с древнейших времен до начала XXI в. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. В 10 томах. М.: Восточная литература, 2014–2016. — 10 т.
93. История Китая. Т. 4. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279 / Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература, 2016. — 942 с.
94. История Китая. Т. 5. Династии Юань и Мин: 1279–1644 / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокщанин. М.: Восточная литература, 2016. — 678 с.
95. История Монгольской народной республики. М.: Наука, 1967. — 541 с.
96. Кадырбаев А.Ш. Источники и историография эпохи Юань — периода монгольского владычества в Китае (XIII–XIV вв.) / Хэйда шилюэ. С. 134–149.

97. Кадырбаев А.Ш. Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Материалы XXXIX научной конференции. М., 2009. С. 56–75.

98. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. — 336 с.

99. Кафаров П.И. Комментарий на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. СПб.: тип. Акад. наук, 1902. — 47 с.

100. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПБГУ, 2005. — 346 с.

101. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 368 с.

102. Кравцова М.Е. История искусства Китая. М.: Директмедиа, 2004. — 2722 с.

103. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. — 232 с.

104. Крадин Н.Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII–XIII вв. // Тайная история монголов. С. 48–65.

105. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. — 557 с.

106. Кучера С. Проблема преемственности культурной традиции при династии Юань // Роль традиций в истории и культуре Китая / Отв. ред. Л. Васильев. М.: Наука, 1972. С. 276–308.

107. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. — 321 с.

108. Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. — 359 с.

109. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973. — 145 с.

110. Кычанов Е.И. История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПБГУ, 2008. — 765 с.

111. Кычанов Е.И. К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // История тангутского государства. С. 35–44.

112. Кычанов Е.И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор: ШУАХ, 1974. С. 165–170.

113. Кычанов Е.И. К проблеме этногенеза тангутов // История тангутского государства. С. 47–49.

114. Кычанов Е.И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы… С. 46–61.

115. Ларичев В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи. С. 34–87.

116. Лингвистическое изучение «Сокровенного сказания» // Mongolica. К 750-летию… С. 249–340.

117. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. — 446 с.

118. Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания» / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Восточная литература, 1993. — 341 с.

119. Магидович И. Вступительная статья // Книга Марко Поло. С. 3–37.

120. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд. Московского университета, 1976. — 319 с.

121. Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы… С. 62–84.

122. Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б.В. Базарова. Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2004, 2005, 2008. — 3 т.

123. Мункуев Н.Ц. По поводу одного недоразумения // Китай. История, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М.: Наука, 1977. С. 97–100.

124. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965. — 226 с.

125. Мункуев Н.Ц. Мэнда бэйлу — важный источник по истории древних монголов // Мэнда бэйлу. С. 19–42.

126. Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников: автореферат дис. … д-ра ист. наук: 573 / Мункуев Николай Цырендоржиевич. М., 1970. — 38 с.

127. Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников: дис. … д-ра ист. наук: 573 / Мункуев Николай Цырендоржиевич. М., 1970. — 927 с.

128. Мункуев Н.Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII-XIV вв. // Татаро-монголы… С. 409–446.

129. Мункуев Н.Ц. О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Труды БКНИИ СО АН СССР. 8. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1962. С. 49–67.

130. Мункуев Н.Ц. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII–XIV вв.) // Современная историография стран Зарубежного востока / Отв. ред. Б.Н. Занегин. М.: Наука, 1963. С. 156–194.

131. Мункуев Н.Ц. По поводу одного недоразумения // Китай. История, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М.: Наука, 1977. С. 97–100.

132. Мэн Д. Хубилай. От Ксанаду к сверхдержаве. М.: АСТ, 2008. — 411 с.

133. Мясников В.С. Избрание Н.Я. Бичурина в Академию наук // Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 120–128. — 2 т.

134. Мясников В.С. Некоторые размышления о новинках в отечественном монголоведении // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 163–169.

135. Мясников В.С. Китай — катящийся камень. М.: Наука, 2018. — 470 с.

136. Нестерова Е.Р. Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы // Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2011–2012 / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Восточная литература, 2013. С. 37–60.

137. Нестерова Е.Р. Монголы, татары, черные татары — кто есть кто в истории монгольских завоеваний / Хэйда шилюэ. С. 7–19.

138. Нестерова Е.Р. Монгольская империя в Китае — стиль и методы государственного управления и культурная конвергенция / Хэйда шилюэ. Краткие заметки о черных татарах. С. 111–133.

139. Нестерова Е.Р. Образ монголов в записках иностранных путешественников // Mongolica XIII. СПб.: Петербурское востоковедение, 2014. С. 22–29.

140. Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. — 448 с.

141. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. — 416 с.

142. Общество и государство в Китае. Материалы XXXIX научной конференции. М.: Восточная литература, 2009. — 502 с.

143. Общество и государство в Китае. Материалы XL научной конференции. М.: Восточная литература, 2010. — 470 с.

144. Общество и государство в Китае. Материалы XLI научной конференции.. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2011. — 440 с.

145. Общество и государство в Китае. Материалы XLII научной конференции. Ч. 3. М.: Восточная литература, 2012. — 484 с.

146. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под ред. Шан Юэ. М.: Наука, 1959. — 579 с.

147. П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 1–3. М.: Наука, 1979. — 3 т.

148. Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы… С. 107–139.

149. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. С. 12–15.

150. Позднеев А.М. О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юаньчао миши // Сочинения. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1883. С. 480–501.

151. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М.: Изд. Московского университета, 2011. — 672 с.

152. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв.: автореферат дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03 / Пономарев Андрей Леонидович. М., 2010. — 50 с.

153. Румянцев Г.Н. Труды Б.Я. Владимирцова по истории монголов // Филология и история монгольских народов. М.: Наука, 1958. С. 59–81.

154. Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингис-хан // Татаро-монголы… С. 23–46.

155. Серов В.М. Поход монголов в Корею 1231–1232 гг. и его последствия // Татаро-монголы… С. 150–165.

156. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. — 505 с.

157. Скрынникова Т.Д. Представления монголов XIII в. о харизме и культ Чингис-хана // Тайная история монголов. С. 66–87.

158. Скрынникова Т.Д. Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. И.В. Следзевский. М., 2002. С. 204–219.

159. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. — 214 с.; переиздание — М.: Евразия, 2013. — 377 с.

160. Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М.: Наука, 1979. — 336 с.

161. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Всемирная история. Т. 2. М.: Наука, 2012. — 894 с.

162. Стратонитский К.А. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1913. — 32 с.

163. Тайная история монголов. Источниковедение, история, филология / Отв. ред. Б.З. Базарова, П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1995. — 134 с.

164. Таскин В.С. Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 2. М.: Наука, 1979. С. 34–49.

165. Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. — 507 с.

166. Таубе М. К реконструкции и переводам Mongγoł-un niγuča tobčiyan на европейские языки // Mongolica. К 750-летию… С. 40–53.

167. Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы… С. 3–22.

168. Тишин В.В. Рецензия на книгу: Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 807–828.

169. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи. М.: Восточная литература, 1993. — 168 с.

170. Трепавлов В.В. Степные империи. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. — 368 с.

171. Туймебаев Ж.К. Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в письменных памятниках монгольских языков // Basileus. С. 255–281.

172. Уваров П.Ю., Рябинин А.Л. Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории. СПб.: Наука, 2017. — 288 с.

173. Улымжиев Д.Б. Изучение «Сокровенного сказания монголов» в России и СССР // Тайная история монголов. С. 6–14.

174. Ульянов М.Ю. Сообщение о Филиппинах в труде Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» // Филиппины в Малайском мире. Малайско-

индонезийские исследования. Т. V. М.: Российское географическое общество, 1994. С. 15–32.

175. Ульянов М.Ю. Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» («Сообщения о подвластных Шривиджае государствах») // Восток. 1999. № 1. С. 156–166.

176. Ульянов М.Ю. Чжао Жугуа. Чжу фань чжи. Сообщение о государстве Шривиджая // Восток. 1996. № 6. С. 141–155.

177. Ульянов М.Ю. Мир глазами китайского таможенного чиновника XIII в. // Восточная коллекция. 2001 (1). С. 86–97.

178. Успенский В.Л. О переводе «Сокровенного сказания» Цэнд-Гуна // Mongolica. К 750-летию… С. 99–103.

179. Флэтчер Д. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 212–253.

180. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских текстов о монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — 496 с.

181. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингис-хана. М.: АСТ Люкс, 2004. — 557 с.

182. Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. М.: Перо – Lidergraf, 2015. — 334 с.

183. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Т. 3. М.: Наука, 2009. — 336 с.

184. Цендина А.Д. Изучение «Сокровенного сказания» в МНР // Mongolica. К 750-летию… С. 54–86.

185. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы… С. 186–209.

186. Чулууны Д. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983. — 233 с.

187. Шастина Н.П. А.М. Позднеев // Mongolica-VI: сборник статей к 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 7–18.

188. Юрченко А.Г. Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007. — 854 с.

189. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1. М.: Изд. АН СССР, 1953. С. 31–95.

190. Яхонтова Н.С. История изучения «Юаньчао биши» в России и СССР // Mongolica. К 750-летию… С. 7–39.

На иностранных языках

191. Allsen T. Mongol imperialism. The policies of the grand qan Mongke in China, Russia and the Islamic lands. 1251–1259. Berkeley: University of California Press, 1987. — 278 p.

192. Atwood Ch.P. The Date of the “Secret History of the Mongols” Reconsidered // JSYS. 2007. Vol. 37. P. 1–48.

193. Ayalon D. The Great Yasa of Chinggis khan. A Reexamination // Studia Islamica. 1971. Fasc. 33. P. 97–140; 1971. Fasc. 34. P. 151–180.

194. Bacon R. Opus Majus / Ed. by J.H. Bridges. Vol. 1. Oxford, 1900. — 3 v.

195. Barkmann U. Some comments on the consequences of the decline of the Mongol empire on the development of the Mongols // The Mongol Empire and its Legacy. P. 273–282.

196. Barret T.H. The Secret History of Mongols. Some fresh revelations // Muslims, Mongols and Crusaders / Compiled and introduced by G.R. Hawting. NY.: Routledge, 2007. P. 115–119.

197. Beaz1ey C.R. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London: Hakluyt society, 1903. — 378 p.

198. Biran M. The Mongol Empire: The State of the Research // History Compass. 11/11. P. 1021–1033.

199. Bretschneider E. Si yu ki // Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. London: by K. Paul, Trench, Trübner, 1910. P. 35–108.

200. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litterature. Erster Supplementband. Leiden: E.J. Brill, 1937. — 998 s.

201. Brunello F. Marco Polo e le merci dell'oriente. Vicenza: Pozza, 1986. — 288 p.

202. Burgan M. Empire of the Mongols. NY.: Osprey Publishing, 2009. — 160 p.

203. Cahill J. Hills beyond a River. Chinese Painting of the Yuan Dynasty, 1279–1368. NY.: Weatherhill Inc, 1976. — 198 p.

204. Chen Yuan Legitimation Discourse and the Theory of the Five Elements in Imperial China // JSYS. 2014. Vol. 44. P. 325–364.

205. China under Mongol Rule / Ed. by J. Langlois. Princeton: University Press, 1981. — 452 p.

206. Ciocîltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the 13th and 14th Centuries. Leiden: Brill, 2012. — 330 p.

207. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the 13th and 14th centuries // HJAS. 1951. Vol. 4. Pt. 3–4. P. 493–528.

208. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1240 // HJAS. 1960–1961. Vol. 23. P. 62–75.

209. Dardess Jh.M. Did the Mongols Matter? // The Song–Yuan–Ming Transition in Chinese History. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2003. P. 111–134.

210. Dardess Jh.W. Conquerers and Confucians. NY.: Columbia University Press, 1973. — 251 p.

211. D'Avezac. Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin // Recueil de Voyage set de Mémoires publié par la Société de Géographie. Vol. IV. Livr. 2. Paris: Chez Arthus–Bertrand, Libraire de la Société, 1839. — 998 p.

212. Encyclopedia of Chinese Philosophy // Ed. by A.E. Cua. NY.: Routledge, 2003. — 1020 p.

213. Endicott-West E. Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yüan Dynasty. Cambridge: Harvard University Press, 1989. — 217 p.

214. Endicott-West E. Merchant Associations in Yüan China // Asia Major. 2. 1989. P. 127–154.

215. Fairbank J.K., Twitchett D. The Cambridge History of China. Vol. 6. NY.: Cambridge University Press, 1994. — 805 p.

216. Farquhar D. Structure and Function in the Yuan Imperial Government / China under Mongol rule. P. 25–56.

217. Franke H. China under Mongolian Rule. Aldershot Hants: Variorum Publishing Ltd., 1994. — 324 p.

218. Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimating of the Yuan Dynasty. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978. — 84 p.

219. Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234). Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1978. — 50 s.

220. Franke H. Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1949. — 175 s.

221. Haenisch E. Die Kulturpolitik des Mongolischen Weltreiches. Berlin: Walter de Gruyter, 1943. — 38 s.

222. Halliday M. The Language of the Chinese “Secret History of the Mongols”. Oxford: Basil Blackwell, 1959. — 235 p.

223. Hautala R. Early Latin Reports about the Mongols (1221): Reasons for Distortion of Reality // Golden Horde Review. 2015. №1. P. 50–67.

224. Haw S.G. Marco Polo’s China: a Venetian in the Realm of Khubilai Khan. London: Routledge, 2006. — 214 p.

225. Heager J.W. Marco Polo in China? Problems with internal evidence // Bulletin of Sung–Yuan Studies. 1978. Vol. 14. P. 22–30.

226. Heyd W. Histoire du commerce du Levant. Vol. 1–2. Leipzig: Otto Harassowitz, 1885. — 2 v.

227. Hirth F., Rockhill W.W. Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the 12th and 13th c., Entitled Cha-fan-chi. Vol. 1. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences, 1911; Vol. 2. Tokyo, n.p. 1914. — 2 v.

228. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan / Par M. le Baron C. D'Ohsson, Membre des Academies royales des Sciences et des Belles Lettres de Stockholm, de la Société royale des Sciences de Upsal, etc. Avec une carte de l'Asie au XIII siècle. La Hay; Amsterdam: Les frères van Cleef, 1834–1835. — 774 p.

229. Hok-lam Chan. Chinese official Historiography at the Yuan Court: the composition of the Liao, Chin and Sung Histories // China under Mongol Rule. P. 56–107.

230. Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. London: Harvard University Press, 1978. — 314 p.

231. Hung W. The transmission of the book known as The secret History of the Mongols // HJAS. 1951. Vol. 14. Pt. 3–4. P. 433–492.

232. In the Service of the Khan / Ed. by I. de Rachewiltz. Wiesbaden, Otto Harassowitz 1993. — 853 p.

233. Jackson P. The Authenticity of Marco Polo's Travels / The Mongols and the West. London: Routledge, 2005. P. 363–366.

234. Jackson P. The Mongols and the West. London: Routledge, 2005. — 448 p.

235. Jacoby D. Marco Polo, His Close Relatives, and His Travel Account: Some New Insights // Mediterranean Historical Review. Vol. 21. No. 2. December 2006. P. 193–218.

236. Jensen J. The world's most diligent observer // AS. 1997. Vol. 51. P. 719–727.

237. Kim M. Globalizing Imperium: Thirteenth-Century Perspectives on the Mongols // Literature Compass. 11/7 (2014). P. 472–483.

238. Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. Westport: Greenwood Publishing Group, 2006. — 315 p.

239. Langlois J. The Founding of the Yuan by Khubilai // China under Mongol Rule / Ed. by J. Langlois. P. 3–22.

240. Lo Jungpang. China as a Sea Power. 1127–1368: a preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People during the Southern Song and Yuan Periods. Singapore: NUS Press, 2012. — 378 p.

241. Morgan D.O. Marco Polo in China — or not // JRAS. 3rd series. 1996. Vol. 6. P. 221–225.

242. Mostaert A., Cleaves F. Trois documents mongols des Archives secretes Vaticanes // HJAS. 1952. Vol. 15. P. 419–506.

243. Okada Hidehiro. The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols // Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers / Ed. by K. Sagaster and H. Einer. Weisbaden: Harrassowitz, 1989. P. 284–292.

244. Okada Hidehiro. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel // Ajia Afurika gengo bunka kenkyù 5. 1972. P. 61–67.

245. Palladius. Elucidations of Marco Polo's Travels in North-China, drawn from Chinese sources // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. № 10. Cambridge, 1876. P. 1–54.

246. Prawdin M. The Mongol Empire. London: George Allen and Unwin LTD, 1941. — 584 p.

247. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenezeichnungen in den altaischen Völkennamen // Saeculum. 1954. Vol. 5. S. 374–382.

248. Rachewiltz I. de Marco Polo went to China // ZS. 1997. Vol. 27. P. 34–92.

249. Rachewiltz I. de The Genesis of the Name Yeke Mongol Ulus // East Asian History. 2006. № 31. P. 53–56.

250. Rachewiltz I. de The Name of the Mongols in Asia and Europe: a Reappraisel // Etudes mongoles et siberiennes. 1996. Vol. 27. P. 199–210.

251. Rachewiltz I. de Papal Envoys to the Great Khans. Stanford University Press, 1971. — 230 p.

252. Ratchnevsky P. Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1959–1960. Vol. 9. S. 113–118.

253. Riasanovsky V.A. Mongol law and Chinese law in the Yuan dynasty // Chinese social and political science review. 1936. № 20. P. 266–289.

254. Risch F. Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247. Leipzig: Eduard Pfeiffer, 1930. — 405 s.

255. Rossabi M. Khubilai Khan. His life and times. Berkeley: Univ. of California press, 1988. — 322 p.

256. Schurmann H. Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge: Harvard University Press, 1956. — 253 p.

257. The Mongol Empire and its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss, D. Morgan. Leiden: Brill, 2000. — 361 p.

258. Tucci U. Marco Polo andò veramente in China? // SV. 1997. Vol. 33. P. 49–59.

259. Van den Wyngaert A. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV // Sinica Franciscana. Vol. I. Firenze, 1929. P. 501–506.

260. Vogel H.U. Marco Polo was in China. New evidence from currencies, salts and revenues. Leiden: Brill, 2013. — 676 p.

261. Voiret J.-P. China, “objektiv“ gesehen: Marco Polo als Berichterstatter // AS. 1997. Vol. 51. P. 805–821.

262. Waldron A. The problem of the Great Wall of China // HJAS. 1983. Vol. 42. P. 643–663.

263. West S.Mongol influence on the development of northern Drama // China under Mongol Rule. P. 434–465.

264. Wood F. Did Marco Polo go to China? London: Perseus, 1995. — 208 p.